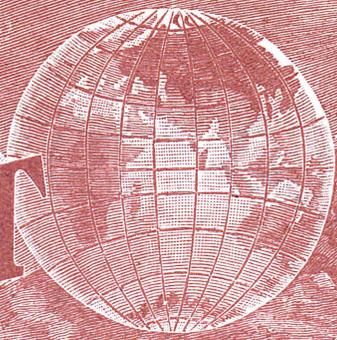
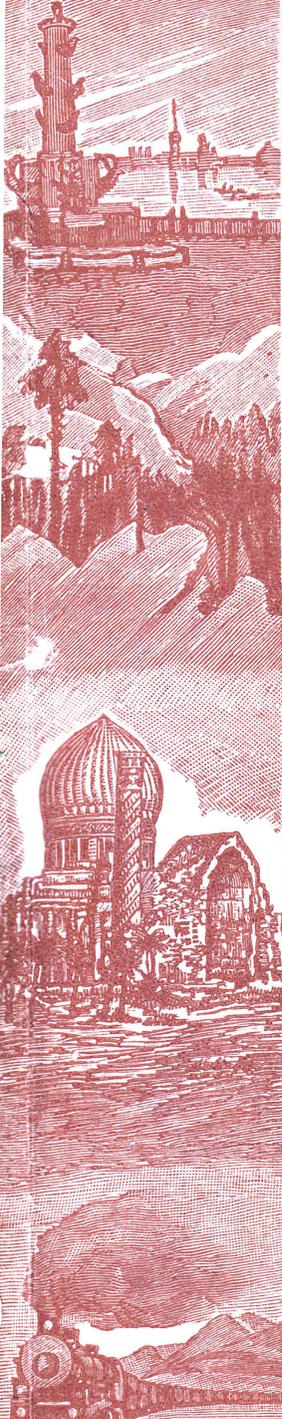

1949

ВОКРУГ ЦВЕТА

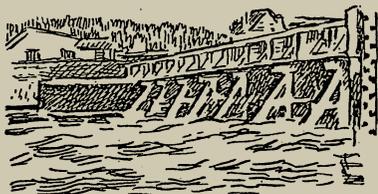
№ 5
Май

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЕТ

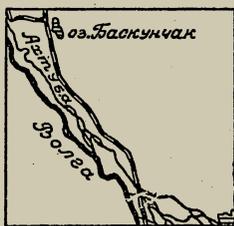
КАРТА

ЦНИНСКИЕ ГИДРОСТАНЦИИ

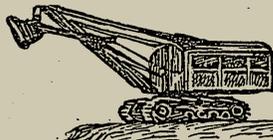

90 гидроэлектростанций намечено построить в текущем году на реке Цне, в Тамбовской области. Осуществляя программу освоения малых рек, колхозники соорудили на Цне два гидроузла со шлюзами и каналами; в недалеком прошлом мелководная река стала судоходной на протяжении 100 километров. Строительство гидроэлектростанций позволяет дать энергию тысячам домов колхозников. С постройкой новых гидроузлов судоходство по реке Цне продвинется до границ Рязанской области. Мощная энергетическая база создается и на других малых реках области. В недалеком будущем она позволит широко развивать здесь орошаемое земледелие.

БАСКУНЧАКСКАЯ СОЛЬ

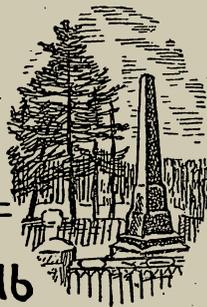

На востоку от Волги, близ горы Большое Богдо, находится самосадочное соленое озеро Баскунчак — второе по величине на территории СССР после Эльтонского. Когда-то баскунчакскую соль добывали примитивным способом — лопатой и ломом. Теперь добыча соли на Баскунчаке механизирована. В этом году здесь вступили в действие пять мощных агрегатов, разрабатывающих глубинные пласты. Рабочие и специалисты Баскунчакского промысла соревнуются между собой за досрочное выполнение годового плана добычи соли.

ОСУШЕНИЕ БОЛОТ В ЭСТОНИИ

Значительная часть территории Эстонской ССР занята болотами. Правительство буржуазной Эстонии не вело борьбы с заболачиванием почвы, и болота год от году разрастались. Советское государство затрачивает на осушение болот в Эстонии значительные средства. За три последних года десятки тысяч гектаров болот превращены в пашни и луга. С весны началось новое наступление на болота. Тысячи дренажных труб, канавокопатели, экскаваторы и другое оборудование подготовлены промышленностью для строительства новых осушительных каналов. На тысячах гектаров вновь освоенных земель возникнут сады и огороды.

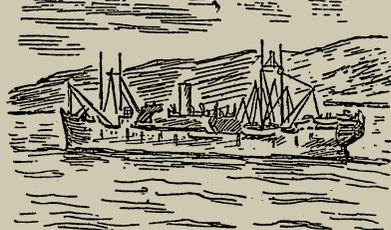

ВЕЛИКО- АНАДОЛЬ

Летом 1892 года в Велико-Анадоле, по соседству с местами, где происходит действие чеховской «Стелы», выдающимся русским ученым В. В. Докучаевым были начаты опыты по степному лесоразведению. Здесь в то время уже существовал массив искусственно разведенного леса. В местах, где работали русские ученые В. В. Докучаев, В. Е. Графф, Г. Н. Высокский, ныне их дело успешно продолжает Ждановская опытная агролесомелиоративная станция. Сюда за помощью и советом приезжают бригадир и звеньевые лесоводческих звеньев. Работники станции оказывают колхозникам повседневную помощь в закладке полезащитных полос и посевах леса.

На рисунке — памятник В. Е. Граффу в Велико-Анадоле.

СОВЕТСКИЕ КРАБОЛОВЫ

В морях, омывающих берега нашей родины, — Охотском, Беринговом и Японском — живут «промысловые» крабы, идущие на консервы. Для ловли и обработки крабов применяются пловучие заводы — краболовы. Этой весной на промысел из бухты Золотой Рог первыми вышли советские краболовы «Чернышевский» и «Всеволод Сибирцев», а за ними — «Менжинский» и «Алма-Ата». Промысел краба в приморских водах начался в этом году на месяц раньше срока.

В СТЕПЯХ ТАВРИИ

Еще до войны начало развиваться в обширных и безводных степях Таврии орошаемое земледелие. Площадь поливных земель превышала здесь 15 тысяч гектаров. Восстанавливая все разрушенное в период фашистской оккупации, колхозники Херсонщины заново построили артезианские скважины, водоносные станции, оросительную сеть. Площадь орошаемых земель в области уже доведена до 7,5 тысячи гектаров. Особенно широкое развитие получает здесь орошаемое земледелие в нынешнем году.

1949

ВОКРУГ СВЕТА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 5

М а й

Журнал основан в 1861 году

Первого мая на Красной площади.

МОЛОДЫЕ СТРОИТЕЛИ КОММУНИЗМА

XI съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи по праву назван съездом молодых строителей коммунизма. Съезд ярко продемонстрировал несокрушимое единство и боевую сплоченность миллионов советских юношей и девушек вокруг большевистской партии, ее ленинско-сталинского Центрального Комитета, вокруг родного и любимого товарища Сталина.

С огромным воодушевлением встретил съезд приветствие Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). В бурных аплодисментах, восторженных возгласах делегатов съезда, раздававшихся под сводами зала Большого Кремлевского дворца, выразились в этот волнующий момент чувства всей советской молодежи, охваченной единым святым и благородным порывом.

Боевой штаб героической партии Ленина—Сталина дал высокую оценку деятельности комсомола, призвал его к новым подвигам во славу социалистической родины. «Теперь, когда советский народ решает великие задачи строительства коммунизма, — указал Центральный Комитет партии в своем приветствии комсомолу, — еще более возрастает роль Комсомола в деле коммунистического воспитания молодого поколения. Комсомол должен воспитывать среди молодежи бесстрашных, бодрых, жизнерадостных, уверенных в своих силах, готовых преодолевать любые трудности бойцов за свободу и честь нашей Родины, за дело партии Ленина—Сталина, за победу коммунизма». Центральный Комитет ВКП(б) призвал комсомол и впредь поднимать силы юных патриотов на борьбу за дальнейший расцвет нашей родины, прославить себя новыми подвигами во имя победы коммунизма. Отвечая на вдохновенные слова призыва, съезд от имени девятимиллионной армии комсомольцев и комсомолок, от всей молодежи заверил Центральный Комитет ВКП(б), товарища Сталина, что комсомол с честью выполнит эти задачи, будет и впредь верным помощником и боевым резервом ВКП(б).

Светла и возвышенна слава героического комсомола, любимца советского народа. Молодые строители коммунизма в годы сталинских пятилеток строили Кузнецк и Магнитку, железнодорожные магистрали, новые заводы и шахты. В суровую годину войны комсомольцы, верные сыны нашей родины, героически сражались против захватчиков. «Райком закрыт, все уши на фронт», — свидетельством мужества и доблести вошла в историю нашей страны эта простая деловая надпись.

Советский народ одержал победу над темными

силами фашизма, и новыми подвигами на фронтах труда прославили себя комсомольцы — передовой отряд советской молодежи. На строительстве Мингечаурской плотины и на стройке автомобильного завода в Минске, на лесах Сталинграда и в шахтах Донбасса, на полях совхозов и колхозов — всюду, вдохновляемый партией Ленина—Сталина, решает комсомол ответственные созидательные задачи.

С неиссякаемой энергией и активностью комсомол борется за осуществление великих сталинских планов, за досрочное выполнение послевоенной пятилетки. В честь съезда два миллиона молодых рабочих досрочно завершили выполнение квартальных заданий. Более ста тысяч молодых рабочих выполнили нормы пяти лет.

Цвет советской молодежи, лучшие люди комсомола были среди делегатов и гостей XI съезда. Делегатами съезда были такие выдающиеся новаторы труда, выдвинутые комсомолом, как ткачиха Орехово-Зуевского хлопчатобумажного комбината, инициатор работы на нескольких станках Мария Волкова, мастер скоростного бурения Юсуф Керимов, лучший сталевар Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина Александр Шашков, стахановка Московского завода малолитражных автомобилей, инициатор движения за досрочное освоение проектных норм выработки Анна Кузнецова, мастер сверхскоростной обработки металла Генрих Борткевич, инициатор скоростной проходки угольных шахт Донбасса Николай Лукичев, Мастера стахановского труда, лучшие бригады полеводческих и тракторных бригад, знатные животноводы, удостоенные высоких правительственных наград за успехи в борьбе за изобилие сельскохозяйственных продуктов, — вот лучшие люди, посланные молодежью со всех концов страны на XI съезд ВЛКСМ.

Прекрасное качество большевика — никогда не успокаиваться на достигнутом — составляет отличительную черту в моральном облике молодого человека сталинской эпохи.

Замечательным примером большевистской энергии и настойчивости, боевого юношеского задора в выполнении новых созидательных задач, выдвинутых партией и правительством, является активное участие нашей молодежи в осуществлении сталинского плана преобразования природы. Комсомольцы Сталинградской, Курской, Чкаловской, Саратовской и других областей взяли обязательства досрочно осуществить лесопосадки на трассах государственных и колхозных полесозащитных лесных полос.

По одной только Чкаловской области силами комсомольцев и молодежи области будет построена к 1952 году полезащитная полоса Чкалов—Илек общей площадью 3 600 гектаров, и установленный срок сооружения этой полосы будет в результате этого сокращен на одиннадцать лет. Яркий пример трудового героизма показывают тысячи юношей и девушек Узбекистана, занятые освоением бесплодных ранее земель Голодной степи, молодые нефтяники Азербайджана, которые ввели в действие более 450 простаивавших нефтяных скважин.

Труд физический наша молодежь учится сочетать с трудом умственным, успешно преодолевая веками разделявшую их грань. Произведения Мичурина, Вильямса, Докучаева, Лысенко становятся настольными книгами сельских комсомольцев, помогая молодежи в борьбе за устойчивые урожаи.

В дни работы съезда непрерывно шли в его адрес сообщения и рапорты о новых производственных успехах юных патриотов. Это было ярким свидетельством возросшего авторитета комсомола, призванного воспитывать в молодежи высокие моральные качества советского человека, формирующиеся в созидательном труде на благо социалистического отечества.

XI съезд ВЛКСМ единодушно одобрил политическую линию и практическую работу ЦК ВЛКСМ. Резолюция по отчетному докладу ЦК ВЛКСМ, принятая

съездом, освещает задачи дальнейшей работы комсомола.

Учение Ленина—Сталина составляет основу воспитательной работы комсомола среди молодежи. Важнейшей задачей ВЛКСМ является непримиримая борьба с пережитками капитализма в сознании людей, борьба за всемерное улучшение политического просвещения молодежи, за воспитание молодежи в духе нашей советской идеологии. В решениях, принятых съездом, первое место занимают задачи всемерного усиления коммунистического воспитания молодежи, приобщения ее к знаниям, науке, культуре.

В этой связи особое значение приобретает работа комсомола в школе. Съезд принял по этому вопросу важные постановления. Вся деятельность школьного комсомола должна быть неразрывно связана с учебно-воспитательными задачами школы. Помогая учителю в обучении и воспитании детей, школьные комсомольские организации накопили ценный опыт в этой работе; они широко используют такие живые и разнообразные методы работы, как различные лекции и диспуты, читательские конференции, экскурсии, путешествия, туристские походы, предметные кружки. Повсеместно комсомольцы и пионеры являются примером сознательного отношения к овладению основами наук. Однако многие школьные комсомольские организации еще слабо борются за овладение всеми учащимися прочными и глу-

XI съезд ВЛКСМ. В Георгиевском зале во время перерыва.

бокими знаниями, за укрепление сознательной дисциплины.

Делегаты съезда указывали в своих выступлениях на серьезные недостатки в работе Академии педагогических наук и органов народного образования, не всегда проявляющих в своей деятельности необходимую оперативность. В отдельных наших учебниках и учебных программах не изжиты еще элементы космополитизма и низкопоклонства перед буржуазной западноевропейской культурой и в то же время недостаточно освещается огромная созидательная работа по преобразованию своей земли, которую осуществляет советский народ под руководством партии большевиков.

Секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии тов. Данилова в своем выступлении подвергла основательной критике учебник физической географии Чефранова для 7-го класса, учебник географии Иванова для 6-го класса. В них дается искаженный, не отвечающий сегодняшней нашей действительности образ советского Полесья, а такое иностранное государство, как США, «выглядит самой красивой, самой богатой страной, чуть ли не раем». Этот список можно было бы пополнить еще и учебником экономической географии зарубежных стран Витвера, также написанным без патристического чувства, с позиций объективизма.

Решения съезда по работе среди школьников, пионеров, среди советских детей обязывают комсомол оказывать партии и правительству самую энергичную помощь в дальнейшем укреплении и развитии советской школы. Первейшая обязанность комсомола — в тесном содружестве с учительством улучшать обучение и воспитание будущих строителей коммунизма.

Важное значение для комсомольских организаций, для каждого комсомольца имеют принятые XI съездом изменения в Уставе ВЛКСМ. Утвержденный на съезде Устав отобразил перемены, происшедшие в жизни комсомола, и накопленный им значительный опыт. Изменения и дополнения Устава знаменуют крутой поворот комсомола к идеологическим вопросам, к задачам коммунистического воспитания молодежи. Выражая единодушное мнение миллионов комсомольцев и комсомолок, съезд выдвинул на первый план в Уставе вопросы партийного руководства. Закрепление права четырнадцатилетних юношей и девушек вступать в комсомол и отмена кандидатского стажа для вступающих — все это послужит дальнейшему укреплению рядов ВЛКСМ, упрочению его связей с молодежью.

Советская молодежь неизменно идет в авангарде демократической молодежи мира. В лице комсомола Советского Союза видит прогрессивная молодежь всех стран вдохновляющий пример в борьбе за дружбу между народами. Советская молодежь горячо

поддержала идею созыва Всемирного конгресса сторонников мира и приняла активное участие в его подготовке. В письмах и телеграммах, поступивших в адрес съезда из-за границы, с огромной силой прозвучали слова уважения и любви к комсомолу СССР. Этим чувством признательности и безграничной благодарности советскому народу и его молодежи проникнуты были выступления всех представителей демократической молодежи, рассказавших съезду о том, как молодые демократы мира учатся у советской молодежи сочетать горячую любовь к родине с подлинным интернационализмом в борьбе за мир, свободу и равноправие всех народов.

«Польская молодежь, — сказал, выступая на съезде, представитель Союза польской молодежи Ежи Моравский, — активно участвует в построении основ социализма в нашей стране, используя опыт вашего славного пути, опыт комсомольской организации. С каждым днем крепнет дружба между молодежью СССР и Польши. Нет на свете такой силы, которая могла бы ослабить нашу дружбу, разъединить наши ряды».

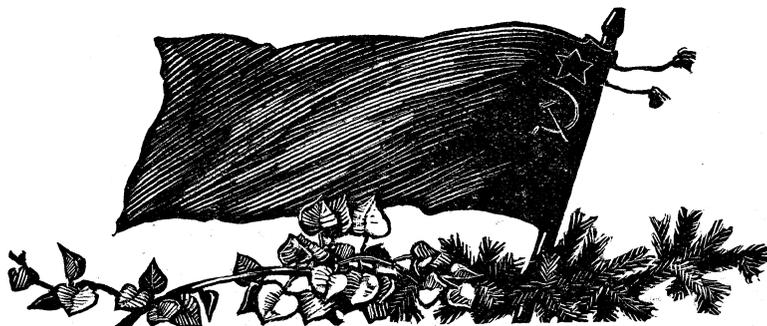
«Нас восхищает ваша преданная любовь к родине и народу, ваш энтузиазм и творческая инициатива, позволяющая вам в любых условиях преодолевать трудности, ваша беззаветная преданность делу интернационализма», — заявил в своем выступлении на съезде делегат демократической молодежи Китая Сун Пин.

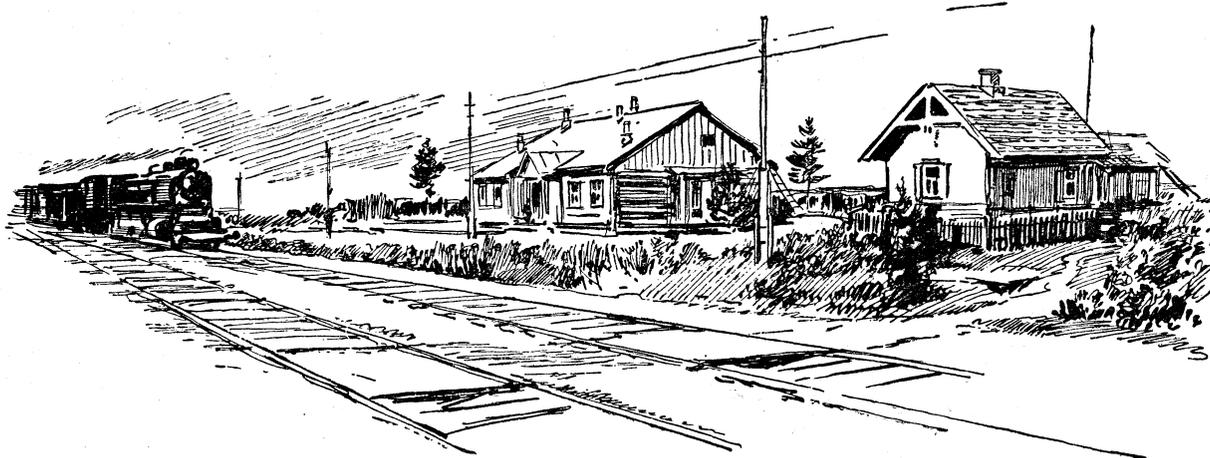
XI съезд ВЛКСМ — важная веха в жизни советской молодежи. Съезд молодых строителей коммунизма с исключительной силой показал политическое и организационное единство девятимиллионного комсомола, его беспредельную любовь к родине, его тесную сплоченность вокруг большевистской партии, вокруг товарища Сталина.

На съезде комсомолу был вручен орден Ленина, которым ВЛКСМ награжден за выдающиеся заслуги перед родиной в деле коммунистического воспитания и за активное участие в социалистическом строительстве в связи со своим 30-летием.

В письме товарищу Сталину съезд выразил безграничную любовь, преданность и сердечную благодарность великому вождю и учителю за отеческую заботу о комсомоле и всей советской молодежи. Миллионы комсомольцев и комсомолок, вся советская молодежь с волнением повторяют слова письма, с которым делегаты съезда обратились к товарищу Сталину, слова клятвы съезда.

Новыми успехами в труде и учебе, новыми достижениями в деле коммунистического воспитания детей и молодежи комсомол с честью оправдает доверие партии, с честью выполнит свою клятву вождю.

Д. РОМАНЕНКО

Рис. Г. Балашова

ДУБОСЕКОВО

Недавно мне довелось побывать в деревне Нелидово Волоколамского района Московской области. Если повернуться лицом к Москве, то в километре от этого селения, за большим оврагом, на дне которого всегда звенит ручей, можно увидеть разъезд Дубосеково. Здесь 16 ноября 1941 года совершили свой легендарный подвиг 28 героев-панфиловцев, вступивших в единоборство с 50 немецкими танками.

Светлые имена воинов-богатырей и беспримерный их подвиг связаны с боями Советской Армии против немецко-фашистских захватчиков на территории Волоколамского района в незабываемые дни обороны Москвы, когда натиск врага был особенно ожесточенным. Выполняя приказ великого Сталина — остановить врага, гвардейцы из дивизии генерала Ивана Васильевича Панфилова, не дрогнув, выдержали сильный удар гитлеровцев на Волоколамском шоссе.

Горячая любовь к отчизне вдохновила героев на подвиг, дала им мужество. Они пали в неравной схватке, выполнив до конца воинский долг. Панфиловцы завещали своим товарищам стойкость, отвагу, презрение к смерти во имя победы.

Нет такой силы на свете, которая могла бы погасить святой огонь их великого дела. Этот огонь горит и сейчас в трудовых деяниях советских людей.

Герои покоятся у восточной околицы Нелидова, на зеленом пригорке, недалеко от нового, только что выстроенного дома. Над братской могилой гвардейцев высится строгий, простой обелиск, увенчанный пятиконечной звездой. Как маяк, высоко вознесенный над землей, сияет эта звезда — символ мужества, доблести и отваги.

У основания обелиска, среди живых цветов, лежит большой венок славы, свитый из дубовых и еловых ветвей. На мраморных досках выгравированы имена 28 героев-панфиловцев и короткий волнующий рассказ об их подвиге.

Могилу часто посещают жители окрестных городов и деревень. Люди приходят сюда, чтобы поклониться праху героев, отдавших свои жизни за народное счастье, за честь и независимость родины, за родную Москву.

С холма, где вечным сном спят отважные воины, далеко видна московская земля.

Переменяясь, уходят вдаль, в синеватую легкую дымку, кудрявые купы белоствольных берез, золотые сосновые боры, темные еловые заросли, куши лип и дубов. На фоне просторного голубого неба четко вырисовываются вершины высоких одиноких елей,

украшенных бледно-голубыми сережками моха и продолговатыми шишками.

Прекрасна подмосковная земля! Тут нет резких красок. Повсюду — на полях, в лесах и на лугах — господствуют мягкие и нежные цвета, но их множество, почти незаметно переходят они один в другой, создавая очаровательную картину, которую невозможно забыть, нельзя не любить.

Особенное оживление царит здесь весной. Цветут леса, луга, сады и болота. Свежей листвой покрываются деревья, мелодично гудят на них рой золотых пчел.

Вспыхивая сполохами белого огня, стоят в тиши вишневые сады. На смену доцветающей черемухе спешит сирень. В тени елок цветут кислицы, на лугах поднимается воробьиный шавель. У старых, мшистых пней светятся звездочки седмичника: в каждой его звездочке по семи листочков, лепестков и золотистых тычинок; семьи дружных ландышей заполняют солнечные поляны.

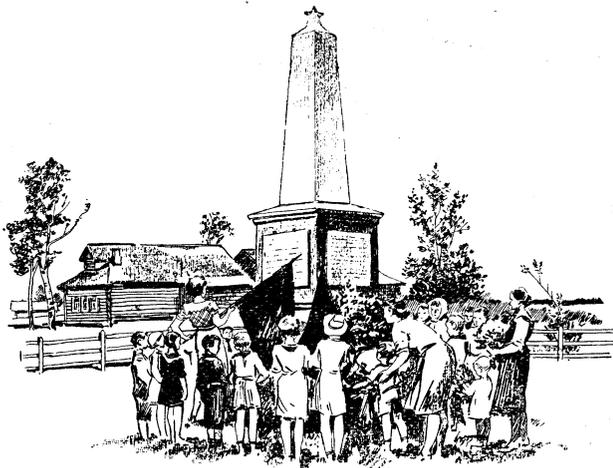
Жаркое лето сменяет весну. Могучим соком жизни наливаются колосья. Всюду пахнет земляными соками, хмельной силой будущих урожаев.

В конце августа начинается листопад. Перестают виться в прозрачном воздухе седые паутинки бабьего лета. Небо затягивается пеленой туч, воздух теряет свою прозрачность, чернеет лес. В середине октября появляется первый снег, в ноябре он ложится сплошным покрывалом, и мороз выходит в первый дозор по своим зимним владениям. К этому времени зайцы уже успели сменить свой летний серый наряд на белые шубы.

Но особую красоту придает этой привольной русской земле то, что создано человеческими руками. Густо лежат здесь села и города, колхозы, совхозы и машинно-тракторные станции. В зелени лесов то там, то здесь возвышаются корпуса заводов и фабрик. На берегах рек сияют огнями большие и малые гидроэлектростанции, несущие людям могучую энергию.

На запад и на восток от Москвы вдоль железных дорог разбросались старинные русские города: Волоколамск, Руза, Верея, Можайск, Звенигород, Боровск, Малоярославец, Нарофоминск, Подольск, Клин, Солнечногорск, Дмитров, Загорск, Яхрома, Серпухов, Кашира и Коломна.

У городов этих славное прошлое и великое будущее. У каждого свой неповторимый облик, свой характер и своя история. Москва гордится созвездием своих малых городов. Это грозные подступы к столи-

У братской могилы.

це, ее верные стражи. На этих подступах немецкие войска, покорившие Европу, были смяты и отброшены в декабре 1941 года.

Нам дорога и памятна подмосковная земля. Все, что мы на ней видим, наше, свое, родное. Она обогрета кровью советских людей, верных сынов родины. Умирая, славные защитники Москвы приносили к родимой земле со словами горячей любви и прощального привета, завещая людям беречь, охранять и украшать родную землю созданиями своего свободного труда.

22 июня 1941 года немецко-фашистские захватчики вторглись в пределы Советского Союза. Опыненные первоначальными успехами, бронированные полчища гитлеровцев устремились к Москве. Сюда направлялся их главный стратегический удар. Германское командование предполагало использовать внезапность удара и с ходу захватить Москву глубоким рейдом бронетанковых сил. Но этот план был сорван в первые же недели войны. В середине сентября немцы были задержаны войсками Советской Армии на рубеже верхнего течения Западной Двины, а также в районах Смоленска и Ельни.

2 октября 1941 года после большой подготовки немецко-фашистские войска на московском направлении вновь перешли в наступление.

Общий план наступления германских войск на Москву в это время сводился к нанесению трех ударов: один — севернее Смоленска, в направлении на Калинин, с целью последующего охвата Москвы с севера, второй — в направлении на Вязьму, для последующей атаки с запада, третий — в направлении Орел — Тула, для окружения Москвы с юга.

Но не сбылись мечты незадачливых фашистских вояк. Тула оказала героическое сопротивление, прочно сковав вышедшие сюда германские части. Захватившие Калинин танковые войска немцев были немедленно атакованы советскими войсками, подошедшими к Калинин с разных сторон. Таким образом, фланги германских войск оказались связанными, а их центральная группа, не получив поддержки, не рискнула наступать на Москву собственными силами. План окружения и захвата Москвы был разрушен и на этот раз.

Во второй половине октября вокруг Калинина и Тулы шли напряженные бои: ни в том, ни в другом месте немцы не могли продвинуться. Но они накапливали силы и не теряли надежды осуществить свой план.

Обстановка на подмосковном фронте стала острой и грозной.

После октябрьского прорыва немецких войск под Вязьмой Москва стала готовиться к решающему бою

на ближних подступах, а если бы врагу удалось прорваться, то и на улицах столицы.

16 ноября 1941 года германские войска начали новое «решительное» наступление на Москву, оказавшееся для них последним и роковым, несмотря на то, что план этого наступления был вновь изменен.

Германское командование, не взяв Тулы и не справившись с калининской группировкой советских войск, решило оставить в районе Калинина заслон и обойти Тулу с востока, чтобы развить против Москвы два охватывающих удара.

В центре, с запада на восток, через Можайск должны были наступать сильные пехотные группировки немецких войск, поддержанные танками.

Германское командование собрало и сосредоточило для удара по Москве 51 дивизию, в том числе 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий. Всю эту массу войск и боевой техники поддерживал военно-воздушный флот.

Судя по группировке сил, главный удар гитлеровцы предполагали нанести против Москвы с северо-запада. С большим упорством враг развивал здесь удар огромной силы.

Советская Армия под руководством своего Верховного Главнокомандующего товарища Сталина опрокинула расчеты врага, сорвала его планы.

Оборона Москвы стала главной задачей Советской Армии. На ближних и дальних подступах к столице создавались оборонительные сооружения. В оборонных работах принимали участие широкие круги населения столицы. Москвичи дали Советской Армии десятки тысяч первоклассных бойцов. Создавались и уходили на фронт полки и дивизии московского народного ополчения.

Те, кто был в это время в Москве, никогда не забудут великих дней ее обороны. На многие десятки километров протянулись вокруг столицы противотанковые рвы и другие инженерные сооружения оборонного значения. На всех угрожаемых направлениях выросли стальные щиты ежей и надолб. У оснований домов появились защитные стены из мешков, наполненных песком. Окна были закрыты синими и черными маскировочными шторами. В садах и парках засеребрились азостаты, поднялись в небо стволы зенитных орудий. Иногда репродукторы разносили беспокорные слова: «Граждане! Воздушная тревога!» Ночное небо Москвы часто светлело от разрывов зенитных снарядов и прожекторных лучей. Случалось, что земля сотрясалась от взрывов вражеских бомб. Но никто и не думал уступать врагу свой родной город — сердце и мозг Советской страны. Все понимали величайшее политическое и военное значение борьбы за Москву. В великой битве за столицу органически соединилось все самое дорогое и ценное для советского человека. И в эти грозные дни в Москве оставался и работал великий Сталин. Отсюда исходили его приказы по разгрому фашистских полчищ.

Работая иной раз по колена в воде, соскабливая пальцами с лопат вязкую глину, защитники Москвы не бросали работу до тех пор, пока не выполняли задания. Среди них было много женщин, девушек и подростков. Случалось, что злобный враг сбрасывал на них бомбы, но и это не могло заглушить героического трудового порыва. Наоборот, люди еще крепче сжимали в руках лопаты, врывались в землю, которая дала им жизнь и силы.

Москва готовилась к смертельной схватке, но не к пассивной обороне, не только к тому, чтобы задержать врага, а и к тому, чтобы под своими стенами нанести ему сокрушительный удар.

7 ноября 1941 года на Красной площади происходил традиционный парад частей Советской Армии. После парада войска уходили на фронт. Товарищ Сталин с гениальной силой предвидения говорил им с трибуны ленинского мавзолея:

«Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен чорт,

как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой».

Выступления товарища Сталина 6 и 7 ноября 1941 года вселили веру в непобедимость советского народа и вдохновили воинов на новые подвиги.

Бои происходили под городами и селами Подмосковья, на полях и в лесах, Грохотали, не умолкая, орудия, с грозным клекотом и посвистом летели снаряды. Строчили пулеметы и автоматы. В Подмосковье бои с немецко-фашистскими захватчиками приняли особенно ожесточенный и упорный характер.

Десятки германских дивизий с отборным составом фашистских головорезов были обескровлены и разбиты еще раньше, чем эти дивизии подошли на ближние подступы к столице. Воины Советской Армии перемазывали бронированные полчища немецких захватчиков, подготавливая условия для полного их разгрома.

* * *

Наиболее тяжелые бои происходили на правом крыле фронта, который немцы избрали для нанесения главного удара. Этот фланг был ближе всего к Москве. Кое-где ценой больших потерь гитлеровцам удалось занять несколько населенных пунктов. Волоколамск и ряд селений вокруг него оказались в руках врага.

На пути гитлеровцев встала и преградила им дорогу 316-я стрелковая дивизия, переименованная в 8-ю гвардейскую имени генерала Панфилова, павшего смертью храбрых под Москвой.

Генерал Иван Васильевич Панфилов принадлежал к числу тех военачальников, которые были заботливо отобраны великим Сталиным для разгрома немецко-фашистских полчищ под стенами Москвы.

Генерал оказался вполне достойным доверия вождя, он сочетал в себе высокую военную культуру, гибкий и острый ум, неумолимую требовательность к подчиненным и чуткость к их нуждам, страстную любовь к родине и жгучую ненависть к врагу.

Панфилов воевал против немцев в окопах первой империалистической войны рядовым солдатом, в дни гражданской войны сражался с многочисленными врагами Советской страны, будучи в рядах Чапаевской дивизии. Он был сподвижником легендарного Чапаева, и все бойцы его дивизии знали об этом.

Пять отборных фашистских дивизий готовились обрушить на панфиловцев всю мощь своего огня.

Вся эта группировка немецких войск была нацелена на один из полков Панфиловской дивизии, под командованием полковника Капрора. Полк Капрора держал оборону на линии «высота 251» — деревня Петелино — разъезд Дубосеково.

На левом фланге обороны полка, седлая железную дорогу, находились подразделения сержанта Добробабина и старшего сержанта Митина.

Извилистый окоп, где расположились бойцы Добробабина, пролегал среди редкого кустарника примерно в ста метрах от разъезда Дубосеково.

Стоял холодный, морозный день. Мела поземка. Тревожно раскачивались под ветром голые ветви деревьев. По Волоколамскому шоссе шли танки и самоходные пушки. Бойцы Добробабина ждали врага.

Накануне сражения генерал Панфилов вышел из блиндажа и прислушался. Где-то совсем близко, как бы проснувшись, заговорили пушки. Дробная россыпь ударов дерзко ворвалась в тишину. Огневой налет врага продолжался недолго. Трассирующие пули пронеслись во тьме и как будто растаяли в холодном ночном воздухе. То там, то здесь взвивались в небо голубые ракеты. Огневая активность врага усилилась, он готовился к прыжку. Данные разведки подтвержались.

Панфилов вернулся в блиндаж и по очереди поговорил по телефону с командирами артиллерийских под-

разделений. Голоса командиров звучали уверенно и твердо. Все были на своих местах, все были готовы к встрече врага. На мужественном и простом лице генерала, в светлых его глазах появилась улыбка удовлетворения, но вмиг погасла. Левый фланг.. Левый фланг у полковника Капрора был недостаточно защищен. Правда, фланг этот лежал в стороне от шоссе, путь для танков туда был не совсем удобным. И хотя полковник Капрор сделал все, что было возможно, все же генерала точила тревога за левый фланг. Но чем помочь? Все огневые средства заняты на других, не менее важных направлениях.

Панфилов прошелся по блиндажу, подумал некоторое время, глядя на волнистое пламя лампы, и приказал ординарцу разыскать бойца Аскара Кожебергена и направить к нему.

Генерал знал Кожебергена, любил его за решительность и смелость в бою, за горячий темперамент и природную смелость. Боец часто бывал часовым у его блиндажа, сопровождал в сражениях. Ему можно было дать любое приказание и быть уверенным, что приказ будет выполнен.

Кожеберген явился на вызов. Панфилов сказал:

— Вот что, друг! Иди в полк Капрора, к Добробабину, и скажи всем его орлам, что я лично приказал держать рубеж, хотя бы вся немецкая армия пошла на них. Пробудешь там, пока я не вызову. Ты меня понял, Кожеберген?

— Есть пойти в полк Капрора, к сержанту Добробабину, — ответил боец, довольный поручением генерала. Он был горд, что именно ему, а не кому-нибудь другому поручил Панфилов такое важное дело, и готов был лететь на крыльях, чтобы исполнить волю командира дивизии. Он любил его, как отца, не раз ощущая на себе его заботу.

Аскар Кожеберген точно передал приказ генерала, и сам остался в окопе с бойцами Добробабина. Он говорил в кругу бойцов:

— Наш генерал — Чапаева любимый брат. Сам Чапаев открыл ему свой секрет победы. С нашим генералом жить хорошо и умереть не страшно.

Политрук роты Василий Георгиевич Ключков-Диев помещался в домике путевого обходчика Макарова. Этот домик стоял недалеко от окопов. Сюда часто приходили бойцы обогреться. Здесь Ключков проводил с ними задушевные беседы, но чаще всего политрука видели в окопах.

За день до немецкого наступления Ключков задумчиво шагал по домику и напевал свою любимую песенку на слова стихотворения Лермонтова «Бородино»:

Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

На ближних и дальних подступах к столице создавались оборонительные сооружения.

Это священное для каждого русского человека Бородинское поле лежало совсем недалеко. Здесь померкла слава Наполеона. Солнце Бородинской битвы, засиявшее свыше ста лет назад, не могло померкнуть.

Политрук Василий Клочков был уверен в победе. Основанием этой уверенности были русские воинские традиции и слова великого Сталина, сказанные им в докладе на торжественном заседании Московского Совета накануне XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции:

«Наше дело правое, — победа будет за нами!»

Политрук сделал несколько шагов по комнате и сказал, обращаясь к бойцам, которые переобувались и сушили портянки:

— Много людей, ребята, полегло когда-то за Москву. И теперь ее далеко выдать. А о тех, что кровь свою пролили, мы сейчас песни поем. Может быть, и нам придется стать здесь насмерть. И о нас когда-нибудь споют хорошую песню...

Клочков до войны учился в строительном техникуме, готовил себя к творческой работе, но когда родина позвала его в ряды Советской Армии, он стал отличным военным-воспитателем. Он был человеком большой скромности, крепкой воли, исключительной выносливости и работоспособности, безграничной храбрости и самоотверженности в боях с врагами. Это был настоящий большевик.

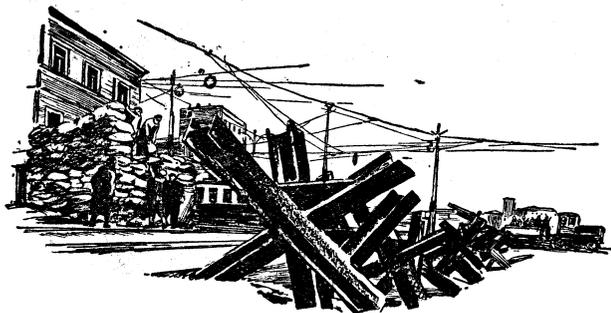
— Наш политрук всегда дие, — сказал однажды про него украинец, рядовой Бондаренко. Это значило, что он постоянно действует, работает, движется. Его любили бойцы, как старшего брата. Меткое слово Бондаренко облетело не только роту, но и весь полк: полковник Капров тоже стал звать его Диевым. Это слово более полно и ярко выражало его характер.

16 ноября 1941 года лавина огня и стали ринулась на линию обороны панфиловцев. Фашисты думали с ходу ворваться в столицу. Прыткие берлинские борзописцы прокричали на весь мир, что русских армий больше не существует, что в бинокль ясно видны центральные улицы великого русского города.

И вот грянул бой. Люди никогда не забудут эту славную битву на полях и в лесах Подмосквья. В этот первый день второго «генерального» наступления немцев на Москву и стяжали бессмертную славу 28 героев-панфиловцев.

Подвиг их был не случайным эпизодом и не жестом слепого отчаяния. В нем, в этом подвиге, лишь наиболее ярко проявился дух массового героизма, которым были охвачены все защитники Москвы, весь народ.

Панфиловцы слышали доклад Сталина. О выступлении вождя говорил им политрук Клочков. Они знали о подвиге летчика капитана Гастелло, который в воздушном бою врезался своим подбитым самолетом в скопление вражеских машин на земле. Уже гремела слава красноармейца Сергея Белоуса, вызвавшего на себя орудийный огонь своих батарей, когда он глубокой ночью, будучи в разведке, заметил на подступах к Москве немецкие танки. Летчик Талалихин уже протаранил немецкий бомбардировщик.

У оснований домов появились защитные стены из мешков...

Панфиловцев вырастила партия Ленина — Сталина. Под руководством большевистской партии они строили новую, светлую жизнь, под ее руководством в грозный час стали на защиту родины и ее сердца — Москвы.

Панфиловцы смело смотрели в глаза опасности и были горды, что родина доверила им священные рубежи столицы. Они были уверены в победе потому, что все народы великой Советской страны, спаянные кровной братской дружбой, ковали победу над озверелым врагом вместе с ними.

Используя скрытые подступы на левом фланге, туда устремились рота фашистских автоматчиков. Гитлеровцы не рассчитывали встретить здесь серьезное сопротивление.

Бойцы Добробабина притаились в окопе и молча следили за идущими во весь рост автоматчиками. Сержант Добробабин заранее распределил цели и указал сектор обстрела для каждого. Были приготовлены противотанковые гранаты, бутылки с горючей жидкостью, патроны.

Автоматчики подошли на 150 метров. Стали хорошо видны их мундиры мышиного цвета. Тишина лежала над полями. Мягкими хлопьями валил снег. Немцы осмелели и двинулись вперед скорым шагом.

Подпустив врага на короткую дистанцию, Добробабин заложил два пальца в рот. Раздался его молодецкий посвист.

Автоматчики растерянно остановились. Затрещали наши ручные пулеметы, раздалась дружные винтовочные залпы. Меткий огонь опустошил ряды самоуверенных захватчиков. Они повернули назад. Атака автоматчиков была отбита. Более 70 вражеских трупов осталось на снегу. Панфиловцы повеселели: они неплохо померялись силами с врагом.

— Но это пока присказка, а сказка будет впереди, — сказал сержант Добробабин. — Готовьтесь к настоящему бою!

Сержант не ошибся. Вскоре враг открыл по советским бойцам сильный минометный огонь. Связь с подразделением прервалась. Огневая волна катилась по всему фронту. Добробабин предупредил бойцов, чтобы удвоили бдительность.

— Танки! — раздался вскоре голос наблюдателя.

Танки появились из леса, расположенного впереди высоты. Сначала появились три машины, за ними уступом пять и еще двенадцать. Всего двадцать танков.

Панфиловцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. В этот грозный час боевого испытания в окопе появился политрук Клочков.

— Здорово, герои! — услышали бойцы его спокойный голос. Все смотрели на него, ожидая, что он скажет. Добробабин полусогнувшись подбежал к нему.

— Двадцать танков идут на окоп! Как будем встречать незваных гостей, товарищ политрук?

— Вижу. Доложите о личном составе!

— Всего двадцать семь штыков у меня. Не густо, товарищ политрук.

— Ну что ж, друзья, — сказал Клочков, обращаясь к бойцам, — меньше чем по одному танку на брата. Это не так много.

Танки приближались. Они ползли, лязгая гусеницами, подпрыгивали на ухабах. Окоп грозно молчал. Вражеские танкисты осмелели и стали набирать скорость. Подпустив танки поближе, панфиловцы встретили их дружным, губительным огнем из противотанковых ружей, подрывали гранатами, забрасывали бутылками с горючей смесью. Один из вражеских танков прорвался к окопу, из его люка высунулся фашистский ефрейтор и закричал:

— Рус, сдавайся!

Их было всего, с Клочковым и Добробабиным, 29 человек. Из 29 человек смалодушничал только один. Он упал на колени и поднял руки.

Немедленно прогремел залп. Несколько гвардейцев без команды и сговора выстрелили в труса и предателя. Это был залп народа, кара родины за клятвопреступничество. И погиб изменник, пропал бесследно и

7 ноября, после состоявшегося на Красной площади парада, войска уходили на фронт.

позорно на веки вечные. Отвернулась от него гневная отчизна и забыла его имя.

— Ни шагу назад, преградим дорогу немецким танкам! — приказал Клочков и метнул гранату в фашиста. Под танком взвились клубы черного дыма. Он как бы загнулся, ткнулся вперед и замер на месте. Вот загорелся второй танк, третий...

Бой занялся с невиданной силой. Он длился более четырех часов. Вражеские танки не могли прорваться через рубеж, обороняемый героями. Уцелевшие танки, круто повернув, отступили в ложину. Несколько гвардейцев лежали мертвыми на дне окопа, и среди них сержант Добробабин.

Двадцать были еще живы. Лица их были задымлены порохом, но глаза горели отвагой. Они и не думали покидать священный рубеж.

После короткой паузы новые вражеские танки появились перед позициями отважных гвардейцев. Среди них было несколько тяжелых. Теперь они двигались медленно и осторожно, непрерывно ведя огонь из орудий и пулеметов.

Клочков внимательно поглядел вперед, в дымное поле боя. Он насчитал тридцать машин.

— Я немного ошибся, — сказал он. — Впереди еще тридцать танков. Их уже больше чем по два на бойца. Придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!..

Отважные сыны родины приняли неравный бой. Они решили лучше погибнуть в бою, чем бесславно отступить.

Когда передняя вражеская машина, обходя подбитый ранее танк, повернулась боком, ударила первая бронбойка. Машина сразу вспыхнула. Но другие лезли вперед. Бронбойщики подпускали их на сто-двести метров и хладнокровно поджигали в наиболее уязвимые места. Откуда бы танки ни пытались прорваться, они наткнулись на сплошную стену огня. Вот уже подбито и горит более десятка танков, но и смельчаков становится все меньше и меньше. Раненый боец Бондаренко, пригнувшись к политруку, обнял его здоровой рукой и сказал:

— Давай поцелуемся, Диев!

И здесь же, в окопе, все, кто тут был, дали священную клятву не покидать рубеж, обгащенный кровью их товарищей. Они пожали крепко друг другу руки, обнялись, перецеловались, вскинули ружья и приготовили гранаты.

Нескольким вражеским машинам удалось просочиться к рубежу. Вот они уже у самого окопа. Им навстречу поднялись отважные гвардейцы. Один за дру-

гим выходят они из строя, но не сдаются. Восемнадцать из тридцати вражеских танков застыли перед героями исковерканные.

Но вот кончились боеприпасы. Немцы выскочили из люков, чтобы взять в плен отважных. Клочков собрал вокруг себя боевых соратников, и снова завязалась кровавая схватка. Под гусеницами танка погиб Москаленко. Прямо под дуло вражеского пулемета пошел боец Аскар Кожеберген, славный посланец генерала Панфилова. Он взорвал тяжелый танк, но и сам упал рядом.

— За родную Москву на врага, вперед! Пусть узнают гитлеровцы нашу силу! — крикнул политрук Клочков и, подбежав к танку, кинул гранаты под гусеницу. Фашистский танк завертелся на месте и остановился, облитый пламенем и черным дымом. Пронзенный пулями, упал и Василий Клочков, головой к голове приник к нему боец Натаров. Мимо с лязгом и грохотом прошли новые танки.

Было темно. Клочков чуть приподнял голову, увидел Натарова.

— Это ты? — едва слышно спросил он.

— Это я, политрук! Хочу перевязать твои раны.

Клочков слабым жестом отверг помощь и непокорными губами прошептал:

— Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят нас... Если жив будешь, скажи нашим...

Он не досказал свою мысль. Его ясные глаза закрылись и губы похолодели.

Над ними светились звезды, их прикрывало огромное родное небо. Чуть покачивались голые ветки редкого кустарника.

Натаров ползком добрался до леса и через несколько дней был подобран разведчиками. Изнемогая от потери крови, от ран, он рассказал в госпитале о подвиге своих товарищей. Вскоре он умер, передав живущим завещание героев.

Так сражались и погибли в неравном бою 28 гвардейцев. Они погибли за родную Москву, за любимую родину, за дело освобождения миллионов простых людей, стонавших под игом фашистской тирании. Вот их славные имена: политрук Василий Георгиевич Клочков, сержант Иван Евстафьевич Добробабин и старший сержант Гавриил Степанович Митин, рядо-

вые Николай Яковлевич Ананьев, Григорий Безродный, Николай Никанорович Болотов, Яков Александрович Бондаренко, Илларион Романович Васильев, Петр Данилович Дутов, Петр Кузьмич Емцов, Нарсутбай Есибулатов, Дмитрий Митрофанович Келейников, Аликбай Касаев, Аскар Кожебергенов, Григорий Ефимович Конкин, Абрам Иванович Крючков, Николай Гордеевич Максимов, Николай Митченко, Иван Васильевич Москаленко, Иван Моисеевич Натаров, Григорий Алексеевич Петренко, Мусабек Сенгирбаев, Дмитрий Фомич Тимофеев, Николай Игнатьевич Трофимов, Иван Демидович Шадрин, Душанкул Шаповков, Григорий Михайлович Шемякин, Иван Алексеевич Шепетков.

Имена героев высечены на мраморных досках обелиска. Здесь полностью воспроизведен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 года о присвоении 28 панфиловцам звания Героя Советского Союза.

История прошлых войн не знала подобного героического дерзновения. О подвиге панфиловцев сложены уже народом песни и сказания. Они стоят и будут стоять во весь свой богатырский рост, доблестные защитники вольной нашей земли. Их пример воодушевляет и ведет за собой тысячи советских патриотов, подобно тому, как сами они, наши герои, следовали бессмертным образцам героизма своих старших товарищей.

6 декабря 1941 года в бой вступили тщательно подготовленные и верно нацеленные сталинской рукой резервы Советской Армии. Германские войска, пытавшиеся сомкнуть вокруг Москвы «клещи», сами оказались в опасности. Наши «клещи» оказались хлеще немецких. Под угрозой полного истребления гитлеровцам не оставалось ничего иного, как быстро уходить из-под ударов советских армий.

Битва под Москвой изменила ход войны. Она развеяла легенду о непобедимости гитлеровских войск. На некоторых направлениях немцы были отброшены на запад свыше чем на 400 километров. Московская и Тульская области были полностью очищены от захватчиков. За ударом под Москвой последовали удары по немцам и на ряде других участков обширного советско-германского фронта.

Подвиг 28 гвардейцев был не однажды повторен под Воронежем, в южных степях, у предгорий Кавказа, в Сталинграде, и всякий раз в самоотверженности советских воинов оживали образы героев разезда Дубосеково.

Москва 1941 года и Сталинград 1942 года явились первыми победными вехами на пути Советской Армии к полному разгрому немецко-фашистских захватчиков.

Тела героев еще лежали на территории, временно занятой врагом, не погребенными, но пример их подвига уже вдохновлял на борьбу с гитлеровскими захватчиками жителей окрестных деревень.

Когда немцы вошли в деревню Никольское, которая расположена рядом с Нелидово, они заставили колхозников Ивана Герасимова и Терентия Федорова указать дорогу танкам. Колхозники-патриоты направили вражеские танки по ложной дороге. Проплутав

Танки приближались.

несколько часов, гитлеровцы вернулись в деревню, схватили Герасимова и Федорова, привязали к танкам и завели моторы. Колхозники погибли мученической смертью под гусеницами танков, но так и не указали врагам дорогу в тыл советским войскам. Они поступили, как панфиловцы.

После того как советские воины разгромили врага на подступах столицы и очистили подмосковную землю от фашистской нечисти, жители деревни Нелидово сами перенесли из окопа тела героев и похоронили их у околицы. Впереди траурной процессии шел колхозный кузнец Василий Александрович Шупакин. Он сказал у могилы: «Прими, земля русская, богатырей своих».

Потом мимо свежей могилы героев проходили воинские части и у этого святого места гвардейской славы давали клятву умножить традиции героев. Воины Советской Армии сдержали свою клятву, и фашистская Германия понесла заслуженное возмездие.

* * *

Восемь лет прошло с памятного дня великой подмосковной битвы. Уже нельзя узнать места, где сражались герои. Вешние воды размыли глинистые стены окопов, и там, где они пролегли, густо поднялась трава, выросли цветы.

Но никогда не изгладится в народной памяти слава бессмертного подвига. Великое мужество героев живет в делах советских людей.

Волоколамский район, где сражались и сложили свои головы герои-гвардейцы из дивизии генерала Панфилова, стал районом сплошной электрификации. На живописных берегах реки Ламы выросло несколько гидроэлектростанций, дающих энергию жизни колхозам и предприятиям района.

Одна из гидроэлектростанций построена колхозниками деревни Нелидово. Она вращает жернова мельницы и дает электрический свет в дома колхозников.

— Колхозный строй, — говорит бригадир Павел Васильевич Ермолаев, — изменил облик нашей деревни. Школа, клуб, библиотека, детские ясли, тракторы и другие машины — вот что мы получили при новой артельной жизни. Теперь в нашем колхозе имени Второй пятилетки зажглось электричество, имеется радио. Жизнь стала веселее, как в городе. Нет слов, чтобы выразить нашу благодарность советскому правительству, большевистской партии и великому отцу нашему Сталину!

Мы идем по нелидовской улице, залитой электрическим светом. Бригадир Ермолаев с гордостью рассказывает о больших успехах, достигнутых артелью в 1948 году. Собирают отличный урожай зерна и овощей. Досрочно выполнено государственное задание по поставкам хлеба, мяса, молока и других продуктов. Успешно развивается животноводство. По семи килограммов на трудодень пришлось каждому колхознику. Бригадир озабочен сейчас тем, чтобы приобрести для колхоза грузовую автомашину.

— Хозяйство у нас большое, урожай хорошие. Продуктов и всякого добра много. Автомашину в хозяйстве нашем очень нужна.

Деревня Нелидово лежит у края глубокого оврага. По сторонам широкой улицы с могучими деревьями

стоят в ряд крытые почерневшей дранкой добротные пятистенные дома с резными наличниками. Под крышами прячутся нарядные и уютные чердачки-мезонины, похожие на таинственные теремки русских народных сказок. Наружная резьба по дереву — образец художественного вкуса и мастерства.

За домами и скотными сарайчиками, примыкая к ним, расположены огороды и садики. Всюду шесты со скворешнями. Птицы здесь — желанные гости. Колхозники любят пение птиц и сами поют всегда: на работе и в часы досуга, в горе и в радости. Песня здесь — спутник жизни.

В домах покрупнее — правление колхоза, магазин селю, школа и колхозный клуб. Чем ближе к окрестности, тем поновее дома, а на самом краю — свежий руб на столбах, еще не ставший домом.

Деревня строится так же, как строится вся наша необъятная страна. За деревней — колхозные скотные дворы, конюшни, амбары, машинный сарай и высокая силосная башня. За общественными постройками расстилаются массивы колхозной земли. Скот и земля — основное богатство колхоза.

Вдоль нелидовской широкой улицы идут электрические провода с отводом в каждый дом. На крышах виднеются антенны. Благодаря радио колхозники в курсе всех событий, которые происходят в нашей стране и за рубежом.

Электрический свет — здесь обычное явление, к нему уже привыкли. Радио стало необходимой принадлежностью каждого дома. Мысли колхозников сейчас заняты тем, чтобы внедрить электроэнергию в разнообразные процессы сельскохозяйственного производства. Они хотят механизировать полив огородов, молотьбу, очистку и обработку кормов для скота, доение коров и стрижку овец. Огородники мечтают о том, чтобы заставить электроэнергию служить вместо солнца в теплицах.

Так претворяется ленинский завет в жизнь. Недалек день, когда все колхозное производство будет переведено на новую, еще более совершенную технику, основанную на электроэнергии. Для этого созданы все условия, есть все возможности.

Бригадир Ермолаев говорит о будущем колхоза, о заветных мечтах колхозников, как о завтрашней реальности. Нелидовцы думают не о личном обогащении, а об умножении колхозного богатства, хорошо сознавая, что это есть путь к улучшению и личной жизни.

Слушая бригадира Ермолаева, я вспомнил первые дни коллективизации. Это было лет двадцать назад. Мы прибыли тогда в одну из деревень Волоколамского района с поручением Московского комитета партии большевиков помочь местным партийным

организациям в деле коллективизации. Не помню сейчас, как называлась деревня. Возможно, это было Нелидово, а может быть, соседняя с нею.

Был поздний вечер. Крестьяне собирались медленно. В свете лампы-коптилки мы видели сосредоточенные лица. В этот вечер должна была нарушиться их привычка к одиночной жизни и начаться жизнь новая, колхозная. Но привычки прошлого были очень живучи. Нас поразило, что на собрание не пришли женщины.

После все объяснилось. Кулаки запугали женщин, распустили лживые слухи о колхозной жизни.

Веселый старичок смял пальцами толстую самокрутку и сказал:

— Мы не против, но жены наши не хотят идти в коммунию. Придется и нам, мужикам, повременить.

Мы ходили по избам и объясняли женщинам, что такое колхоз. После того как кулаки и прихвостники их были разоблачены, женщины явились на собрание, и колхоз был организован.

Прошло немного времени, и все убедились в преимуществах колхозной жизни. Я рассказал этот случай Ермолаеву. Он рассмеялся:

— Да ведь такое и у нас было. Тогда в темноте жил человек, в одиночном омуте.

Да, в темноте жил человек прежде! Его сознание было в паутине предрассудков, мысль томилась в окопах старых представлений и привычек.

Коллективизация разбила эти оковы, и мы видим сейчас творческого советского человека во всей его богатейшей силе.

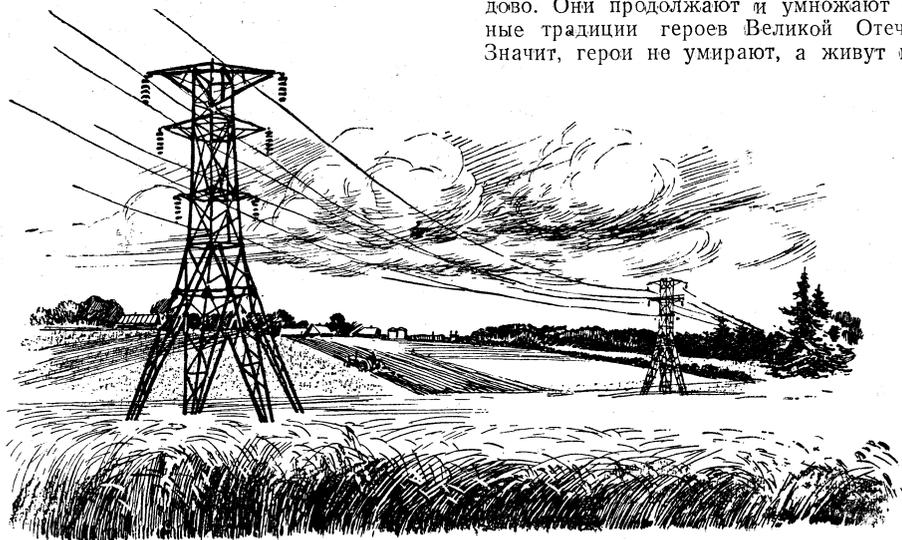
Жительница Нелидова Ирина Ивановна Смирнова была неграмотной, жила в беспросветной нужде и лишениях. Теперь она председатель Нелидовского сельсовета, руководит политической, хозяйственной и культурной жизнью пяти деревень.

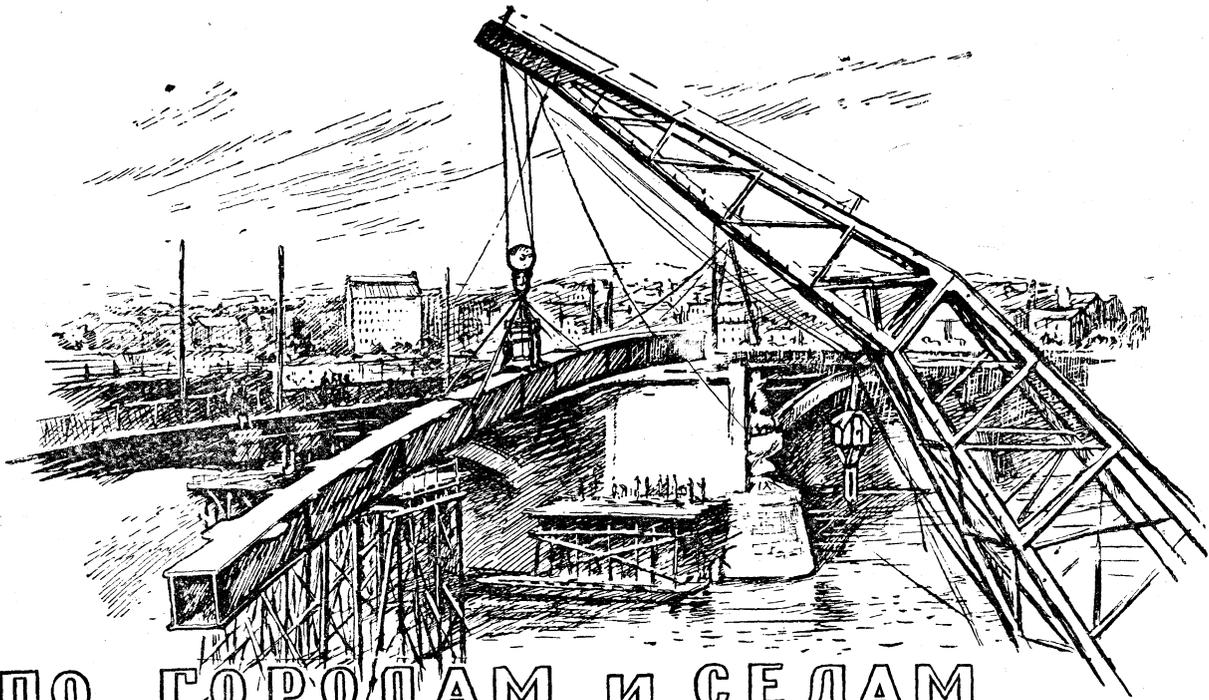
Мы застали Ирину Ивановну в ярко освещенной избе за чтением газеты. На столе лежали журналы и несколько книг.

— Вот настала жизнь, — говорит она. — Слово помолодела я, другой стала. Сколько счастья принесла нам эта чудесная «лампочка Ильича».

Смирнова — энтузиастка своего сельсовета. Она с увлечением рассказывает о ближайших днях, когда электроэнергия войдет в колхозное производство, о том, как будут работать на животноводческих фермах кормообрабатывающие машины, как будет сооружена водоподкачка для полива огородов и полей. Ее рассказ — это поэма о новой жизни, о новых людях, выросших при советской власти, в условиях колхозного строя.

Так живут и работают колхозники деревни Нелидово. Они продолжают и умножают в труде прекрасные традиции героев Великой Отечественной войны. Значит, герои не умирают, а живут вечно.

ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ

Л. СТЕПАНОВА,
лауреат Сталинских премий

Фото кинооператоров, лауреатов Сталинских премий
С. Семенова и Е. Ефимова

(Заметки кинорежиссера)

Знакомство мое с демократической Венгрией началось несколько необычно.

Это было в марте 1948 года.

В два часа дня наш самолет приземлился на будапештском аэродроме, а в четыре часа дня мы были уже в гуще событий, снимая на пленку приезд советской делегации, прибывшей во главе с К. Е. Ворошиловым на празднование столетия венгерской революции.

1848 и 1849 годы — знаменательные даты в истории Венгрии.

В 1848 году венгерский народ поднялся против своих угнетателей — помещиков-феодалов и немецкой буржуазии, подчинившей себе древний мадьярский народ — ядро венгерских национальностей, захватившей Австрию в составе своей «лоскутной» монархии.

Вождем восстания стал Лайош Кошут, сумевший создать крепкую революционную армию, изгнавшую из страны и немцев и венгерских магнатов. В 1849 году Кошут низложил Габсбургов и провозгласил независимую Венгерскую республику.

При поддержке европейской реакции австрийская монархия жестоко подавила восстание, но сломить сопротивление народа ей не удалось.

Остался жив Кошут, которого монархистам не удалось уничтожить в дни кровавого разгрома республики. Имя его и тогда и после его смерти было знаменем, под которым венгер-

ские революционеры продолжали бороться за национальную независимость и свободу своего народа. За сто лет, прошедших с памятных дней 1848 — 1849 годов, освободительное движение в Венгрии знало и поражения и победы. Наиболее значительную победу за этот период ему удалось одержать в 1919 году, когда, вдохновляясь примером Великой Октябрьской социалистической революции, венгерские рабочие, свергнув реакционное правительство, провозгласили в своей стране власть советов. Но и на этот раз борьба за новый передовой общественный строй не увенчалась успехом. Европейские империалистические государства, поддержанные США, раздавили молодую советскую Венгерскую республику. Лишь победа Советского Союза в Великой Отечественной войне освободила и Венгрию, поработенную и разоренную фашистскими захватчиками. В дружеском союзе с советским народом венгерский народ создал свою республику, верную заветам советской Венгерской республики 1919 года.

* * *

Одновременно с правительственной делегацией СССР прибыли в Венгрию в дни знаменательной годовщины и мы, работники Центральной ордена Красного Знамени студии документальных фильмов. В содружестве с венгерскими киноработниками

нам предстояло снимать фильм о жизни их обновленной, свободной страны.

И, может быть, именно потому, что город готовился к торжествам и в воздухе чувствовалось их приближение, на душе было особенно радостно. В эти весенние дни оживление, царившее на улицах венгерской столицы, чем-то напомнило мне праздничные дни в городах нашей прекрасной родины.

Улицы были полны народа. Здания украшались флагами и лозунгами. У памятников Кошута и Петефи — вождей революции 1848 года — толпилась молодежь.

15 марта слыше трехсот тысяч венгров заполнили площадь имени Кошута. Здесь были рабочие металлургических заводов, шахтеры со своими традиционными лампочками, работники текстильных фабрик, представители интеллигенции, учащиеся и крестьяне, приехавшие на праздник из далеких деревень.

Это были потомки великого Кошута, борцы за новую жизнь, преисполненные решимости довести до конца дело своих предшественников. Они пришли сюда, чтобы выразить преданность коммунистической партии, благодарность и любовь Советской Армии, освободившей венгерский народ от ига фашизма.

Тысячи голосов провозглашали здравицу другу всех угнетенных наций:

— Да здравствует великий Сталин!

За нею следовало:

— Да здравствует демократическая Венгрия!

В эти дни я впервые увидела генерального секретаря Коммунистической партии Венгрии Матиаса Ракоши.

Он сказал в своей речи:

«Мы должны воплотить в жизнь то, за что боролись герои сорок восьмого года. Мы построим независимую, цветущую республику свободных, счастливых венгров».

Когда на трибуне появился маршал Советского Союза товарищ Ворошилов, площадь огласилась дружными, долго не смолкавшими приветствиями, отражавшими любовь венгерского народа к Советскому Союзу, к советскому народу.

Спускались сумерки, зажигались праздничные огни...

Издалека было видно залитое огнями здание парламента, где днем с приветствием венгерскому народу выступал товарищ Ворошилов. Стрельчатые готические башни, обведенные световым контуром, высились над городом.

По улицам Будапешта проходило факельное шествие. Это демократическая молодежь с песней свободы шла к памятнику Шандора Петефи, соратника Кошута, автора прославленной «Национальной песни», погибшего в боях за республику 1848 года.

Лучи прожектора ярко осветили портрет товарища Сталина. Он плыл на руках в колонне молодежи.

У памятника Петефи, великого гражданина, бойца и поэта революции, прозвучали бессмертные слова его:

Встань, мадьяр! Зовет отчина!

Выбирай, пока не поздно, —

Примириться с рабской долей

Или быть на вольной воле?

Богом венгров поклоняемся

Навсегда,

Никогда не быть рабами,

Никогда!..

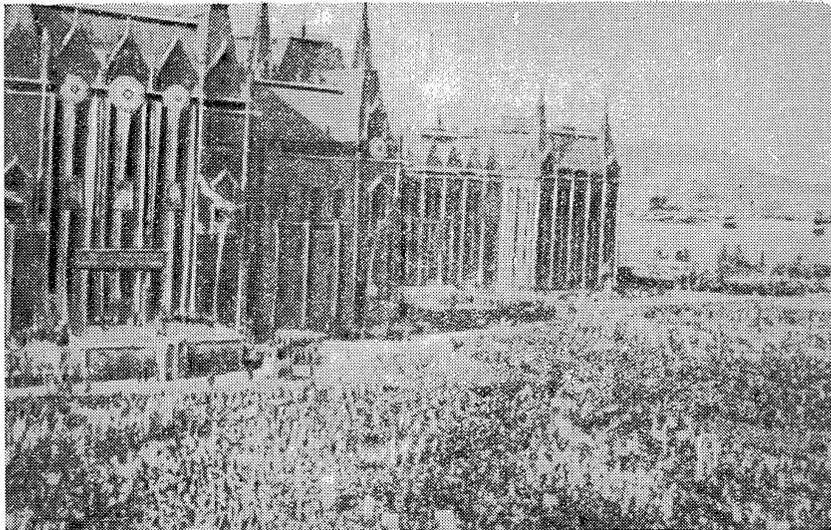
* * *

Через несколько дней начались съемки картины «Демократическая Венгрия» и наше продолжавшееся семь месяцев знакомство со страной.

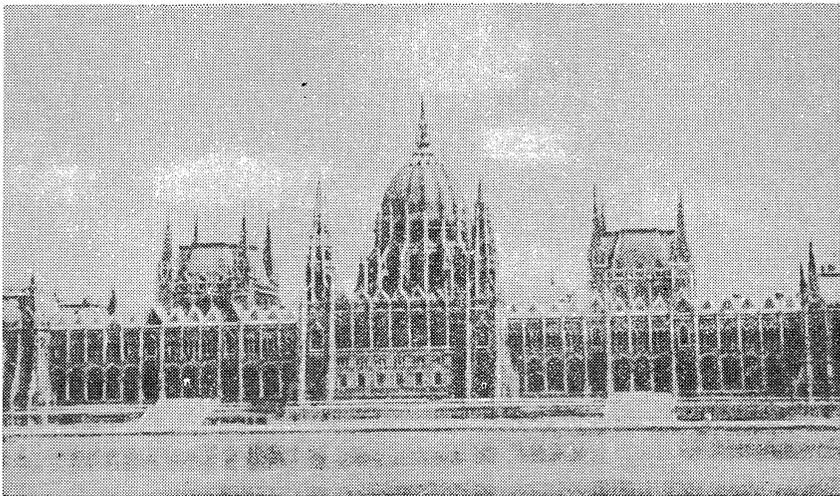
Мы побывали на многих заводах и фабриках, беседовали со многими рабочими, работницами, инженерами.

Правительство демократической Венгрии национализировало все крупные предприятия в стране. Заводами и фабриками здесь управляют теперь сами рабочие, успешно выполняя задачи трехлетнего народнохозяйственного плана.

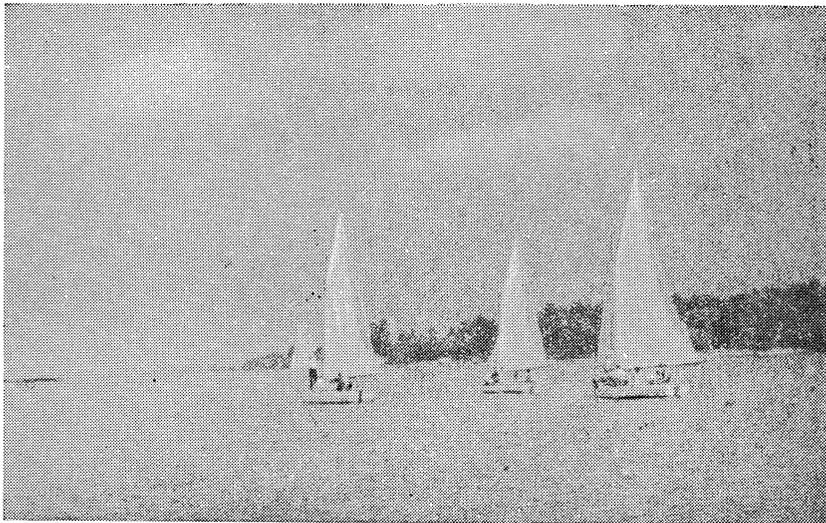
Первым мы посетили завод Вейс-Манфред в Чашеле, где заняты 22 тысячи рабочих. На этом заводе варится высококачественная сталь, работает трубопрокатка, выпускаются мотоциклы, велосипеды, швейные машины. Много лет здесь люди работали на хозяев, и только с тех пор, как республика национализировала предприятия рабочие сами стали хозяевами производства.

300-тысячный митинг на площади имени Кошута.

Здание парламента.

Озеро Балатон.

На заводе я познакомилась с токарем Антолом Тот, Этот мужественный человек прошел тяжелый трудный путь рабочего-революционера. Ему знакомы тюрьмы и черные дни, упорство в борьбе и радость достижения цели. По примеру советских людей, он первый в Венгрии бросил клич социалистического соревнования. Недаром называют его здесь «наш Стаханов».

В петлице у Антола Тот зеленеет маленький лавровый венок. Это знак, выдаваемый получившим премию Кошута. Им республика награждает своих передовых деятелей в области труда и культуры. Впервые в республике введена эта премия, и впервые за всю историю страны венгерские рабочий, крестьянин, учитель и ученый награждаются ею за самоотверженный труд для родной страны. К зачинщикам соревнования — Тоту и его товарищам — присоединяются все новые и новые рабочие, соревнование стало массовым.

На севере Венгрии, на металлургическом заводе в городе Озде, меня взволновала огромными буквами выведенная над воротами надпись: «Ты строишь государство для себя!» Да, миллионы венгерских рабочих строят теперь государство для себя!

На заводах я встретила и с первыми хозяйственными руководителями из среды рабочих. Одним из них был коммунист Мартон Валко. Он, так же как и Антол Тот, пережил ужасы тюрьмы, эмиграцию, но никогда не терял веры в правоту своего дела. Теперь он, бывший токарь, — директор огромного металлургического завода.

Как только мы приезжали на какой-либо завод или фабрику, нас сразу засыпали самыми разнообразными вопросами: «Правда ли, что у вас дети рабочих и крестьян учатся в

университетах?», «Если рабочий болен, правда ли, что его лечат на государственные счет, а зарплата остается для его семьи?», «Расскажите об актрисе, которая играла сельскую учительницу» и т. д.

Женщин-работниц интересовало, как в Советской стране заботятся о детях, как устроены ясли, детские сады, пионерские лагеря...

На текстильной фабрике «Киштекс» одна из работниц, взяв меня за руку, куда-то повела. «Я хочу показать вам наш новый цех!» — сказала она. Я пыталась объяснить ей, что уже достаточно ознакомились с цехами, но работница, смеясь, увлекла меня за собой. Она привела меня в ясли: первые детские ясли на заводе, которыми все очень гордились, шутя называя их своим «новым цехом». Ясли помещались в особом здании на территории завода, но в стороне от производственных помещений и производили очень хорошее впечатление своей чистотой и заботливым уходом за детишками.

Мы, советские женщины, привыкли к яслям и детским садам, нас они уже не удивляют. А здесь, на фабрике, работницы, как бы понимая мое настроение, отвечая на мои мысли, говорили: «Это наши первые ясли, и скоро, как у вас в Советском Союзе, у нас тоже будет много и яслей и детских садов, будет и свой Артек!»

Работницы Венгрии знают, куда они идут, и твердо верят в светлое будущее своих детей. Освобожденная Венгрия открывает для них широчайшие возможности. Дети венгерских женщин могут теперь расти спокойно, здорово, крепнуть физически, учиться. Для них открыты все пути.

Дети Венгрии! Мне много приходилось видеть их. Сейчас, слабые, они еще не похожи на наших советских ребят — крепше, твердо и уверенно смотрящих вперед. Но

они уже поднимают головы, расправляют крылышки.

На озере Балатон — огромном, красивом озере, которое часто называют венгерским морем, — сейчас живут дети рабочих. Здесь на бывших виллах богатей — Эстергази, Телеки, Зичи и других — отдыхают и набираются сил дочери и сыны потомственных венгерских пролетариев и крестьянской бедноты.

Из массивной дубовой двери бывшего охотничьего замка палача венгерского народа Хорти вышла маленькая бледная девочка лет десяти с большим букетом цветов и начала что-то рассказывать мне. Когда ей сказали, что я из Советского Союза и не понимаю по-венгерски, девочка бросилась ко мне и начала мне что-то говорить. Она говорила очень быстро, и в промежутках я слышала отрывочные русские слова: «Партизан».. «Москва»...

Оказалось, что ее отец был партизан и погиб в борьбе за свободу своей родины. И вдруг девочка тоненьким голоском на ломаном русском языке запела песню, которой выучилась в школе: «Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!» Я чувствовала в этом величии моей родины, гордость за наших бойцов, которые помогли жить и этой маленькой девочке и многим таким же ребятам.

* * *

В новой Венгрии сделано уже много, но предстоит сделать еще больше.

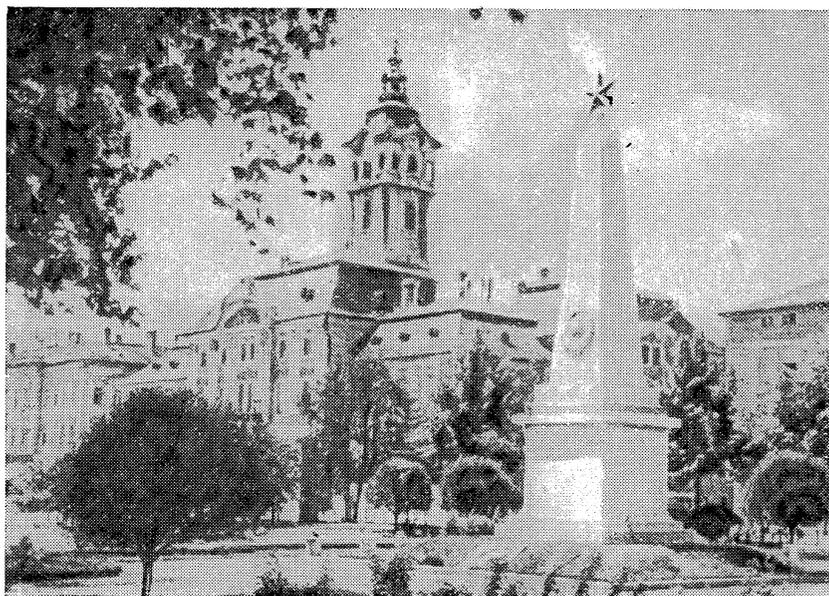
Вблизи от большого индустриального центра — города Мишкольца, в Диошдьере, — находится крупный металлургический завод.

Рядом с заводом еще уцелела капиталистическая трущоба отверженных — Данивельде.

Страшны лагуны Данивельде! Это пещерные сооружения, это зияющие раны земли — полупещеры, полуземлянки, с нумерацией у входов, как на городских улицах. Кривая непроезжая тропа ведет в гору, и одно страшнее другого появляются «жилища» с вырытыми в горе дворами, с разноцветным тряпьем на веревках, с маленькой грядкой, величиной с ладонь, под окошком. У грядки, на которой умещается один единственный цветок, копошится ребенок. Здесь жили рабочие завода, здесь чахли их дети, раньше времени умирали взрослые...

Сейчас рабочие постепенно покидают эти трущобы. Они переезжают в дома, которые занимали их прежние хозяева, а также в дома новых рабочих поселков. В новой, демократической Венгрии еще сильна классовая борьба. Прежние хозяева, хотя и притихли, но часто выпускают свои когти против нового, демократического правительства, против народа.

Долгое время во главе реакции стоял кардинал Миндсенти. Мы приехали в живописный придунайский городок Эстергом. Прежде всего нам бросились в глаза расположенные на возвышенности красивые белые стро-

Памятник советским воинам в городе Сегед.

ения. Это был дворец кардинала Йозефа Миндсенти, главы католической церкви в Венгрии. Сейчас Миндсенти разоблачен и осужден народом Венгрии. Он был главою и душою монархо-католического заговора, поставившего своей целью свержение народно-демократического правительства Венгрии и восстановление силой оружия деспотической монархической власти изгнанной из страны династии Габсбургов. Миндсенти в его черном деле помогала западноевропейская и американская реакция.

В дни нашего приезда Миндсенти был еще на свободе и жил в своем дворце, но облик этого врага республики был для всех ясен. Миндсенти не стеснялся и открыто выступал против проводимых правительством аграрной и школьной реформ и других передовых мероприятий... Земельная реформа, отнявшая землю у крупных помещиков-феодалов и отдавшая ее безземельным крестьянам и батракам, сильно ударила по Миндсенти: ведь он был владельцем 50 тысяч гектаров земли! И Миндсенти всемерно пытался сорвать правительственное мероприятие, запугивая богобоязненное отсталое крестьянство, угрожая ему отлучением от церкви. Мы снимали дворец Миндсенти, и все время в окнах этого осинового гнезда мелькала его разъяренная фигура в красной кардинальской шапочке.

Когда венгерским правительством был издан декрет об отделении школы от церкви, Миндсенти выпустил весь яд своей ненависти против нового декрета.

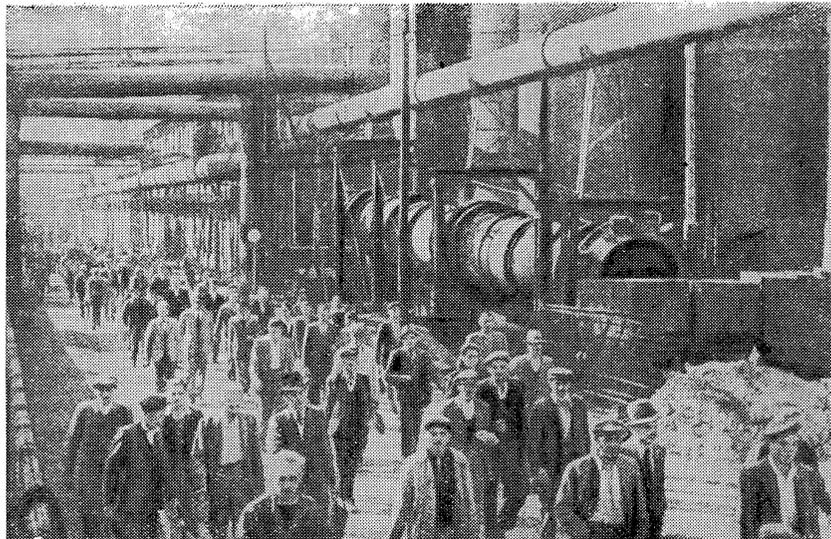
В эти дни мы делали снимки в деревнях, и в течение нескольких дней нас поражал удручающий церковный звон — печальный, погребальный. Крестьяне сказали нам, что это делается по распоряжению Миндсенти. Он приказал, чтобы этот погребальный звон, обрекавший детей, идущих к просвещению, на погибель, звучал каждые полчаса.

Но народ не испугался угроз Миндсенти. Сельские школы строились и восстанавливались с невиданным энтузиазмом. Этой стройке женщины, мужчины, старики и дети, рабочие заводов в едином порыве — только бы не сорвать начала учебного года! — отдавали все свое свободное время. И, как всегда, 5 сентября дети пошли в школу!

Это ли не было победой демократии? Это ли не было провалом Миндсенти? Венгерский народ с удовлетворением встретил приговор суда, покаравший врага венгерского народа и демократии.

* * *

Широко разлился голубой Дунай по венгерской равнине. Зеленеют на севере невысокие Карпатские горы. Солнце жжет венгерскую «пусту» — степь Хортобадь. Для крестьянина Хортобадь всегда была олицетворением голода и нищеты. Здесь мало влаги, немилосердно палит солнце и

Завод Вейс-Манфред на острове Чапель.

Токарь Антол Тот, удостоенный премии Кошута.

Ткачиха Совди, удостоенная премии Кошута.

Молодые шахтеры.

уже в июне пересыхают маленькие водоемы. Десятки тысяч хольдов земли выгорают тут под палящим солнцем. Скот не может найти здесь ничего, кроме пересохшей коричневой травы. Между тем Хортобадь может быть превращена в отличное пастбище. Демократическое правительство Венгрии внесло в свой трехлетний план и ирригацию Хортобади. К концу трехлетки здесь будут расстилаться прекрасные заливные луга, раскинутся обширные пастбища, и Хортобадь, эта огромная, чарующая своими просторами степь, станет центром венгерского породистого скотоводства.

В Алмашфюзюто строится огромный завод для переработки бокситов, — Венгрия обладает самыми крупными их залежами после Фран-

ции. Строятся вышки в новом нефтяном районе на востоке. Прорывается канал между Дунаем и Тиссой. Тут работают экскаваторы, но в помощь машинам берутся за лопаты тысячи добровольцев, студенты, бригады молодежи, чтобы ускорить это самое крупное строительство трехлетнего плана. Канал соединит две главные водные магистрали страны, оросит засушливые степи, напоит влагой 45 тысяч хольдов земли, даст новую жизнь целому пустынному району.

Одна за другой прибывают на стройку канала машины с молодыми добровольцами. Они выходят на трассу со знаменами. С каждым днем растет, углубляется ложе канала, где сольются воды голубого Дуная и белопенной Тиссы.

Плодородны земли Венгрии, но не

крестьянину доставался богатый урожай с этих земель. Половиной пахотной земли владели раньше в Венгрии помещики-феодалы, хотя крестьян было в двести раз больше, чем помещиков. Полтора миллиона крестьян не имело ни клочка земли. Они батрачили, уходили на заработки в города, тысячами покидали родину в призрачной надежде найти кусок хлеба за морем. Но и крестьяне, владевшие землей — примерно только треть всего крестьянства, — вели в подавляющем большинстве полуголодное существование, так малы были их наделы. Аграрная реформа, душой которой была венгерская коммунистическая партия, в 1945 году дала землю семистам тысячам венгерских крестьян. На помощь им пришла обновленная демократически элементами кооперации, которой уждено сыграть действительную роль в развитии венгерского сельского хозяйства.

Организация машинно-тракторных станций, по образцу созданных в нашем Союзе, помогла венгерскому крестьянину вспахать и обработать полученные им участки, и в 1948 году в Венгрии была засеяна почти вся довоенная площадь, и урожайность земли неуклонно растет. По новому расцветает венгерская земля.

Укрепляется союз рабочих и крестьян. В деревню идут тракторы, уже есть кооперативные хозяйства, и мне довелось видеть, как перепыхивалась первая межа.

Мы побывали и во многих других селах. Всюду в венгерских деревнях нас, киноработников встречали тепло и радушно. Венгерские крестьяне очень гостеприимны. Особенно сердечно они встречали нас, советских людей. Они прекрасно помнят о той великой помощи, которую оказал им Советский Союз, приславший семян для посева венгерской деревне, три последних года страдавшей от засухи.

В деревнях, так же как и в городе, нас засыпали вопросами: «Как распределяются доходы в колхозах? Есть ли в деревнях ясли и детские сады, школы, больницы?»

Глубоко к народным истокам уходит венгерское искусство. Мы побывали в деревне Мезекевежд. Здесь, где еще носят красивые старинные наряды, живет 78-летняя народная художница Боринэ Нени. Нет мастера искуснее ее в народном орнаменте. Вся деревня Мезекевежд работает по ее рисункам. Мезекевежд славится в Венгрии своими тканями, одеждами, национальными узорами замечательных красок и вышивками. Мы побыли здесь несколько дней, снимая праздник урожая.

Это зрелище необычно красочное. Двигутся по всем дорогам, собираясь на праздник, крестьяне. Идут парни в высоких сапогах. Едут семьями в шарабанах. Гурьбой торопятся девушки. Все одеты празднично. У каждой свой узор вышивки, на свой лад повязана голова.

Мы видели, как из этой пестрой толпы отделялись девушки и, прохо-

Венгерские пионеры.

дя мимо памятников советским воинам, с благоговением клали букеты полевых цветов к их подножьям.

Глубоко чтит венгерский народ память людей, заплативших своей жизнью за его свободу.

Праздник урожая открывается торжественным шествием. Девушки и парни несут огромный, в пятьдесят килограммов весом, венок из колосьев. Он вручается самому почетному человеку в селе. Затем на ближайшей поляне начинаются песни и пляски. Звучит старинный венгерский чардаш, отдельные группы сливаются в единый хоровод, ярко горят на солнце, развеваются пестрые девичьи юбки. Праздничный наряд каждой девушки состоит из десяти-двенадцати юбок.

Во время съемки этого красочного праздника ко мне бросилась старая крестьянка в темном старинном венгерском наряде и со слезами на глазах начала меня целовать. Я тоже обняла ее и спросила, почему она плачет.

Старушка рассказала мне, что вся ее семья была уничтожена немецкими фашистами, остался в живых только сын, сейчас он секретарь райкома.

Когда советские бойцы вошли в эту деревню, она приютила их, отдав им свое бесхитрое крестьянское сердце. Уходя из деревни, наши бойцы сказали обласкавшей их женщине: «Прощай, маты!..» И это самое дорогое для сердца крестьянки слово «мать», которым назвали ее наши советские бойцы, глубоко запало в сердце старуки. И, когда она узнала, что я советская женщина, советская мать, ей захотелось выразить через меня любовь к тем, кто навеки освободил ее народ от рабства и унижения.

Я смотрела на иссушенное нуждой гордое лицо женщины — и чувствовала, какие муки и горе пришлось испытать ей в течение своей долгой жизни.

С нею мне пришлось встретиться и еще раз. Это было в Шарошпатаке, куда приехал Матياس Ракоши поговорить с крестьянами о нуждах и делах деревни.

Узнав о предстоящем посещении Шарошпатака Ракоши, сюда двинулись крестьяне из всех ближних и дальних районов. Крестьяне шли пешком, ехали на лошадях, на телегах, разубранных цветами. Собралось их неожиданное множество — до двухсот тысяч...

Это была демонстрация глубокого доверия крестьянства к коммунистической партии, крепкой верности союзу рабочих и крестьян.

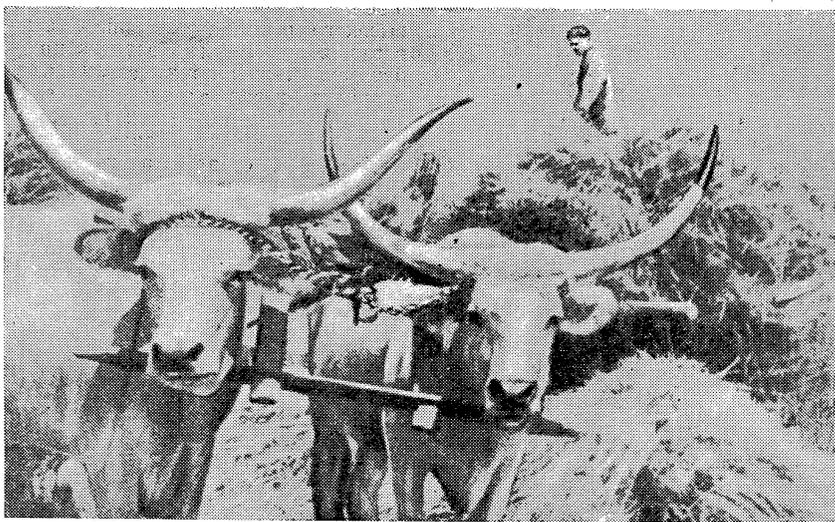
Ракоши выступал перед крестьянами у стен исторического замка, откуда в начале XVIII века поднял знамя восстания против немцев и своих венгерских эксплуататоров знаменитый Ференц Ракоци. Скромный памятник Ракоци воздвигнут у древних, густо заросших плющом стен замка. Стоя здесь, у подножья памятника, Ракоши говорил о том правильном пути — пути кооперации, — по которому должны идти

Крестьяне на праздновании столетия Венгерской революции.

Народная художница Борина Нени (в центре) со своими ученицами (деревня Мезекевезд).

Уборка урожая.

крестьяне. Передовое крестьянство уже стало на этот путь.

К Ракоши подходили крестьяне, жали ему крепко руки, подносили свои бесхитростные деревенские подарки.

* * *

Мы снимали в знаменитой Токайской долине — долине винограда и прозрачного токайского вина. Здесь тоже был праздник урожая. Виноградари и виноделы встречали гостей из соседних стран — румын, болгар, чехов, — таких же простых крестьянских тружеников, приехавших, чтобы поздравить молодую Венгрию с успехом и достатком. Торжественное шествие возглавляли крестьяне-виноградари.

Гостеприимные хозяева угощали гостей плодами своего урожая, на полях весело кружились пары.

В эти же дни гостей-пионеров из Болгарии, Финляндии, Франции, Чехословакии и других стран принимали пионеры Венгрии.

В окрестностях Будапешта правительством выделен для пионеров большой лесистый участок земли. Венгерские пионеры строят здесь свою «Пионерскую республику». На участке силами пионеров и помогавших им комсомольцев и молодых рабочих уже выкорчеван лес. Участок разбит на улицы. Здесь вскоре будут построены дома, клубы, школы, театральные залы. В домах будут жить пионеры-сироты — дети воинов и партизан, погбанных в борьбе за освобождение Венгрии.

Всем будут заправлять и руководить в своей республике сами пионеры. Первый «камень» в ее строительстве уже заложен. Это построенная пионерами железная дорога, проложенная вокруг отведенного им участка. Поезда отправляются со станции «Пионерская республика». Водят их, конечно, сами пионеры. Начальник станции — пионер. Пионеры — машинист, кондуктора, проводники, весь рабочий и обслуживающий персонал станции, депо и поезда.

* * *

Столица Венгрии — Будапешт.

Дунай делит город на две части — равнинный Пешт и холмистую Буду. На обоих берегах Дуная кипит оживленная деловая жизнь.

Раннее утро. Начинается трудовой

день столицы. Весело пробегают маленькие вагоны трамвая, проезжают рабочие на велосипедах, снуют суетливо автомобили. Деловито спешит по улицам трудовой народ. В подвалах стучат молотки ремесленников. Верхолазы чинят купол Базилики. Маляры красят фасады новых рабочих общежитий.

В Будапеште больше миллиона жителей, город полон оживления. Еще сильны былые контрасты между богатством и нищетой, но они постепенно исчезают. Будапешт отстраивается, ремонтируется, восстанавливается. Театры и кино полны народа, особенно когда идут советские фильмы. Высоко ценят наше искусство в Венгрии. Картины «Сельская учительница», «Русский вопрос», «Сказание о земле сибирской», «Москва — столица СССР», «На страже мира» пользуются громадным успехом.

В дни, когда появился декрет об отделении школы от церкви и передаче ее в руки государства, картина «Сельская учительница» вновь появилась на всех экранах Венгрии.

В Будапеште организованы народные коллегии (типа студенческих общежитий), где теперь живут дети рабочих, сельских учителей, крестьянской бедноты. Эти девушки и юноши учатся в Академии художеств, в университете, в консерватории. Новые люди приходят в искусство. Двадцать лет профессор живописи Янош Кмети мог преподавать только рисование в школах. Приход к власти правительства народной демократии привел Кмети в стены Академии художеств, где он ведет класс живописи. Нам было приятно познакомиться с новыми талантливыми учениками профессора — недавним батраком Иштваном Андял и потомственным горняком шахтером Киш Бела.

Однажды в представительство «Совэксспортфильм» пришел мальчик лет шестнадцати, сын бедного сельского учителя, и попросил послушать музыку, которую он написал после просмотра картины «Сказание о земле сибирской». Мальчик был невысокого роста, худенький, с аккуратно положенными заплатками на рукавах. Эрвин, так звали этого мальчика, играл вдохновенно, сильно, увлекательно. Он назвал свою композицию «Я хочу видеть Советский Союз». С этим произведением Эрвин будет выступать как юный композитор.

Венгрия дала мировому искусству великого музыканта Франца Листа. Оперный театр, раньше почти недоступный для рабочих, сейчас ввел систему рабочих абонементов. Совершенно изменилась публика в театре. С каким восторгом слушают музыку великих композиторов и старые и молодые рабочие, студенты и студентки!..

Во время съемок в университете нас окружили студенты и студентки и спрашивали, что нужно сделать, как жить и трудиться, чтобы стать такими, как наша советская молодежь?

Всюду, где бы мы ни бывали, к нам обращались и видные актеры с просьбой рассказать, как работают с актерами над тем или иным образом наши режиссеры, и ученые, и рабочие, и служащие с вопросами о жизни в нашем Союзе. К нам обращались с такими вопросами потому, что мы были советские люди, прибывшие из страны, которая, как маяк, освещает путь простым людям всего мира.

Как гордилась я своей родиной, как счастлива была слышать множество раз: «Как хочется нам побывать в Советском Союзе, как хочется посмотреть Москву!»

Одним из наиболее запомнившихся моментов в нашей работе была съемка Объединенного съезда двух партий — коммунистической и социал-демократической. В тот день они образовали единую партию трудящихся — партию, которая ведет венгерских рабочих, крестьян, интеллигенцию вперед, по пути к коммунизму.

И на Площади героев, где стоит памятник тысячелетия Венгрии, прозвучали слова Матиаса Ракоши, обращенные к трехсоттысячной людской массе:

— Венгерская партия трудящихся будет идти под знаменем, которое несет во главе трудящихся всего мира великий Сталин!

На горе Геллерт высится Памятник освобождения Венгрии. Это Свобода, с пальмовой ветвью над головой, парит над венгерской столицей. Народ воздвиг этот новый монумент в честь Советской Армии, принесшей Венгрии освобождение.

Надпись на памятнике запечатлела вечную признательность венгерского народа советским воинам:

«Освободителям, советским героям, от благодарного венгерского народа...»

Пустыня и лес

А. ШАХОВ

Не волнуют сердце дали Приаральских Кара-Кумов. Небо и песок, песок и небо... За огромной застывшей волной — песчаной грядой с барханами — идет бугристая долина с белыми высохшими озерами — сорами, за ней опять желтая волна песков, еще одна долина. Очертания барханов четки и остры, как грани пирамид.

Белеют барханы, в долинах сеерет полынь, блестит желтеющий эркек — сибирский пырей.

Собирая семена ценных засухоустойчивых растений, мы ехали по пустынным пескам один день, другой — много дней. Лишь изредка между барханами, там, где растет чий — трава выше стоящего во весь рост человека — и чернеет кудук — колодец, встречались желто-серые колхозные юрты пастухов. Не сегодня — завтра, когда скотом будет стравлен эркек, они перейдут на новое пастбище, к другому кудуку.

Было это в июле 1944 года.

В июльские дни жара в Кара-Кумах бывает смертная: 62, 68 и даже кое-когда 72 градуса. Мы ехали в один из таких дней. Все застыло в зное: ни движения, ни шелеста. Даже ящериц не было видно: они скрывались в тени трав. Однажды над желтыми песками пролетела черная птица — ворон, и это было как событие. Летел он без крика, с широко раскрытым клювом, медленно взмахивая крыльями.

Тина, моя помощница, тоненькая девушка с глазами василькового цвета, проводила его удивленным взглядом и ничего не сказала: в жару даже разговаривать трудно. Посмотрел на него и Аймиш, торо-

пливый круглый старичок-казак, наш проводник, и тоже ничего не сказал.

— Несколько тысяч лет назад в этом месте был Тургайский пролив. Он соединял два древних моря. А теперь тут пустыня, — начал я, чтобы не молчать.

— Читала, — сонно ответила Тина. — Было море, стала пустыня, и будет пустыня. Людям никогда не победить эти пески и это пекло. С вами говорить на эту тему трудно. Вы больны идеей лесонасаждения в пустыне. А у больных и воображение большое. Ваш доклад в Аральске о заселении Кара-Кумов слушали внимательно, но — будем откровенны — энтузиазма он не вызывал. Ой, как сегодня жжет!..

— Смотрите, — продолжал я, не обращая внимания на ее слова, — между барханами и даже иногда на барханах растет редкий камыш. Это говорит о том, что в этих песках неглубоко находится подпочвенная вода.

— Кудук можно копать в ложбинах между барханами, почти где хочешь, — сказал Аймиш, — копай три метра — вода обязательно будет, копай два метра — тоже будет.

И вдруг на пути встретилась самая обыкновенная русская большая ветла. Темная ее тень неподвижно лежала на песке.

— Как странно — дерево! — воскликнула Тина.

Аймиш объяснил, что тридцать лет назад кто-то воткнул в кудук ветловую палку, из нее выросла ветла, кудук занесло песком, а дерево продолжает расти.

И опять мы умолкли, и опять

пески, и опять от ритмичного покачивания верблюдов дремота. Солнце страшно жгло левую сторону тела.

Может быть, от ивы, которую мы встретили, может быть, от тоски по прохладе вспомнились березовый лес, тень и шелест его. Да, да!.. Верхушки больших деревьев почти всегда шелестят, и он, этот когда-то слышанный шелест, в пустыне для меня был музыкой.

Вдруг верблюд оступися. Я резко покачулся, вздрогнул и открыл глаза. Впереди над желтым миром, в волнах горячего воздуха плавало озеро. Как в тумане, в нем блеснула вода. На берегу озера темнела роща. Вот мечта и осуществилась. Глаза не отрывались от прекрасного видения. Верблюды шагали к нему бесшумно.

Нет, не сбылась мечта. Это марево. Озеро скоро исчезло, а роща осталась. Но и она скоро растает.

Мы подъезжали к ней все ближе и ближе. Вдруг зародилось сомнение: мираж ли это?..

Конечно, мираж! В пустыне не может быть леса. Но маленькая роща не исчезла и тогда, когда мы подъехали к ней совсем близко.

— Что это? — спросила удивленная Тина.

— Земля колхоза Джанаталапа, — не поняв вопроса, ответил Аймиш.

— Это деревья? — обратился и я к Аймишу.

— Дерево, дерево..

И вот мы, наконец, около них. Остановили верблюдов. Настоящая ветловая рощица, тень в ней, чуть слышный шелест листьев и переливы их на солнце, Тина поспешно

побежала к ветлам, легла под дуба и блаженно раскинула руки.

— Как это неожиданно, почти невероятно! У, какой у вас победоносный вид! Теперь вы будете утверждать, что никаких сомнений не может быть — лес в этих песках разводить можно. Может быть, вы и правы, — сказала она.

Отдохнув в рощице, мы тронулись дальше и в полдень подъехали к маленькому аулу. Аймиш остановил верблюдов у ближайшей юрты и сказал:

— Будем отдыхать. Чай будет, кумыс.

— Разве здесь живет твой знакомый? — спросила Тина.

— Нет, казахский закон такой — приезжай в каждую юрту, и ты будешь дорогим гостем.

В юрте, круглой, как шапка, поднялся приземистый хозяин с седой бородкой в три волоса на скуластом, треугольном, остром книзу, лице. Он постелил у стены одеяло, положил на него подушку.

— Садись! — сказал старик и косыми глазами показал на одеяло.

Мы сели и осмотрелись: у стены стоял старый кованный сундук с горой одеял и подушек; на другой стороне юрты — большой чугунный котел, самовар, деревянная чашка, незатейливая утварь. Много ли человеку надо? Тут же, в юрте, лежала худая борзая собака. От жары она вся разбросалась: ноги в стороны, голова назад, язык вывалился, глаза закрыты.

Через полчаса хозяйка принесла кипящий самовар, горячие лепешки, сливочное масло, каймак, все это поставила перед нами, а сама, поджав под себя ноги, села у самовара.

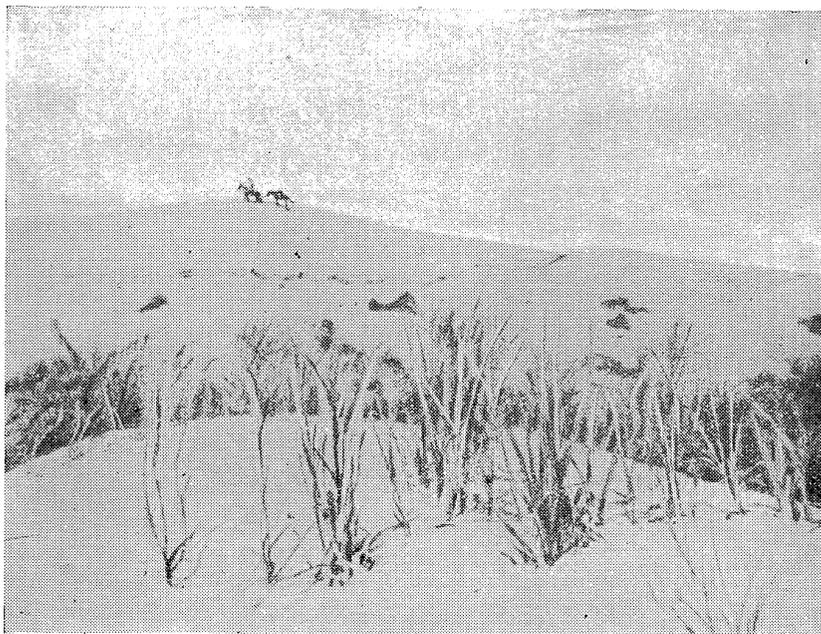
— Нам с вами следовало бы поучиться гостеприимству у казахов, — сказала Тина и взялась помогать женщине.

Хозяйка с приветливой улыбкой смотрела на быстрые движения Тининых рук. Хозяин сонными глазами взглянул на Тину и тоже улыбнулся, — гостя чувствовала себя, как дома.

Истомленные зноем, мы жадно пили чай. Около дверей юрты стояли женщины и дети всего аула и молча разглядывали меня и особенно Тину: русская женщина в этих местах еще не бывала.

После чая мы лежали, подперев лица кулаками. Дремота давила нас. Сердце учащенно билось. Чувствовали мы себя, как рыбы, вытащенные из воды и оставленные на берегу. В голове было ощущение пустоты. Казалось, мысли растопились в этой жаре. Было лень двигать руками и ногами. Закроешь глаза, наваливается тяжелая дремота, и от этого тело покрывается липким потом.

У противоположной к двери стены был откинут войлок, и сквозь решет-

Мы ехали по пустынным пескам.

чатую стену приятно сквозило. Мы лежали на пути спасительного потока воздуха.

К юрте подошли с раскрытыми ртами корова и козел и легли в тень, загородив отверстие в стене. Приток воздуха прекратился, стало еще душнее. Я просунул камчу сквозь решетку и прогнал их. Корова постояла, постояла на солнце и возвратилась на прежнее место. Козел, черный и бородатый, пошел, шаркая боком об юрту, и около дверей боднул хозяйского мальчишку. Отец приласкал его и сонно спросил меня:

— У тебя балашка (дети) есть?

И опять все погрузилось в молчание.

К вечеру зной спал, можно было бы ехать дальше, но Тина лежала пластом — болела голова. Решили ночевать в этом ауле.

Перед вечером откуда-то приехал колхозный бригадир, не старый, с гоненькой ниточкой черных усов, быстрый в движениях. Был он одет на городской манер — в серой фетро-

вой шляпе, в черном суконном пиджаке и желтых ботинках. Войдя к нам в юрту и постукивая нагайкой-камочкой по ногам, поздоровался и пригласил нас к себе.

В его юрте стояла, поблескивая никелем, кровать. Рядом с горой одеял находился стол, на нем патефон, зеркало, газеты и много учебников на казахском языке: география, зоология, алгебра... Это были книги сына бригадира, который учился в Аральске.

За чтением газет, привезенных бригадиром, за разговором о войне мы не заметили, как закатилось солнце.

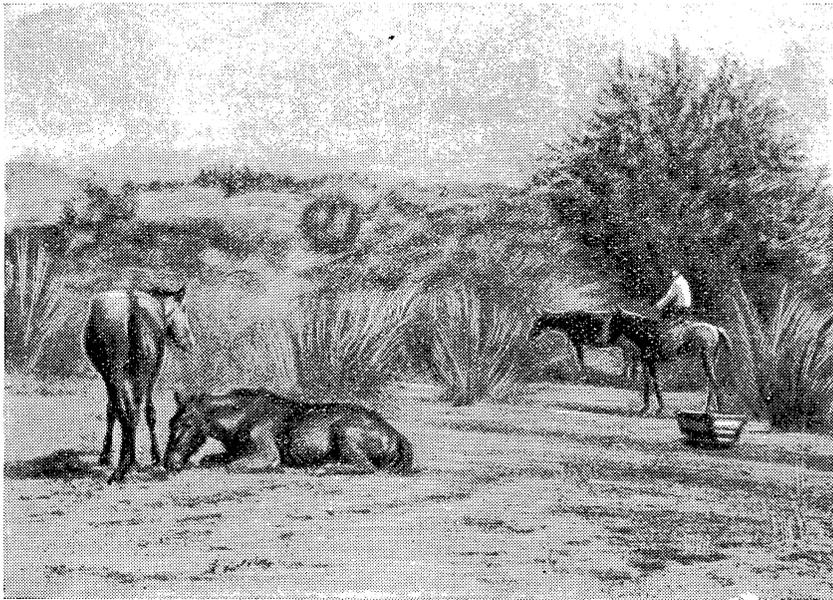
Через час хозяин вынес из юрты одеяло, постелил его на песке, рядом — скатерть. Подшел сосед и, скрестив ноги, сел на одеяло, появился второй, тоже ноги свернул калачом. И старик оказался тут, а с ним еще казах, еще... Из человеческих лиц, скуластых, со свисающими ниточками усов, образовался круг. Сзади, с чайником в руках, обходил каждого хозяйский сын. Гости поворачивались в его сторону и мыли руки. А после нарядная хозяйка с большими серебряными серьгами, блестящими на звездном свете, принесла большую деревянную чашу, полную душистого бараньего мяса и тонких листов вареного теста.

Хозяин засучил рукава, взял кусок баранины в руки и стал резать его на мелкие куски. Передо мной и Тиной появилась тарелка с нарезанным мясом, вилками и ножами. Хозяин, давая мне баранью голову, сказал:

— У казахов правило: голову — гостю.

Приуральские Кара-Кумы.

И вдруг на пути встретилась самая обыкновенная русская ветла.

Гости тоже стали есть, но хозяин, прислушиваясь, вдруг сказал:

— Подождите. Кто-то едет.
Гости тоже подняли головы.
— Нет, не едет.
— Нет, едет.

В ночи было тихо.

— Едет, — твердо сказал бригадир.

Где-то чуть слышно рывал верблюд. С каждой минутой рев его приближался. Верблюд ревел отрывисто и часто. Это ехал казах, спешил — дергал веревочку, вдетую в ноздрю верблюда, и бил его камчой. Ревел верблюд, ревел. И вот он перед нами. В сумраке еще было видно, как с верблюда молодецкато прыгнул человек и твердыми быстрыми шагами подошел к нам.

— Ассалаума аляйкум.

Присмотрелся к кругу и, увидев меня с Тинной, сидящих не по-казахски, добавил:

— Здравствуйте, товарищи, — и сам сел.

Приезжий оказался председателем соседнего колхоза. Хотя и было темно, но я все-таки рассмотрел его молодое, безбородое, тоже с тоненькими усиками, лицо. Если бы не прищуренные, чуть косые глаза, можно было бы признать его за русского. По быстрым движениям, по отрывистой, тоже быстрой, но с достоинством, речи в нем безошибочно можно было признать энергичного человека, знающего себе цену. Был он без левой руки, с тремя орденами на гимнастерке и в черной шляпе. В Аральском районе почти все председатели и бригадиры колхозов носят фетровые шляпы, купленные в Москве. Гость говорил по-русски очень хорошо.

Вилоч больше не оказалось, принесли ложки. И все стали есть бишбармак.

— Новости есть, — сказал гость. — В Аральске был какой-то человек из Москвы и на совещании в райисполкоме говорил, будто в наших Кара-Кумах можно разводить лес.

— О-о-о-о! — протянул бригадир.

— Уй-бай! — удивленно воскликнул кто-то.

— Здесь леса не было никогда и не будет, — отрезал старик.

— А московский человек в Кара-Кумах был? — спросил председатель.

— Говорят, был. Я его не видел. А ты откуда, товарищ? — обратился он ко мне.

— Из Москвы.

— Так это ты говорил?

— Я говорил.

Все замолчали. Через некоторое время я сказал:

— Да, это я говорил о том, что здесь можно разводить лес. И мысль моя правильная. Кара-Кумы (на вашем языке — Черные пески) можно превратить в Кок-Кумы — Зеленые пески.

— Уй-бай-йй!

— Воды в ваших песках везде много, — продолжал я, — но доставать ее трудно. Растения нужно приблизить к воде. Для этого следует рыть на метр глубиной длинные траншеи и в них сажать лес, разводить различные сельскохозяйственные культуры.

— Лес не будет расти, — сказал кто-то глухо.

— Как не будет? Ведь растут кое-где в Кара-Кумах отдельные деревья! Вот сегодня мы видели даже рощу.

— Правильно, растут, а рощу посадил мой отец, — с гордостью заявил старик.

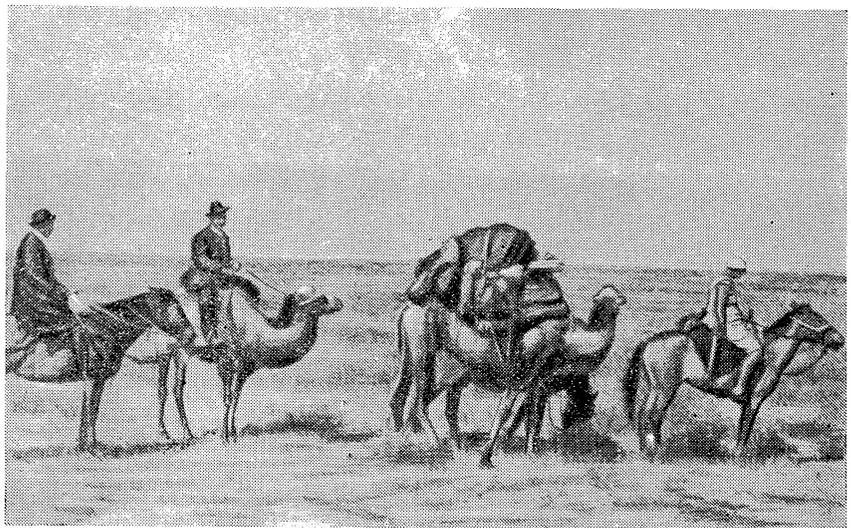
— А ты посадил ли хотя бы одно дерево? — спросил я его.

Он молчал.

— Если бы каждый из вас, каракумских колхозников, — заговорил опять я, — вырастил бы только по одному дереву, то Кара-Кумы давно заросли бы лесами. Вот в соседнем районе — Челкарском, в песках, подобный этим, находится сельскохозяйственная опытная станция Всесоюзного института растениеводства. Там роют траншеи и сажают в них тополя, плодовые деревья, даже виноградную лозу, еще сеют пшеницу, просо, разводят огородные культуры, картофель...

Я разгорячился, привстал.

— Повторяю, Кара-Кумы можно превратить в лес, сады, огороды,

Верблюды в пустыне.

Иногда нам встречался саксаул.

поля. Из лесных пород можно сажать тополь, кстати он в Кара-Кумах кое-где растет, а также корзиночную иву. Она вам даст большую пользу. Еще будет расти ветла.

— И сосна, — подсказала Тина.

— И даже сосна, — повторил я. — Подумать только! В Приаральских Кара-Кумах, которые на тысячи километров окружены пустынями и степями, вдруг будет лес. Разве это не замечательно?

— Ты кушай, кушай, — говорил старик, не отрывая от меня глаз.

— Не только в Приаральские Кара-Кумы, — продолжал я, — но и в соседние пустыни — Большие и Малые Барсуки — можно насадить

леса. Это будет составлять много миллионов гектаров, и от этого изменится не только микроклимат, но и климат.

При слове «микроклимат» Тина дернула меня за рукав. Я пояснил:

— То-есть между песчаными грядами будет другая температура, другая влажность воздуха. И, может быть, даже изменится климат: будет больше осадков. Огромные леса станут стеной на пути юго-восточным иссушающим ветрам.

Тина опять потянула меня за рукав и вполголоса сказала:

— Андрей Иванович, не увлекайтесь! Это еще проверить надо.

— Это долго, — опять сказал

Юрты в пустыне.

старик, вытирая полотенцем жирные губы и руки. — Дело незнакомое нам. Не пойдет.

— Нет, не долго, — возразила, — лес может вырасти через десять-двадцать лет. И почему дело не пойдет? Скажи, пожалуйста, твой отец, прежде чем посадить рошу, был знаком с этим делом?

Я совсем разгорячился, поднялся на колени и стал говорить так громко, будто передо мной была огромная аудитория:

— Товарищи, принимайтесь за это дело, и за вашей работой будет следить весь мир, как следит он за нашими победами. Нужно искать людей, которые взялись бы превратить эту мысль в действие. И когда они завершат это дело, тогда..

— Тогда что будет? — перебил меня старик.

— Тогда, — снова сказал я, — они будут первыми людьми на казахской земле. А кто из нас не хочет быть первым? — И я вопросительно посмотрел на каждого из них.

Все ели и молчали с таким видом, будто никакого разговора и не было.

После бишбармака опять помыли руки, выпили кумыса и разошлись по юртам спать. На прощанье председатель сказал мне:

— Не пойдет твое дело, товарищ!

— Почему?

— Да так.. Трудное дело.

Я лег на вершине бархана.

Когда я уже засыпал, мне показалось, что под подушкой что-то шуршит, будто фаланга или змея ползет. Поднял подушку — ни змей, ни фаланг.

Это, шурша ногами по песку, подходил ко мне председатель колхоза.

— Аксакал?

— Ты что?

— Спишь?

— Нет.

— На кумыс. — И он протянул мне кисайку кумыса. — Дай папироску. Ты о чем думал?

— О лесах в Кара-Кумах.

— Ты, должно быть, думал, что твоя мысль очень богатая, что скоро тут кругом будет лес и тебе все спасибо скажут? Все равно не скажут!

— Почему?

— Да так.. Вот если бы машину такую сделал, чтобы она сама траншеи копала, и в эти траншеи мы садили бы лес, яблони, тогда тебе каждый кричал бы: «Ой, аксакал, иди на бишбармак!»

— Да такая машина уже давно сделана! Называется она экскаватором.

— Уй-бай! Правда? Эта, что землю сама грызет? На фронте я видел их много. Хорошая машина! Песок такая машина роет хорошо. Но все равно твоя мысль плохая.

— Почему?

— Да так.. Голая твоя мысль, без зацепки. Она похожа на сухой

кизяк: когда он горит — ни дыма, ни пламени. Жар в кизяке есть, а где — не видно. Большие мысли у каждого человека бывают, да не каждый им толк дает. Ты вот покричишь, покричишь, а потом сам забудешь, о чем кричал. Ты не кричи — ты лес сам сделай в наших Кара-Кумах. Кумыс не хочешь? А я выпью.

Он допил кумыс. Посидели молча. Потом он сходил еще за кумысом, снова сел около меня и рассказал, как воевал, как был ранен. Наконец справился:

— Ты спишь?

— Нет.

— Не спи! Поговорим. Завтра я рано уеду. А ты о лесе все время думай. На наших Кара-Кумах сделать лес — уй-бай, какое большое дело! В нашем колхозе один бабай живет. Ему девяносто лет. Помрет скоро. Он говорит: «В сердце каждого человека тайная книга спрятана, но читать ее не все умеют. В той книге написано: каждый человек, если он хочет помереть хорошо, должен сделать какую-нибудь пользу для народа». Пользу для народа хорошо делать. И каждый, кто читал тайную книгу, хочет ее делать, но не каждый умеет. Твоя мысль хорошая, она народу может большую пользу дать. Только к ней надо зацепку приделать. Делай лес. На тебя, на нас со всех сторон смотреть будут. Траншею сделать надо, — пшеница будет, яблоки большие, как в Алма-Ата, будут. Ты ел алма-атинские яблоки? Мировые яблоки!

— Да чего ты меня агитируешь? Это ведь мои мысли!

— Какие такие твои! Они были твои, пока ты их держал, выпустил — лови кто хочет. Я тебя не агитирую. У тебя свои мозги есть. Я хочу, чтобы ты к мысли зацепку приделал, чтобы от твоей мысли казахскому народу было хорошо. Лес в песках пойдет — тогда уйдет жара, дожди потекут летом.

— Да ведь это когда еще будет! Климат не сразу меняется. Он может и не измениться.

— Изменится, ты же сам говорил. Странное дело, я начал возражать против своих же мыслей, но высказанных председателем. Напористость всегда вызывает сопротивление — явное или тайное.

Председатель продолжал:

— Потом, когда на всех песках Казахстана будет лес, в Поволжье пшеница с верблюда будет.

— Ну и фантазер же ты!

— Из наших сосен дома и фабрики будем строить.

— Сосну в Приаральских Кара-Кумах не везде можно разводить. Да и вряд ли она будет мощной.

— Из винограда вино будем делать. Приедешь в аул — баскарма (председатель колхоза) тебе кисай-

ку вина нальет. Выпьешь — другую нальет. Эту выпьешь — еще нальет. Пей, пожалуйста!

— На хороший урожай винограда в этих местах вряд ли можно рассчитывать.

— А тебя вчера угощали каракумскими арбузами?

— Угощали. Но их пока немного.

— А раньше совсем не было. Скоро много будет. Скажи, как надо лес и виноград в Кара-Кумах сажать?

— Тебе надо поехать в Челкар, на опытную станцию. Всеми этими вопросами она занимается. Там тебе расскажут подробно.

— Карзины из своего тальника работать будем, в них виноград в Москву посылать, — продолжал председатель.

— До железной дороги далеко, он может испортиться.

— Да ты не веришь в это дело, что ли? Или назад пошел? — Он от возмущения даже привстал.

Чувство сопотвращения у меня ослабевало. Я ответил:

— Нет, я не пошел назад, а трудное это дело. Ведь еще война не кончилась, народу мало...

— Всегда воевать не будем, война кончится, и народ будет. Народ давай, машины давай, и из песка живое дерево полезет. Ты напиши в газету, напиши в книжку, и люди наши прочтут и поддержат тебя. Почему твоя папироска слабая? Дай еще одну. Солнце давно пропало, а песок еще горячий. Смотри вверх, сколько звезд там напихано. И как горят они! Старики болтают, будто от них когда-нибудь небо сгорит. Они врут. Как ты думаешь? Ты спишь? Спи, спи... Пойду и я спать. Поеду рано. Так напишешь?

Исполняя просьбу этого настоящего человека, я однажды написал статью. Вот выдержка из нее:

«В Приаральских Кара-Кумах, в местах, где подпочвенная вода близко подходит к поверхности, можно и нужно насаждать лес, можно и нужно разводить различные сельскохозяйственные культуры. Разработанный Челкарской опытной станцией метод посадки и посева в траншеях облегчает это мероприятие...»

Этот разговор с председателем колхоза происходил несколько лет назад. Что сказал бы и сделал бы председатель теперь, когда вышло историческое постановление правительства о лесонасаждении в засушливых областях? Догадаться нетрудно.

Теперь можно быть уверенным, что на удивление маловерам, в Приаральской пустыне будет много траншей с огородами, бахчами, садами, виноградниками. По пустыне протянутся длинные лесные полосы, что принесет большую пользу не только местным, но и дальним колхозам.

Для изучения путей хозяйственного освоения орошенных земель бывшей пустыни Бетпак-дала создана опытная станция животноводства. В работе станции участвуют специалисты сельского хозяйства. В низовьях реки Чу, в 210 километрах от ближайшего населенного пункта, создана основная база опытной станции. На озере сооружена плотина, которая сохраняет в нем воду выше уровня реки Чу. Вниз по реке, в урочище Улан-Бель, в 55 километрах от центрального поселка, создана база зимних пастбищ. Еще недавно пустынные просторы степи, носившей название Голодной, осваиваются. Уже сейчас в низовьях реки Чу пасутся десятки тысяч овец, лошадей и крупного рогатого скота опытной станции, совхоза и ближайших колхозов.

★

Созданная в Южно-Сахалинске научно-исследовательская база Академии наук СССР работает над важными проблемами развития хозяйства острова. На базе работает около ста научных работников. Здесь изучаются проблемы лесного хозяйства, местных строительных материалов, использования сахалинских лечебных источников. Большое место в научной работе уделяется развитию сельского хозяйства острова. Испытывается много сортов пшеницы, ячменя и овса. Отобрана для массового посева яровая пшеница, дающая на опытных участках высокий урожай. Выведены сорта ранней и поздней капусты, которая хорошо прижилась на сахалинской земле. Важные работы проводятся в области плодоводства.

★

Одесский институт курортологии и бальнеологии исследовал ряд минеральных источников Украины. Специальные экспедиции изучали в западных областях Украины целебные источники Трускавец, Черче, Моршин и другие. Изучены целебные свойства нескольких минеральных источников в Запорожской области, где намечается строительство курортов для металлургов юга и шахтеров Криворожского бассейна. Группа научных работников института, исследовавшая соленое озеро Голдри, близ Херсона, установила целебные свойства его воды и грязей.

★

Богатейшие залежи пестроцветного мрамора обнаружены геологами недалеко от Кольванского шлифовального завода на Алтае. Трест «Русские самоцветы» приступил к выпуску из этого мрамора художественно выполненных письменных приборов, изготавливаемых на Кольванском заводе.

★

В Центральном военно-морском музее в Ленинграде хранятся старинные документы, рассказывающие о кораблях русской антарктической экспедиции 1819—1821 годов.

Из этих документов видно, что оба шлюпа экспедиции «Восток» и «Мирный» «суть российские постройки». Корабли такого типа строились в России и намного раньше и пользовались большой славой у моряков не только у нас, но и за рубежом. Один из таких кораблей послужил даже образцом, по которому была построена целая серия кораблей в Испании.

МОЛОДЕЖНЫЕ СТРОЙКИ РУМЫНИИ

М. СЕРГЕЕВА

Все более уверенно движется по пути своего возрождения Румынская народная республика. Расцветают промышленность и сельское хозяйство страны, поднимается ее экономика.

Уже много ярких побед одержали трудящиеся Румынии. Одной из таких побед является постройка железной дороги Бумбешти — Ливизени. Добровольные молодежные отряды выстроили ее в рекордный срок — за семь месяцев.

Сотни вагонов с каменным углем следуют по берегам реки Жиу к центральному промышленному району страны, от Петрошани до Бухареста. Дорога эта, соединяющая Трансильванию и один из ее самых крупных каменноугольных бассейнов с центральной Румынией, длинна и неудобна. Три цепи гор — Ретезат, Паранг, Вулкан, — когда-то составлявшие сплошной массив, сходясь недалеко от Ливизени, как бы желая задушить быстрое течение Жиу. Река, коварно прикинувшись покоренной, суживается в этом месте, но только для того, чтобы затем с еще большей яростью и силой обрушиться на горы и разбить их на три отдельные цепи. Неудержимо пролагает она свой путь к Дунаю, борясь со всеми встречающимися препятствиями. Из этой борьбы Жиу выходит победительницей и успокаивается на просторах долины Герж.

Румынские капиталисты давно хотели построить железную дорогу через горы и реки, чтобы лучше и удобнее для себя эксплуатировать и перевозить уголь, добываемый шахтерами Петрошани. Двадцать долгих лет длилось это строительство, которое послужило неисчерпаемым источником дохода для всякого рода мошенников, одетых в чиновничьи мундиры, но толку от их «деятельности» было мало.

Лишь после победы фронта народной демократии дело быстро двинулось с мертвой точки. С апреля 1948 года началась упорная борьба за железную дорогу Бумбешти — Ливизени. 28 тысяч рабочих, основной костяк которых составляли добровольные молодежные отряды, в течение семи месяцев сделали то, чего буржуазные дельцы не сумели сделать на протяжении 20 лет. Олтени, Мунтени, Банат соединены теперь с каменноугольным бассейном Трансильвании.

Проезжая по этой дороге, нельзя не восхищаться гигантской силой коллективного народного труда. На протяжении нескольких десятков километров здесь сооружены 33 тоннеля, более ста мостов и виадуков. Но даже там, где таких сооружений нет, где строителям не приходилось бороться со свирепыми водами Жиу, работа была не менее трудной: рельсы надо было прокладывать по скалам, по граниту или известняку. Тоннель Пичеорул — Драгулул, виадук Драгалина и мост Нарайя — три наиболее значительные постройки на этом пути. Каждая из них имеет свою историю, свидетельствующую об энтузиазме и непреклонной воле строителей в их борьбе с природой. Ни обвалы, обрушивавшиеся на узкие коридоры тоннелей, ни рассыпающийся под ногами известняковый грунт, ни мятежная Жиу, размывавшая полотно железной дороги, не могли остановить шедших вперед строителей. Иногда казалось, что нет никакой возможности сломить упорное сопротивление скалы, что две едва мерцающие с обеих сторон тоннеля точки света никогда не соединятся. Но это только казалось. Люди были крепче скал, сильнее реки, и они побеждали. Тогда безграничная радость озаряла лица рабочих, ликующие возгласы докатывались до самых горных вершин.

Каждый шаг, каждый пройденный метр приносили с собой новую победу людей над природой.

Каждый камень на постройках, каждая рельса и шпала положены с любовью и искусством. Склоны, подверженные оползням, аккуратно выложены гранитными плитами. Незабываемое по красоте зрелище представляет как бы висящий в воздухе мост Нарайя с пенящейся под ним Жиу. Не верится, что все это создано молодыми рабочими, которые вначале не имели никакого строительного опыта.

День 31 октября 1948 года явился большим праздником для всех трудящихся Румынии. В этот день в честь XXX годовщины ленинского комсомола в торжественной обстановке открылось движение по дороге Бумбешти — Ливизени. Недалеко от станции Ливизени был организован торжественный митинг.

На митинге выступил секретарь политбюро румынской рабочей партии Георгиу Деж. Молодые рабочие приветствовали своего лидера, посвятившего жизнь делу коммунизма. «Только благодаря энтузиазму и воле молодежи, техников и инженеров, — сказал он, — стало возможным закончить строительство за семь месяцев, сделать то, чего не удавалось завершить в течение двадцати лет».

Георгиу Деж отметил необычайно важное значение дороги, которая открывает новый путь к каменноугольному бассейну долины Жиу. Благодаря сокращению дороги на несколько сот километров перевозка угля будет давать 320 миллионов лей экономии в год. В условиях народной демократии дорога стала важным фактором поднятия материального и культурного уровня народа.

После митинга начался парад строителей. Со знаменами в руках они стройными колоннами проходили мимо трибуны; их взоры были устремлены туда, где по крутому склону горы

проходил проложенный ими путь, их детище.

Перед отходом первого поезда румынская молодежь окружила комсомольцев — делегатов Советского Союза. Расспросам не было конца. Самый юный бригадир, тринадцатилетний паренек, сказал:

— Это не первая моя стройка. Знаете озеро Снагов, что недалеко от Бухареста? Теперь ведь там выстроена железная дорога. Раньше Снагов считался местом отдыха богатей, туда иначе как на машине нельзя было добраться, а теперь все трудящиеся Бухареста имеют возможность ездить туда отдыхать. Я твердо решил быть рабочим, я хочу строить дороги, дома, мосты, школы, театры, чтобы все могли ими пользоваться.

Один из молодых рабочих с интересом и затаенной завистью рассматривал значок «30 лет ВЛКСМ», украшавший грудь советского делегата.

— Хочешь получить его?

— О, конечно!

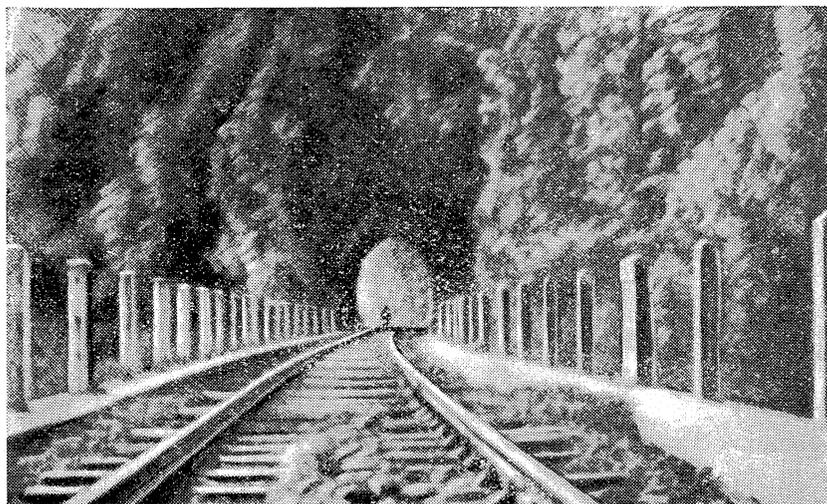
И тут толпа строителей бросилась к нашим делегатам с криками: «Комсомол, комсомол!» Каждому хотелось получить значок. В числе этих энтузиастов оказался молодой человек с протезом вместо одной ноги. Он был увешан фотоаппаратами разных размеров и видов. Во время митинга и молодежного парада он, как истый фоторепортер, фиксировал все, что представляло интерес. Этот молодой человек не может работать на стройках своей молодой республики вместе со старыми товарищами. В 1945 году, во время расстрела рабочей демонстрации правительством Радеску, он был ранен в ногу. Сейчас у него протез. Но он не хочет отставать от коллектива молодых строителей новой Румынии, и фотоаппарат дает ему возможность увековечивать все те замечательные изменения, которые происходят в стране.

Поезд трогается. Мы едем среди гор, пересекаем реки по только что выстроенным мостам, минуем многочисленные тоннели. Нельзя не восхищаться трудом тех, кто сумел подчинить себе природу, заставил служить ее на благо народа.

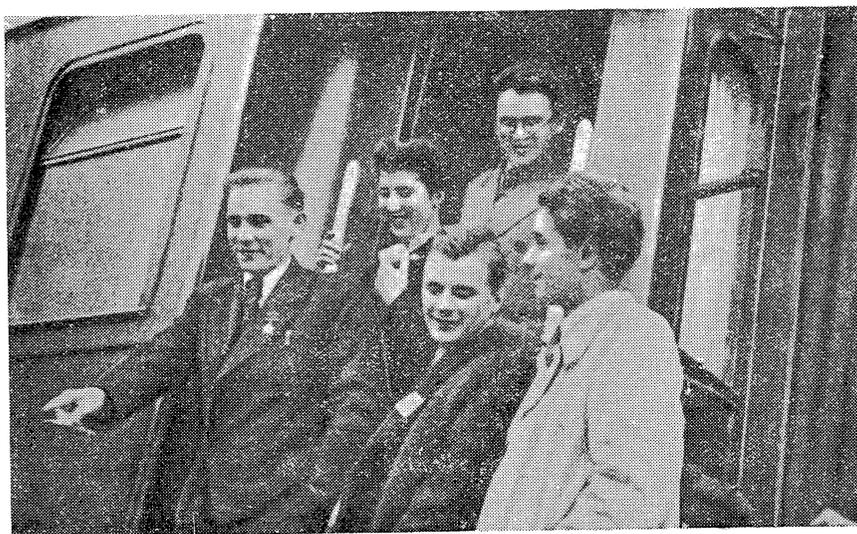
Сейчас вся Румыния — в лесах новостроек. В Бухаресте за три месяца была выстроена фабрика, где так же, как и на строительстве дороги Бумбешти — Ливизени, основной костяк составляли молодежные бригады. К 7 ноября 1948 года было закончено строительство плотины на Пруте, которая позволила осушить большую площадь. Теперь там можно будет заниматься земледелием. В Брашове закончилось строительство одного из самых больших в Румынии депо. Строительство газопроводов Агнита—Боторка и Чеанул-Маре — Клуж, паровозного депо в городе Крайова и другие национальные стройки силами молодежи были закончены досрочно. Так, самоотверженным трудом молодежь Румынии помогает строить счастливое будущее своей народной республики.

На митинге выступил генеральный секретарь политбюро рабочей партии Румынии Георгиу Деж.

Тоннель по дороге Бумбешти — Ливизени.

Делегация советской молодежи.

Ю. ДАВЫДОВ

Рис. П. Я. Павлинова

И начались объятья, сбивчивые расспросы, долгие беседы. Он увидел вновь величественный город на невских берегах, осенний багрец царскосельского парка, слезу, блеснувшую в глазах Егора Антоновича.

Но встретился ли Матюшкин с тем, с кем сроднил его лицей? Встретился ли он с Пушкиным?

Коллежские секретари (они оба в этом чине выпущены из лицей) расстались в июне 1817 года: Пушкин тотчас умчался к родным, в псковскую деревню. Воротившись, он поселился в родительской квартире в старой Коломне.

О первых порах жизни Александра Пушкина в Петербурге сохранились многочисленные свидетельства современников. Немалое число их (слишком немалое!) посвящено описаниям всяческих шалостей и проказ, походов и пирушек юного поэта. Куда меньше упоминают современники о том, как серьезно работал Пушкин-поэт. А Пушкин посреди рассеяний «большого света» трудился, и трудился упорно. Его стихи, вольные эпиграммы, послания ходили по рукам. Молодежь зачитывалась ими. И уже восклицали маститые: «Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!» (Жуковский), «О, как стал писать этот злодей!» (Батюшков).

Царское правительство все подозрительнее приглядывалось к Пушкину. Тайная полиция уже следила за двадцатилетним поэтом. А он совершенно не скрывал своего свободомыслия и своего презрения к самодержавному рабству, подавал все более и более поводов к неудовольствию и гневу императора Александра.

Матюшкин посетил пушкинский «угол тесный и простой» во втором этаже дома у Калинкина моста накануне отъезда в новую экспедицию.

Продолжение. Начало см. в №№ 3 и 4 «Вокруг света».

Минута для Пушкина была драматическая. «Разнесся слух, — писал он впоследствии в неотправленном письме Александру I, — будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен... Я увидел себя опозоренным перед светом. На меня нашло отчаяние, я метался в стороны, мне было 20 лет. Я раздумывал, не следует ли мне прибегнуть к самоубийству или умертвить (ваше величество). В первом случае я только бы подтвердил разнесшуюся молву, которая меня бесчестила; во втором — я бы не мстил за себя, потому что прямой обиды не было... Таковы были мои размышления. Я сообщил их другу, который был совершенно моего мнения. Он мне советовал попытаться оправдать себя перед властью, я чувствовал бесполезность этого. Я жаждал Сибири или крепости, как восстановления чести».

Вот когда и при каких мучительных обстоятельствах состоялось последнее, перед многолетней разлукой, свидание двух лицейских друзей: «К этой самой тяжелой в жизни Пушкина эпохе, — пишет пушкинист Бартев, — может относиться рассказ И. В. Киреевского, слышанный им от Ф. Ф. Матюшкина, как поэт с пистолетом в руках разговаривал с отцом своим».

Весной Федор Матюшкин ушел в сибирские края. Спустя несколько месяцев оставил Петербург и Пушкин, отправившийся в свою первую ссылку, на юг России. И одним и тем же эпитетом определил впоследствии великий поэт свою судьбу и судьбу друга. Он назвал ее «блуждающей»: свою в «Евгений Онегин», его в «19 октября».

О предстоящей сухопутной экспедиции к берегам Ледовитого океана, на крайний северо-восток России, Матюшкин узнал еще в самом начале двадцатого года. В планировании и снаряжении этого путешествия деятельное участие принимал Головин. Он предложил Врангелю возглавить экспедицию, а мичману Матюшкину принять в ней участие.

Наступление русских людей в глубины и «хладные степи» Сибири началось издревле. Смелые сердца бились в груди первых «проводывателей». Одиноким кресты над безыменными могилами веками стояли на пути географических открытий в тех дальних и глухих краях.

В начале XIX века северные берега Сибири и лежащие близ них острова были уже не единожды осмотрены, описаны и положены на карты. Но атласы, покоившиеся на столах географов и в каютах мореплавателей, зачастую противоречили один другому. Координаты многих пунктов расходились на полтора, а то и более градусов. Берег же от мыса Шелагского до мыса Северного вовсе был неизведан. В ученом мире об изумительном плавании Семена Дежнева ведали еще смутно. Английский географ Бурней, считавшийся знатоком истории северных экспедиций, полагал даже, что Америка сходится-таки с Азией.

Географические загадки крайнего северо-востока России сделались еще привлекательнее и заманчивее после утверждений Санникова о том, что к северу от острова Котельного и Новой Сибири, а также против устья Колымы существуют таинственные земли.

«Белое пятно» следовало уничтожить, карты и атласы исправить, заполнить новые страницы отечественной географии. Эту почетную задачу возложили на моряков. Морским министерством были созданы два небольших отряда. Первым, куда входил Матюшкин, начальствовал лейтенант Врангель, вторым — лейтенант Анжу. Врангелю поручалось действовать в районе реки Колымы, Анжу — в районе реки Яны. Обе экспедиции по прибытии в Сибирь поступали в распоряжение тамошнего генерал-губернатора Михаила Михайловича Сперанского.

Врангель и Матюшкин отправлялись в новый вояж, — правда, вояж не морской, а сухопутный, но от того не менее трудный и не менее опасный. Их третий соплавателем по «Камчатке», третий Федор,

мичман Литке, готовился в то время к экспедиции на Новую Землю.

Ученики Василия Головинна штурмовали Север.

На четыре года Федор Матюшкин становится не мореходом, а землепроходцем. Ему доведется за эти четыре года совершить несколько самостоятельных и очень важных путешествий. Ему доведется собрать богатейший научный материал. Когда вчитываешься внимательно в его рапорты сибирского периода, когда просматриваешь его обширную переписку с Энгельгардтом, убеждаешься, что Федору Матюшкину принадлежат равные, совершенно равные, заслуги с Врангелем в этой знаменитой полярной экспедиции.

К сожалению, как это нередко случалось в императорской России, имя одного затемнялось именем другого. Подобно Крузенштерну, долго затмевавшему своей славой заслуги Юрия Лисянского, Врангель затмил заслуги Федора Матюшкина. Последнего почитали только спутником, только помощником.

23 марта 1820 года оба отряда простились с Петербургом. Десять дней спустя они прибыли в Москву. Недолгим было свидание Федора с Анной Богдановной: Врангель торопился.

Хмурым и снежным апрельским днем Матюшкин последний раз обнял матушку, бросил чемоданы в кибитку и уехал, плотнее завернувшись в медвежий полот. Ямщик гикнул, колокольчики звякнули. Лошадь понеслась навстречу ветру, уминая рыхлый и бурый дорожный снежок.

И много дней подряд гикал ямщик, заливались колокольчики, много дней мелькали по сторонам полосы верстовые столбы, покосившиеся плетни деревенек, сирые церквушки.

Матюшкин ехал дорогами России. В пути увидел он наступление весны — на гордых волжских берегах гудел зеленый шум; долины Урала встретили его еще зимним холодом. Родина открывалась ему в великолепных красотах своей природы.

Матюшкин посетил пушкинский «угол тесный и простой».

В мощном течении великой сибирской реки скользит тяжело груженный паузок. Большая лодка плывет меж высоких берегов, то попадая в быструю струю, то распуская грубую холстину паруса, то движимая веслами. Экспедиция Врангеля — Матюшкина спускается вниз по Лене.

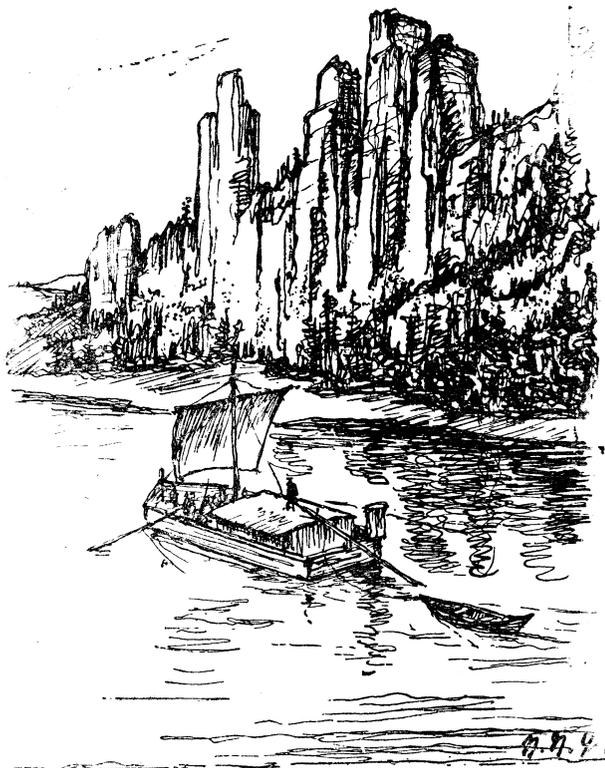
Моряки, выдавшие неповторимые красоты трех океанов, восхищены разнообразием и величественной дикостью ленских берегов, грозными скалами, нависшими над водою, седой волной, неустанно бьющей о камни.

Неподалеку от Киренска Матюшкина догнало письмо Илличевского — письмо, повергшее его в отчаяние. Илличевский сообщил о пожаре Лицея, о том, что на месте царскосельского дворца остались одни обгоревшие стены.

«Так Лицея больше нет?.. — отчаянно вопрошает Матюшкин Энгельгардта. — Нет, я этому не верю. Неужели по возвращении моем Царское будет для меня чуждо?.. Нет, нет, я этому не верю. Егор Антонович, обрадуйте меня, напишите, что все неправда, ложь... напишите, что Лицей.. напишите, что через 3 или 4 года я могу еще найти 12 номер, где через 6 лет самой беспокойной, самой бурной жизни я опять могу отдохнуть там несколько времени. — Напишите мне, сделайте милость, обо всем, Егор Антонович». Матюшкин почувствовал себя осиротевшим.

А паузок влекло все далее и далее вниз по течению великой сибирской реки.

На двадцать седьмой день плавания, проделав водою почти две с половиною тысячи верст, Врангель и Матюшкин достигли Якутска.

Паузок на Лене.

Главным якутским начальником был в то время Михаил Иванович Миницкий, некогда флотский офицер, начинавший службу вместе с Головинным. Миницкий с истинно морским радушием встретил путников. Он «принял нас, как своих, — пишет Матюшкин, — его дом сделался нам теперь, как дом бли-

жайшего родственника. Он старается об нашем снабжении, как будто бы самому ему надобно ехать с нами, поставляет не только вещи необходимые, но даже излишнее. Он редкий, редкий человек — как жаль, что он оставляет Якутск, в нем теряют много обе экспедиции, потому что Якутскому областному начальнику велено относиться с донесениями не только об надобностях наших, но и об успехах. А кто флотского лучше поймет, как не флотский?»

Впрочем, не всякий флотский хорошо понимал флотского. И Матюшкин не раз убеждался в этом.

Морским министерством заправлял в ту пору маркиз де Траверсе. Французский эмигрант, прижившийся подле трона, ловкий царедворец, забравший в свои руки военно-морские силы, Траверсе сделал немало для того, чтобы развалить русский флот. Как и Василий Михайлович Головин, Матюшкин всегда резко отрицательно относился к этому представителю «французиков из Бордо».

Министр чем мог, тем и насолил сибирской экспедиции. «..Вместо 200 рублей (порционные в месяц), — писал Матюшкин, — как поговаривали в Петербурге, дают только 30, меньше нежели получают в Кронштадте (там 35), лежа на печи. Дай бог концы с концами связать, а кажется в остатке будет с минусом. Ай да маркиз».

Миницкий советовал одному из них ехать вперед в Нижне-Колымск, несмотря на чрезвычайно худую и трудную дорогу, чтобы закупить там заранее рыбу, нарты с собаками и сделать все возможные распоряжения для скорейшего начала исследовательских работ. Выбор пал на Матюшкина.

Проехав две с половиной сотни верст таежной глухоманью, Матюшкин и его проводники увидели холмистый берег Алдана. Они едва-едва пробирались вперед. К тяжести путешествия дурной дорогой прибавилась изнуряющая жара и беспрестанные нападения комаров и мошек. В озерах плескалась, выпрыгивая из воды, рыба, спокойно взлетала из-под копыт лошадей непуганая птица. 10 августа они переправились через Алдан. За Алданом начались горы. Изодня в день они то взбирались на какой-нибудь хребет, то, осторожно придерживая лошадей, спускались в ложины.

16 августа Матюшкин приказал остановиться ранее обыкновенного, задолго до захода солнца. Близилась гроза. Путники разбили палатку на небольшом зеленом островке в реке, названной якутами Тулукан. Пейзаж был хорош для живописца. Лесистый островок, журчащая в каменном русле вода, воздух, напоенный запахом ярких цветов, вскрики птиц и мирный огонек у палатки под ветвями осины. А вокруг громоздились горы. Их грозные цепи брали в полон матюшкинскую стоянку. В горах царил молчание первобытных времен, и в темных глубоких рывтинах и ущельях мерцали вечные льды.

Солнце заходило. Как и ожидал Матюшкин, вечер не сулил спокойного отдыха. «...Черные тучи — предвестники грозы — тихо носились над нами, порывистый ветерок нес их в одну сторону.. в грозном молчании они остановились, сгустились.. И вдруг загорелись ярким огнем цепи гор, теряющиеся в туманном отдалении, ударил гром, и мне казалось, что земля колеблется, горы рушатся.. И эхо грохотало со всех сторон».

Глядя на бушующую природу, путешественник испытывал то, что испытывают обычно люди в штормовом океане, во время извержения вулкана, в часы сильных землетрясений. «Ах, как человек мал! — подумал я, — как он слаб, ничтожен. Он былинка в природе.» А потом, видя как эта былинка противостоит стихиям, восхищаясь этой былинкой, Матюшкин восклицает: «Но для человека нет невозможного, нет неприступной скалы для него, нет холодов, нет вихрей — он все преодолевает, ему все возможно!» Хороша гордость храбреца и проведывателя слышится в словах молодого моряка.

На следующее утро, когда под солнцем засияли умытые ливнем небеса и земля, матюшкинский отряд подошел к подножью Верхоянской горы. Матюшкин поднялся на ее вершину. Три деревянных креста, увешанные пучками длинных конских волос, бисера и цветастых лоскутков (якутские жертвоприношения горным духам), венчали Верхоянскую гору.

Остался позади Верхоянский хребет. Опять дни дурной дороги и дурной погоды.

Навстречу шла зима. 19 августа выпал первый снег. По ночам путешественники беспокойно ворочались у костров, подставляя то один, то другой бок веселому огню. Поднимались они спозаранку и к вечеру валились от усталости с ног.

Примечательно, что во все время пути, несмотря на трудности, Матюшкин внимательно наблюдал окружающие его места. Письма к Егору Антоновичу содержали большое количество сведений ботанических и минералогических, метеорологических и этнографических. Однако правдивое перо Матюшкина отмечает не только природные особенности края, но и ужасающую нищету его жителей. И строки эти проникнуты искренней горечью.

«Бррр... холодно, холодно. Вообразите себе юрту низкую, дымную, в углу чувал, где козак на сковородке поджаривает рыбу, в окнах вместо стекол льдины, вместо свечи теплится в черепке рыбий жир, вместо постели медвежатина, посланная на скамье, и это — мой дворец. Вот, Егор Антонович, мое житье-бытье, а скука, скука... Сижу один, думаю, мечтаю...»

Несчастье делает человека лучшим, я никогда не мог похвалиться сострадательностью, но признаюсь, что теперь делюсь последним с бедным.

...Вы не поверите, Егор Антонович, в каком бедственном положении этот край. Семь голодных годов сряду, и в сие несчастное время мы прибыли...»

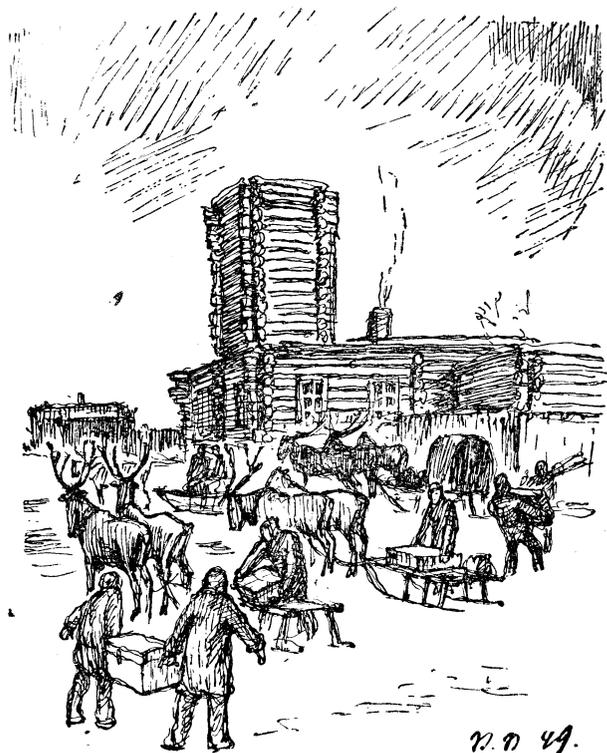
А далее еще горше: «...видишь одни рубища и слышишь стоны умирающих с голоду и от ужаснейших болезней... многие семейства, целые племена Якутов и Юкагирей вымерли — коровья оспа, неосторожно прививаемая, распространила проказу, несведущий лекарский ученик берет материю от больного и заражает ею здорового. Я видел одного из сих несчастных — и растение блекнет от его прикосновения. Прощайте, Егор Антонович, я оканчиваю письмо, не могу более писать...»

Он страдал при виде чужой нищеты, чужих несчастий. Его горячее сочувствие забитым народам Российской империи, к тем, кого презирал чиновный Петербург и грабили сибирские сатрапы, очень характерно для русского моряка школы Василия Головина.

Знаменательный день 19 октября «лицейский пустычник» встретил на девственном берегу речки Омолон, вспоминая далеких друзей, чаепития в голубой комнате энгельгардтовой квартиры, шум царскосельского сада. Три дня спустя Матюшкин достиг Нижне-Колымска. Около полутора тысяч верст остались позади.

Он приехал к пустому месту. Все надо было начинать с азов. Местный исправник, потчуй мичмана ужином, вздыхая, объявил, что ему-де вообще казалось невозможным прибытие в сию медвежью сторону петербургской экспедиции. Вот потому, мол, для нее и не припасли ни единой рыбешки, ни единой ездовой собаки, ни единого бревнышка на постройку астрономической обсерватории.

Матюшкин не отдыхает после изнурительного пути. Он закупает провизию, достает собак, нарты, упряжки, строит обсерваторию. Об экспедициях обычно судят по их результатам. Врангель, конечно, ничего бы не добился, если бы Федор Матюшкин с удивительной энергией, старанием и практической сноровкой не продел все подготовительные работы.

Врангель приехал тогда, когда у Федора уже все подходило к концу.

Врангель приехал тогда, когда у Федора уже все подходило к концу. Свидание было радостным — они обнялись. Думается, не от того, что были нежны друг к другу (этого не почувствуешь ни из писем Матюшкина, ни из автобиографических записок Врангеля), а просто посреди снегов, в заброшенном, всеми забытом уголке земного шара встретились люди, у которых есть общие воспоминания, общие знакомые, общие интересы.

И началась первая зимовка полярной экспедиции. Днем путешественники поднимались в бревенчатую башню, выстроенную над домом Врангеля. Отсюда открывался вид на четыре стороны. Точно, регулярно, аккуратно наблюдали природу Севера два флотских офицера.

Вечерами они засиживались у пылающего огня. Жарко трещали дрова, наполняя простую комнату теплом и уютом. Два флотских офицера думали о прошлом. «...Врангель знает теперь Вас!, всех моих, Лицей, Царское село так же хорошо, как я, и он мне платит равною доверенностью и нет теперь человека в Ревеле и Дерпте, которого бы я не знал. Мои друзья сделались его знакомыми, его — моими...»

Далеко-далече было Село. Далеко-далече был блистательный Петербург, город с Зимним дворцом, с мрачной Петропавловской крепостью. Где-то были теперь друзья?.. Что делал Пушкин-поэт? Лыстые пустыни, высокие хребты и глубокие реки пролегли меж ними. Тысячеверстная, бесконечная Сибирь отделила их.

За стеною дома, укутанная вьюжной шалью, шествовала ночь. В океане, на ледяном просторе бушевали ветры. Голубоватый свет беззвучных звезд тускло мерцал на льдах. Вселенная спала.

Врангель и Матюшкин не чуждались долгих бесед с нижнеколымскими жителями. Те еще помнили бывших путешественников: геодезистов Лысьева, Пушка-

1 Энгельгардта.

Врангель и Матюшкин нашли их не совсем разрушенными...

рева, Леонтьева, посетивших здешние места в 1767 году, знали от дедов и о более ранних проводывателей: Павлуцком и его спутниках, бывших на Колыме в 1731 году. Долго допытывались Врангель и Матюшкин о сержанте Андрееве (он обретался на Севере в 60-х годах XVIII столетия), о той земле, которую он, судя по его путевому журналу, видел еще далее к северу от Медвежьих островов. Никто не помнил его походов. И они усомнились в верности андреевских слов.

Отпраздновав наступление 1821 года, Матюшкин и Врангель поехали посмотреть корабли, оставшиеся после экспедиции Биллингса и Сарычева.

Эта экспедиция, снаряженная в 1785 году для описания берегов Ледовитого океана к востоку от Колымы, а также Берингова моря и Алеутских островов, несмотря на все усилия ее участников, потерпела неудачу. Ей не удалось отплыть из Нижне-Колымска — льды не пустили. Тогда моряки бросили корабли, бросили Колыму и перекочевали в Охотск. Оттуда-то они и вышли в море, а к востоку от Колымы так и остались земли, не положенные на карту.

Корабли стояли когда-то у стен Нижне-Колымского острога, на реке. Но уж очень давно весенней приливной водой их оттащило версты на две в сторону. И уже почти полвека лесная чаща служила им последней якорной стоянкой. Врангель и Матюшкин нашли их еще не совсем разрушенными. Молчаливыми памятниками минувшим покорителям русского севера темнели в хмуром лесу «Паллас» и «Ясашна». В тот же день лейтенант и мичман осмотрели другие остатки старины. В большом бревенчатом амбаре, добротном и крепко сложенном, лежали порывевшие мортиры, ядра, инструменты для разделывания дерева. Все это принадлежало к еще более дальним временам: то были припасы лейтенанта Лаптева.

Неслышно мелькнули январские дни, а в первых числах марта неутомимый Матюшкин снова был в дороге. Он отправился закупить припасы для ледовых разведок, а главное — успокоить чукчей, рас-

сказав им о задачах и намерениях путешественников. Поездка дала Матюшкину много новых, ярких наблюдений. Он изложил их с присущей ему живостью и мягким юмором. Отчет его о поездке в местечко Островное был потом полностью включен Врангелем в свою книгу.

Четыре дня в пути — 250 верст позади (по тундровым пространствам путь не дальний), и Матюшкин в Островном. Вот как он описывает местечко: «...Вся окрестность оживлялась народом и деятельностью. Картина представляла много странного, но тем не менее была приятна и носила на себе отпечаток оригинальности... вечерами, когда все недостатки строения скрывались, а тускло светящиеся сквозь ледяные стекла огни обличали близость жилья человеческого, вид селения производил весьма приятное впечатление. Пылающие костры, разложенные подле возов и нарт, высокие столбы красноватого, искристого дыма... Зеленовато-белые лучи северного сияния бросали на окрестность какой-то необыкновенный для непривычных глаз свет. Вдали раздавались глухие звуки шаманских бубнов и протяжные песни сибиряков».

Матюшкин нарисовал довольно выразительную картину северного местечка. Ярмарка в Островном была событием знаменательным, событием выдающимся в жизни далекого края. Никогда в другую пору нельзя было найти здесь одновременно столь большого скопления людей и товаров. Чукчи приезжали в Островное целыми семьями. Познакомившись с их маршрутом, наблюдая ярмарочный торг, Матюшкин неизменно отмечает достоинства кочевников и с удовольствием отзывался о сибирских купцах.

«...Переезжают они, — писал он о чукчах, — на утлых байдарках Берингов пролив, пристают обыкновенно для отдыха к Гвоздевым островам и являются в Северную Америку для мены на меха своих произведений и русских товаров. Должно удивляться смелости, с какою народ, не имея понятия о судоходстве, совершает на маленьких байдарках столь большие переезды по бурному и туманному морю».

Когда все уже были в сборе, чукотские старшины и русские купцы собрались в Островной крепостце у комиссара.

На этом торговом собрании Матюшкин объяснил туземцам цель экспедиции, прибывшей из Петербурга, и просил, в случае нужды, их содействия. Чукчи охотно обещали помочь путешественникам.

Условившись о меновых соотношениях, решили открывать ярмарку. 11 февраля на крепостной башне взвился флаг и ударил колокол. Торг начался.

Матюшкин неприязненно говорил о корыстолюбивых царских чиновниках, представителях администрации, властвовавших в Островном, Нижне-Колымске и в других населенных пунктах крайнего северо-востока.

Зато о коренных жителях края он отзывался с симпатией. Чем пристальнее всматривался Матюшкин в обычаи и нравы чукчей, чем внимательнее наблюдал он их, тем более убеждался в достоинствах «сего замечательного племени».

«На снежных степях своего мрачного, льдистого отечества, — с восхищением замечает он, — ...легко и хладнокровно переносят они все недостатки и лишения и не завидуют другим».

Матюшкину довелось присутствовать на чукотских играх. Охотники состязались в скачках на оленях, в беге на большие дистанции. Все это они проделывали с удивительным проворством и неутомимостью. Слушал путешественник и народные чукотские песни, видел их танцы.

Шесть дней продолжалась ярмарка в Островном. Шесть дней неистово торговались купцы, и шесть дней спокойно выменивали свои товары чукчи. 19 марта Матюшкин вернулся в Нижне-Колымск.

А сюда приходила почта. Предобрый Егор Антонович писал Федору предлинные письма. Получая их, Матюшкин чувствовал себя счастливым.

Появление почты было событием радостным, но ангельгардтовы послания были грустны. «Золотой век» Царскосельского лицея миновал с уходом его первых воспитанников. Александр I неуклонно держал реакционный курс и во внешней и во внутренней политике. Изменилось его отношение и к лицу, не очень-то оправдавшему царские надежды. В стране военных поселений и армейского рыка как-то странно выглядел «склад запрещенной литературы» — волнолюбивый лицей, чуждавшийся всякого «фрунта» и «шагистики».

«...Твоя участь, — читал Матюшкин ангельгардтовы строки, — правда не завидна, но иногда, право, лучше бы в юрте с юкагиром струганину есть, нежели с Карцовым, Гауэншильдом и Калиничем в золотых чертогах фазановы пастеты... Князь мною весьма доволен и, находя, что я весьма дурно воспитываю вверенную мне молодежь, предписал, особым секретным орденом, священнику Кочетову пещись о исправлении воспитанников, о искоренении в них зла и пр. ...Куницын от всех должностей по министерству народного просвещения отставлен и запрещено ему что-либо и где-либо преподавать ...а Куницын умел учить и добру учил! А люди презрительные во всяком отношении... остаются и награждаются».

Да, над «блаженным Селом» сгустились тучи и жизнь там была не столь розовой и беззаботной, какой представлялась она на колымских берегах. Старые лицейские «чугунники» не забывали Села. Ангельгардт подробно сообщал путешественнику о всех посетителях. Мелькают в его посланиях милые матюшкинскому сердцу имена Пушина, Дельвига, Малиновского, Яковлева... Читает он о воспевании «национальных песен», о подъятии бокалов за здоровье «бедного моряка, плавающего сухим путем на необъ-

езженных лошадях и умирающих с голоду собак», — читает, и застилают иногда слезы его большие темные глаза.

* * *

Началась вторая колымская зима — зима 1821—1822 годов.

Опять они с Врангелем взбирались на башню и, отогревая дыханием мерзнувшие руки, заносили в журналы результаты наблюдений.

Опять за окном царили полярная ночь и мертвая тишина, оживляемая фантастическими переливами северного сияния.

В начале 1822 года Врангель и Матюшкин предпринимают еще одну попытку отыскать неведомую землю. Но далее 72° северной широты им не удалось подняться к северу: торосы и польньи, холод и голод преградили им путь. Они скитались во льдах пятьдесят пять дней.

«...Удивительно, — сообщал Матюшкин Ангельгардту, — как некоторые из нас не переломали себе рук и ног и головушки свои вывезли на землю. В иных местах был такой ужасный торос, что мы прорубались 3—4 и более версты орядом... Ныне исследовано уже нами около 15° в долготу (до меридиана Шелагского носа) и везде найдена непрерывающаяся польнь к северу в широте 72°. Теперь остается нам только посетить море к востоку от Шелагского мыса и описать берег от северного мыса Кука, — это на будущий год».

Работы экспедиции у Шелагского мыса, на первый взгляд не столь уж значительные, были крайне важны в те времена для географов всего мира.

В третьем и последнем плавании Джемса Кука, когда знаменитый моряк шел по следам Витуса Беринга, участвовал некто Бурней. Впоследствии Бур-

Охотники состязались в скачках на оленях...

ней стал адмиралом британского флота и европейским географическим авторитетом.

Его основным утверждением было то, что Азия соединяется с Америкой, а Берингов пролив — де вовсе и не пролив, а только устье обширного залива. Из всех бурневских доказательств главнейшее сводилось к тому, что Шелагский мыс — не мыс, а перешеек.

«Многие, — замечает Матюшкин, — схватились за его мнение, стали писать, размазывать и проч. и проч... Описание Шелагского мыса, определение его географического положения рушило все его (Бурнея — Ю. Д.) предположения, и самые жаркие защитники его мнения спасовали...»

Главное назначение экспедиции было выполнено. Но они не торопились покидать полунощные края.

Минула зимняя стужа, прояснели дали, ушел лед с Колымы, заголосили птицы. Весеннее половодье превратило Нижне-Колымск чуть ли не в Венецию, и жители разъезжали между домами если не в гондолах, то в карбасах.

В иных местах был такой ужасный торос, что мы прорубались три, четыре и более версты сряду...

Мало-помалу сошла весенняя водица. Разгоралось сибирское лето.

Врангель и Матюшкин спешно готовились к новым экспедициям. Первый решил исследовать Каменную тундру, второй — «страны, к северо-востоку от Колымы лежащие».

Выехали они вместе 23 июля. Спустя несколько дней в селении Пантелеевка простились, пожелав друг другу удачи.

Матюшкин держал на восток.

..Вот уже месяц был он в пути. На рассвете 22 августа Матюшкин и его спутники увидели густой морской туман, клубившийся над землею голубоватыми легкими глыбами. Проводник-чуванец испуганно взглянул на Матюшкина и упавшим голосом объявил, что он заблудился:

Провизии у них не было. Лошади утомились до крайности. Вокруг расстилалась пустынная тундра. Якуты — спутники Матюшкина — пришли в отчаяние и единодушно решили, что здесь они обретут могилу.

В эти трагические минуты Матюшкин показал себя человеком поистине железной воли. Не полагаясь целиком на проводника, моряк сам вел счисление. По его расчетам, они находились в нескольких днях пути от Малого Анюя, от его благодатных прибрежных лесов. Матюшкин ободрил проводника, обещав им вывести караван к реке.

С трудом передвигая ноги, с неприятнейшей песней в голодном желудке, тащился караван тундровыми просторами. Едва-едва дожидались они вечера, когда можно было присесть у костра. Молча и угрюмо глядели они на огонь, на котелки, в которых бурлила чистойшая вода. Ни крошки съестного...

Однажды, на одном из таких привалов, якут-проводник отозвал Матюшкина в сторону. Он достал из-под одежды утку, случайно подбитую им, и протянул ее Матюшкину:

— Возьми и съешь один; ты сильно устал.

Федор был поражен добросердечием этого полудикого кочевника. От души поблагодарив якута, он взял утку, подошел к костру и бросил добычу в общий котел. В тот вечер у костра сидели более оживленные люди. От утки не осталось ни перьев, ни костей.

А потом снова был голод. Разум людей начал мутиться. Странное зрелище являл собою матюшкинский караван: один с беззаботнейшим видом распевал невнятные песни, другой громко молился, третий прыгал, четвертый бормотал что-то... С надеждой и мольбой смотрели все на Матюшкина. Стиснув зубы, борясь с галлюцинациями, он уверял их в скором спасении.

Над головою попрежнему висело белесое небо, под ногами попрежнему была пустынная тундра. Мичман вел караван.

Но вот показалась высокая гряда. Тревожно екнули сердца путников. Они взобрались на вершину холмов. Впереди густыми зелеными кронами шумел и раскачивался лес. «Как на море, — сравнивал Матюшкин, — после долгого и изнурительного плавания крик: «Земля! земля!» возбуждает радость и деятельность на корабле, так и здесь вид деревьев подействовал, будто электрический удар, на утомленное общество. Лес! Лес! — раздалось со всех сторон, и мы радостно погнали лошадей...»

Лесные озера кишели рыбою. Сети приносили ее сотнями. Жирная уха и свежая дичинка заставили странников забыть прошедшее.

Дальнейший путь продолжался уже более спокойно, уже в более сносных условиях, если не считать, что Матюшкин дважды чуть было не распростился с жизнью. А выручили его, как всегда, необычайная воля и удивительное хладнокровие. Вот как это произошло.

Задумавшись, ехал он впереди каравана. Спутники поотстали. Матюшкин и не заметил, как чуть ли не в сотне шагов от него показался громадный черный медведь. Отступать было уже поздно: медведь, поднявшись на задние лапы, шел ему навстречу. Оружие осталось у проводников. У Федора нашелся лишь нож.

Минута была страшная. Можно ручаться, что мало кто из городских жителей нашелся бы в такой момент, редкий бы человек не потерялся. Матюшкин соскочил с лошади, выдернул нож и пошел к медведю. Так и сближались они — громадный, мохнатый зверь и одинокий путник. Одна надежда была у Матюшкина: слышал он от промышленников, что боится медведь глаза человеческого.

Собака... бросилась на медведя и обратила его в бегство.

Вот уж близко. В двух шагах остановились они — человек и зверь. Пристально, не моргая, смотрел Матюшкин. Медведь шумно дышал, обдавая его жаром своей утробы. Медведь злился, ревел и брызгал слюной, Матюшкин не двигался. Он смотрел в маленькие, налитые кровью медвежьих глазки и, не оборачиваясь, кричал товарищам:

— Дай копы! Стреляй!

Ни один звук не слышался позади его.

«Не знаю, — вспоминал Матюшкин, — долго ли это продолжалось, только думаю, конец бы был не самый хороший, ибо медведь становился час от часу нахальнее. Но собака, которую мы уже другой день считали потерянной, вдруг из-за меня выскочила, бросилась на медведя и обратила его в бегство. Тут я вздохнул свободно и оглянулся — товарищи меня покинули. Зная, что им далеко нельзя быть, я пошел вперед на то место, где лежал медведь — тут нашел я нерпу, совершенно свежую, я положил ее на плечо и отнес к товарищам, сказав только: «Вчера бог, а сегодня медведь нам свежинку дал». Они молчали, не спрашивали меня, как я избавился от медведя, я думаю, что им стыдно, совестно было на меня смотреть».

Во второй раз Матюшкин чуть было не погиб, когда уже настала зима и они продолжали путь на нартах, запряженных собаками. Переправляясь через реку, он провалился под лед. Студеная вода тысячу игол пронизала его тело. Собрав все силы, ухватившись за шест, бывший у него в руках, Матюшкин держался до тех пор, пока проводники не подоспели к нему на помощь.

Изведав все муки и тяготы, лишения и опасности, проделав полторы тысячи верст, он вернулся 24 сентября 1822 года в Нижне-Колымск. Врангель уже целый месяц ожидал его там.

Предстояла третья, последняя сибирская зимовка. Четырехкратные поездки по закованному в ледяной панцирь океану принесли им огромный запас наблюдений, заметок, карт. Все это требовало кропотливой и долговременной обработки.

И все же они не могли избавиться от чувства неудовлетворенности. Ведь загадочная земля, андреевская земля, так и не была найдена. А Матюшкин, может быть, более самого Врангеля, верил в ее существование. Еще до того как Врангель прибыл в Нижне-Колымск, в самом начале экспедиции, когда Федор впервые ездил к устью Колымы за рыбой для зимовки, еще тогда он писал Энгельгардту: «... мы найдем землю, непременно найдем... Я утверждаю, что к северо-востоку от Чаунского должна быть земля».

А Врангель в своей книге высказался так: «Хотя не имеем мы права ни опровергать ее существования, ни подтверждать его, но наши неоднократно и в разных направлениях предпринятые поездки на север по льду, кажется, достаточно доказывают, что в удободостигаемом от Азиатского берега расстоянии нет на Ледовитом море никакой земли».

У них нехватило сил найти эту землю.

Открытие земли, которую столь тщетно искали Врангель и Матюшкин, один из примеров (не единичных в истории географии), когда находили те, кто и не думал о находке.

После того как Врангель, вернувшись в Петербург, решительно опроверг мнение сержанта Андреева, о таинственной северной земле забыли надолго. В 1867 году, спустя почти полвека после Врангеля и Матюшкина, в Чукотском море бродил американский китобой Лонг. «Во время моего плаванья, — писал промышленник, — в Северном Ледовитом океане я увидел землю, не обозначенную ни на одной карте. 14 августа вечером впервые эта земля была замечена с барка «Нил», а на другой день в 9½ часов утра наше судно находилось в 18 милях от западной оконечности ее... Низменные части этой земли вовсе не были покрыты снегом и казались даже зелеными, словно на них росла пышная растительность...»

Китобой оказался честным парнем. Он знал об экспедиции русских, искавших эту землю. Нанеся на карту, правда, очень грубо и приблизительно, открытый им остров, он назвал его Землей Врангеля

...Врангель и Матюшкин корпели над обильными материалами...

И уже много лет спустя после смерти и Врангеля и Матюшкина их соотечественники подняли над островом русский флаг. В 1911 году команда ледокольного парохода «Вайгач» осуществила мечту нижнеколымских скитальцев.

Но того, что они успели, того, что смогли сделать, было недостаточно, чтобы обессмертить обоих в истории отечественного землеведения.

Зимой 1822—1823 годов Врангель и Матюшкин корпели над обильными материалами экспедиции. С утра до позднего вечера склонялись они над бумагами, чертежами, картами. У Матюшкина была еще забота:

привести в порядок свои многочисленные рисунки и эскизы. Во врангелевской экспедиции он единственный сносно владел карандашом и красками. Сам мичман невысоко ценил собственные художественные творения: «Мои картины, которых хуже трудно найти в лубочных лавках под Спасскими воротами (в Москве)...» Однако, когда спустя много лет издавали книгу Врангеля, она была иллюстрирована академиком живописи Парротом, который перерисовал и раскрасил работы Матюшкина.

Окончив дневные занятия и напившись чаю из серебряного, присланного Егором Антоновичем чайника, они укладывались на ночлег. Матюшкин зачастую не мог уснуть: грызущая, ноющая боль невидимым зверьком сидела чуть ли не в каждом суставе. Не в одну ль из бессонных ночей Матюшкин написал Энгельгардту: «...я болен, ревматизм меня ужасным образом мучает. Большую часть года на открытом воздухе, в ветер, туман, снег и дождь — иногда в 30° и 40°, медвежина на льду, снегу или студеной и сырой земле... немудрено, что я потерял свое железное здоровье».

Нелегко дались ему эти сибирские годы!

Петербургская почта 1823 года принесла флота лейтенанту Фердинанду Врангелю предписание правительства об окончании действий экспедиции. В июле Федор Матюшкин в последний раз оглядел колымские берега, бревенчатую башню, откуда четыре года усматривали они четыре стороны горизонта. Федор Матюшкин простился с нижнеколымцами.

Полярная экспедиция закончилась.

(Окончание следует)

НАКАНУНЕ ПУШКИНСКИХ ДНЕЙ

Оживленно проходит по всему Советскому Союзу подготовка к исполняющемуся в июне 150-летию со дня рождения гениального русского поэта А. С. Пушкина.

★

В течение последних месяцев повсюду проходили лекции и вечера, посвященные Пушкину, ставились и читались его произведения.

Ряд пушкинских вечеров был организован в Горьком, во Дворце культуры, в рабочих клубах, в высших учебных заведениях и театрах. Большой пушкинский вечер состоялся в Горьковском театре оперы и балета имени Пушкина.

В Татарской АССР татарские поэты подготовили к юбилею новые переводы пушкинских стихов и поэм на родной язык.

В Казанской библиотеке имени В. И. Ленина открыта большая выставка книг А. С. Пушкина и литературы о нем. В библиотеке проходят Пушкинские чтения.

На заводах, в учреждениях, в учебных заведениях, в колхозах и МТС Татарской республики проведены вечера, посвященные Пушкину.

★

К юбилейным дням будет открыт музей А. С. Пушкина в Александровском дворце, в городе Пушкине.

После Великой Отечественной войны здание дворца, сильно пострадавшее от фашистских бомб и снарядов, было передано Академии наук СССР.

Академия наук приступила к восстановлению

дворца. К пушкинским дням будет приведено в порядок двенадцать залов, в которых, кроме музея А. С. Пушкина, предполагено разместить также Музей истории литературы и архив Института литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.

★

Вместе со всей страной отмечает 150-летие со дня рождения Пушкина и Якутия.

Поэты и писатели Якутии перевели ряд произведений великого русского поэта: Серафим Эляй — поэму «Медный всадник», Илья Чагылган — «Бахчисарайский фонтан». Ранее были переведены «Полтава», «Цыганы», «Руслан и Людмила» и отрывки из «Евгения Онегина».

На якутский язык переведены также «Капитанская дочка», «Дубровский», «Повести Белкина».

Произведения Пушкина на якутском языке выйдут отдельным изданием объемом в 25 печатных листов.

К пушкинским дням организуется интересная выставка «Пушкин в искусстве палешан». Пушкин всегда был любимым писателем палешан, широко использовавших в своем творчестве тематику популярных пушкинских сказок. К 150-летию со дня рождения поэта художники-палешане готовят целый ряд новых работ по мотивам поэм и сказок Пушкина. Д. Н. Буторин заканчивает миниатюры «Бахчисарайский фонтан» и «У лукоморья дуб зеленый», молодая художница Нина Зубкова — «Сказку о мертвой царевне», А. В. Котухин — «Три чуда». На выставке будут представлены лучшие работы старых и молодых художников Палеха.

★

В Молдавии издается однотомник произведений Пушкина на молдавском языке, сборник «Пушкин и молдавский народ». Художники готовят серию плакатов на тему «Пушкин в Молдавии». К юбилейным дням выйдет на экраны киночерк «Пушкин в Молдавии». В городах, районных центрах и селах читаются лекции о жизни и творчестве Пушкина.

В Кишиневе, в домике по Антоновской улице, где жил и творил поэт в период кишиневской ссылки, создан Музей Пушкина. При домике-музее закладывается сад, сооружается бассейн. Территория усадьбы будет обсажена многолетними деревьями. В сквере музея намечено установить бюст поэта.

В молдавскую правительственную юбилейную комиссию поступает много ходатайств трудящихся городов и сел о присвоении имени Пушкина школам и клубам.

Пушкинские места Ленинграда

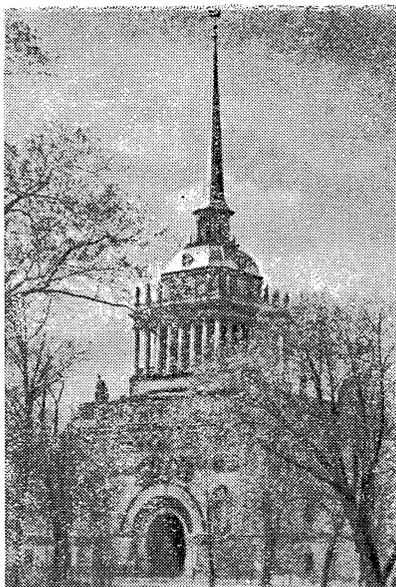
Н. П. АНЦИФЕРОВ

Ленинград, великий русский город, город-герой, сохранил в своем облике многие черты, которые живо напоминают нам пушкинское время. В городе Ленина уцелело немало зданий, памятников, даже целых панорам, которые связаны с Пушкиным.

Великая Октябрьская социалистическая революция, в жорне изменив общественную жизнь бывшей северной столицы, возведя на новую, высшую ступень ее строительство и хозяйство, преобразовав окраины, воспитав новых людей социалистической эпохи, тщательно сберегла все, что было ценно в этом городе.

И в наши дни, знакомясь с Ленинградом, мы невольно вспоминаем слова великого поэта, характеризующие этот город: «Полночных стран краса и диво». И в наши дни нас восхищает тот «строгий, стройный вид» города, который некогда воспел Пушкин в «Медном всаднике». В панорамах современного Ленинграда мы узнаем и «темнозеленые сады» островов, и «узор чугунный» оград — гениальных созданий искусства русских мастеров (решетки Летнего сада, Казанского собора, набережных многочисленных каналов). Всюду мы видим стройные арки мостов, которые «повисли над водами» — над широкой Невой с ее «державным течением», над канала-

ми — то гранитные, строгие, то чугунные, украшенные львами, грифонами... Мосты, возросшие в своем числе и усовершенствованные в нашу эпоху.

Адмиралтейство.

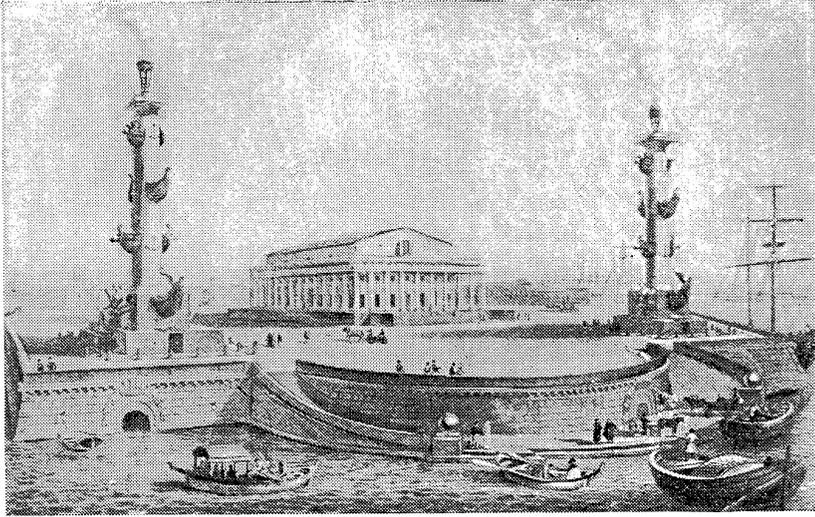
И уже, конечно, неизменным осталось очарование белых «задумчивых ночей», с их «прозрачным сумраком», с их «блеском безлунным». И в наши дни неугасимые зори сиянием «золотых небес» освещают город. Стекла окон затихших домов горят розовыми отблесками, светится золотом куполов и шпилей зданий,

...и светла
Адмиралтейская игла.

Так Пушкин в прологе своей петербургской поэмы создал образ города, в котором отражено не временное и случайное, а те черты его, которые должны сохраниться в веках.

«Строгий, стройный вид» северной столицы обусловлен прежде всего ее планировкой. Панорама, которая разворачивается, когда смотришь на город с высоты Исакиевского собора, производит впечатление не столько живописное, сколько графическое и скульптурное — так четко прорисованы линии проспектов и улиц.

Единство ленинградского ландшафту придают и выдающиеся здания, воздвигнутые на ответственных местах, здания, стилю и формам которых подчинены окружающие их строения. В этом отношении особенно характерна стрелка (мыс) Васильевского острова — место первоначального порта.

Васильевский остров. На стрелке.

В глубине площади, расположенной в той части острова, которая обращена к Петропавловской крепости, возвышается и теперь здание в форме античного храма. Оно высятся на мощном массиве из гранита. Широкие торжественные ступени ведут к площадке, на которой покоится основной корпус, со всех сторон окруженный белой колоннадой. В арке, внутри фронтона, вырисовывается мчащаяся по волнам колесница властителя морей Посейдона. Слева и справа от этого здания (где в былые годы помещалась биржа), на некотором от него расстоянии, вдоль набережных, сходящихся под острым углом, протянулись два другие, построенные в том же стиле, но со скромным декоративным убранством. Перед «храмом» площадь полукруглой формы. По ее краям — две колонны с корабельными носами, «рострами», свиде-

тельствующими о власти над морями. Эти ростральные колонны некогда были маяками, светившими кораблям, подплывавшим в сумерки к петербургской пристани, ставшей еще в XVIII веке мировым портом. Гранитные набережные, очерчивая живописную дугу, спускаются к Неве. На их концах — круглые гранитные шары. Вид с моста Кирова на стрелку Васильевского острова справедливо считается одним из красивейших в мире.

Весь город в целом дает нам возможность конкретнее представить то, о чем писал великий поэт, глубже понять созданные им образы. Пушкин и в нашу эпоху живо ощутим в Ленинграде.

* * *

Помимо панорам пушкинского Петербурга, интересны и отдельные

здания и памятники, связанные с жизнью и творчеством нашего великого поэта.

Дом, где протекли в Петербурге юные годы Пушкина, принадлежал флотскому капитану Клокачову, родственнику просвещенной семьи Тургеневых. Николай Иванович Тургенев был близок Пушкину своим вольномыслием, прежде всего — ненавистью к крепостному праву. С Александром Ивановичем связали Пушкина тесные узы дружбы. В доме братьев Тургеневых (Фонтанка, № 20) часто происходили заседания литературного общества «Арзамас». В их же доме встречались члены Тайного общества. Петербург становился центром того движения, которое привело к первому революционному восстанию 14 декабря 1825 года. Пушкина всей душой тянуло к этой вольнолюбивой среде. Выступая со своей «вступительной речью» на заседании «Арзамаса», поэт обратился к собравшимся со словами:

Венец желаньям! Итак я вижу
вас,
О други смелых муз, о дивный
Арзамас!

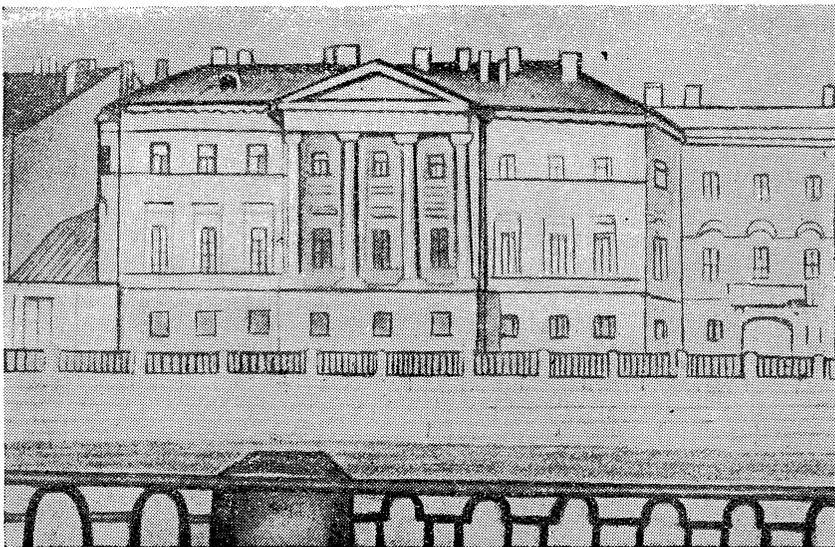
Но «Арзамас» не оказался «венцом желаний» Пушкина. От своего «первого друга» Пушкина, члена Тайного общества, он добивался сближения с революционерами. Однако этот лицейский друг поэта, по всей вероятности сознавая опасность участия в Тайном обществе и оберегая талант Пушкина, нужный России, скрывал от друга свои сношения с будущими декабристами. Случайно Пушкин попал на собрание в доме Тургеневых, где он встретился с людьми, в которых готов был видеть членов Тайного общества. Он горько упрекал Пушкина за недоверие к себе. И впоследствии Пушкину не было суждено стать членом Тайного общества, но своим творчеством, своей вольнолюбивой музыкой он послужил его целям.

Дом, где жили Тургеневы, сохранился. Это старинное здание с колоннами и фронтоном. Согласно преданию, Пушкин, созерцая из окон квартиры Тургеневых расположенной на противоположном берегу Фонтанки Инженерный замок, написал оду «Вольность».

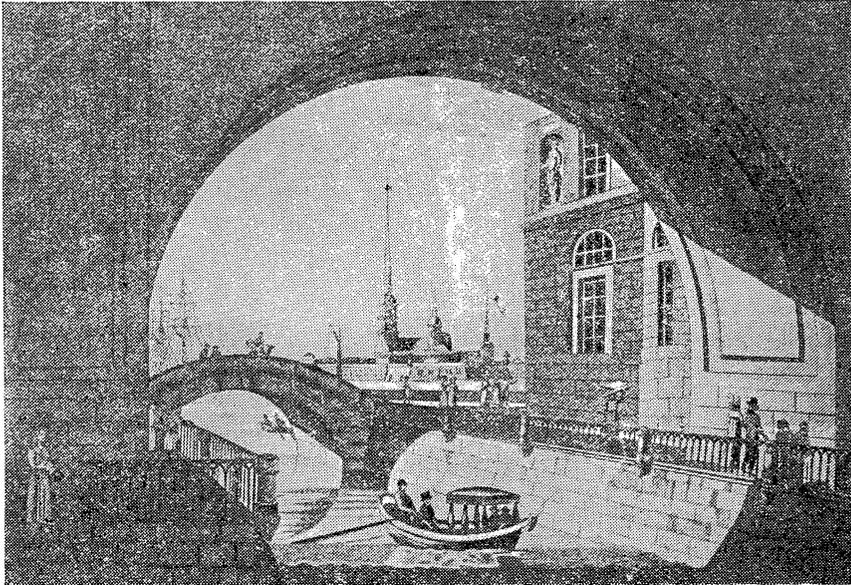
Замок был построен для Павла I гениальным русским зодчим В. И. Баженовым. Гранитная облицовка его широких ворот, портик с величественной лестницей со стороны Летнего сада, тонкая игла, венчающая башню, подъемные мосты над каналом, окружающим здание со всех сторон, — все это и в самом деле придавало ему сходство со средневековым замком.

Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец.

В этом замке в ночь на 11 марта 1801 года был убит Павел I. На

Дом на Фонтанке, где собирались члены общества «Арзамас».

Зимняя канавка.

листе с автографом оды «Вольность», между слов «погиб увенчанный злодей», Пушкин изобразил курносый профиль императора. В «Вольности» поэт призывал к всеобщему восстанию:

Тираны мира! Трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы.

На другом конце города, на Екатериненгофском проспекте, в конце 10-х годов XIX века собирался у Никиты Всеволожского кружок «Зеленая лампа», членами которого были: Пушкин, его лицейский друг А. А. Дельвиг, поэт Н. И. Гнедич, члены Тайного общества С. П. Трубецкой, Ф. И. Глинка и др.

Дом Всеволожского можно видеть и в наши дни на Екатериненгофском проспекте, № 39. Это растянутое здание в строгом стиле с балконом и чугунной решеткой, с фронтоном и полукруглым окном. На собрании «Зеленой лампы» Пушкин читал свои вольные стихи, получившие широкое распространение в рукописях. В стихотворении «Деревня» поэт бичевал крепостной строй и «барство дикое», в послании «К Чаадаеву» предсказывал крушение самовластья.

Пушкин знал, что уже «грозы незримой собиралась туча» над его головой. В этот юношеский период панорамы северной столицы едва отразились в творчестве Пушкина. Но вспоминая город, где он провел годы своей «юности мятежной», поэт изобразил Петербург в 1-й главе «Евгения Онегина». Быть может, Пушкин вспоминал здесь, как он в поздний час проходил по Мильонной, по Зимней канавке, стесненной гранитом, с ее двумя горбатыми мостами, шел вдоль стен Эрмитажа и выходил на набережную Невы. Уже под аркой, соединяющей Эрмитаж с его баш-

ней, вырисовывалась, как в четкой раме, Петропавловская крепость. После узкой канавки ширь Невы казалась еще необъятнее.

Все было тихо; лишь ночные
Переключались часовые;
Да дробек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдрюг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая.

Петропавловская крепость является одной из тех построек, которые неразрывно связаны с обликом старого Петербурга. Она высится над Невой со своими бастионами из серого гранита. Над ее собором высоко

поднята узкая золотая игла. В полдень раздавался из крепости пушечный выстрел, и легкий дымок поднимался над водой. В былые времена пушка Петропавловской крепости извещала население столицы о новой победе.

Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром, —

писал Пушкин в «Медном всаднике» об этих салютах.

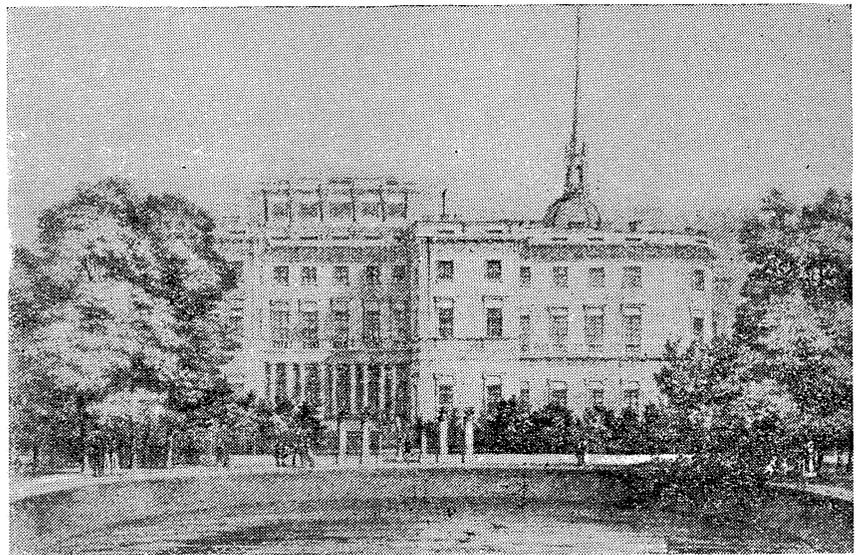
В той же поэме упомянут и Зимний дворец во время наводнения:

Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.

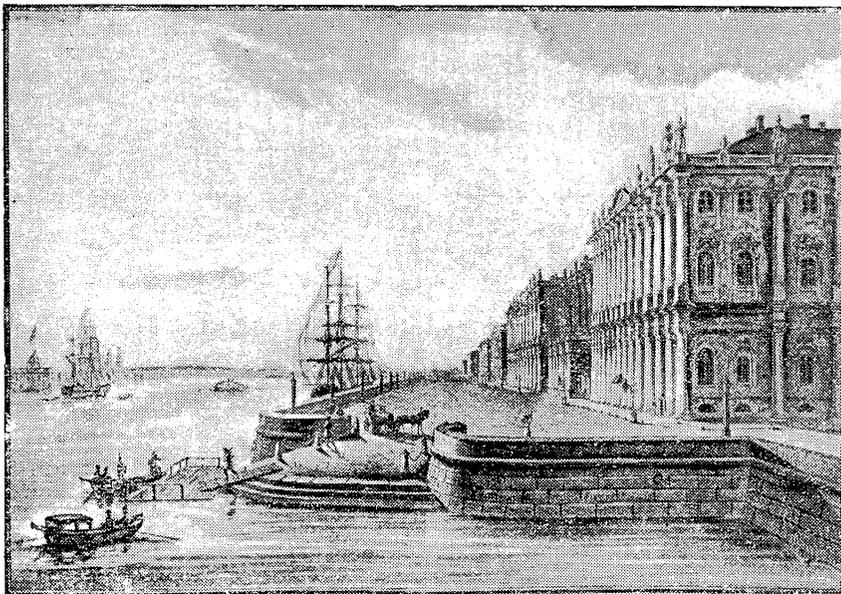
Это единственное упоминание о пышном здании резиденции царей у Пушкина. Зимний дворец построен Растрелли в середине XVIII века. Своей трехцветной окраской (фиштакшовой, бронзовой и белой), обильной лепкой, вазами, статуями он представляет собою великолепный памятник стиля петербургского барокко. В настоящее время Зимний дворец занят коллекциями Эрмитажа.

* * *

В 1820 году поэт был сослан на юг и на долгие годы разлучен с Петербургом. Он вернулся на берега Невы лишь в 1827 году. Как изменился город! Террор, следовавший за восстанием 14 декабря 1825 года, задушил все проявления общественного недовольства. Страх сковал общество, из которого было изъято все лучшее. Холодом и скукой вяло от всего на вернувшегося Пушкина. Время шло, а тягостное впечатление не рассеивалось. После одного из своих посещений Петербурга поэт писал в 1828 году:

Инженерный замок.

Дворцовая набережная.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит.

Эта предельно сжатая характеристика построена на контрастах. «Город пышный» и тут же «город бедный»; с пышностью сочетается и «гранит», тот гранит, который так украсил новую столицу, так содействовал впечатлению великолепия ее набережных, памятников, дворцов. Но теперь для поэта от этого города под зелено-бледным небом веет холодом и скукой: ныне в нем царит «дух неволи». Какая чувствуется отчужденность Пушкина от города, певцом которого он был!

И все же в конце концов после многих лет скитаний Пушкин вернулся на «берега Невы», для того чтобы окончательно поселиться с молодой женой, Натальей Николаевной, в «граде Петра». Он бежал, как Чацкий, из Москвы, барский, праздничный и душевный быт которой стал ему невыносим. «Здесь живи не как хочешь — как тетки велят... То ли дело в Петербурге! Заживу себе мещанином, припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна». Так писал Пушкин Плетневу. Поэт уприсил друга устроить его временно в Царском Селе, в кругу милых воспоминаний.

Здесь Пушкин пережил новый патриотический подъем (как в лицейские годы, в связи с Отечественной войной). Вновь России угрожало вражеское вторжение. Польское восстание 1830 — 1831 годов давало повод иноземному вмешательству. Пушкин писал, напоминая врагам о разгроме захватчиков в 1812 году:

И что ж? Свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег.

Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье...

(1831)

Гневный пафос, пламенная любовь к родине, которой полны строки стихотворений «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», объясняют нам, почему мысли Пушкина были в те годы прикованы к тем местам северной столицы, которые напоминали о русской доблести, о русской славе.

Перед многоколонным храмом (Казанским собором) в центре города, на его главной артерии — Невском проспекте — возвышаются памятники героям Отечественной войны 1812 года: М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю де-Толли. Эти памятники созданы выдающимся скульптором Борисом Орловским в 1831 году. Они образуют с Казанским собором гармоничное целое. Собор построен по плану великого русского зодчего А. Воронихина, бывшего крепостного. В полусумраке храма (внутри которого 56 колонн!) сосредоточены трофеи Отечественной войны 1812 г.: знамена разгромленной армии Наполеона, маршальские жезлы, ключи от вражеских городов. Здесь, в храме, покоится прах великого полководца М. И. Кутузова. В том же 1831 году Пушкин писал:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одни лампы
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Поэт призывает Кутузова, «маститого стража страны державной», «смирителя всех ее врагов», восстать и явиться на мгновенье к оставлен-

ным им полкам, чтобы вдохнуть в них «восторг и рвенье».

Перед Зимним дворцом на площади высятся памятник победы Отечественной войны 1812 года — Александровская колонна, с которой Пушкин сравнил свой «Памятник»:

Вознесся выше он главою
непокорной
Александровского столпа.

Этот «Александровский столп» представляет собой гранитную колонну, вознесенную над цоколем с бронзовыми рельефами, изображающими победоносные бои русских в Отечественной войне 1812 года. Колонна из монолита — самого большого в мире.

* * *

Стихотворения Пушкина, посвященные в 30-х годах Отечественной войне 1812 года, хорошо сочетаются со всеми названными здесь памятниками, сохранившимися в Ленинграде. Все тот же патриотический подъем ощущается и в поэме 1833 года — «Медный всадник».

В целом это произведение, представляющее одну из вершин русской поэзии, посвящено петербургской теме. Пушкин определил ее еще в «Арапе Петра Великого» как тему о «победе человеческой воли над сопротивлением стихий». Образ «юного города» создается Пушкиным по контрасту с «низкими берегами», «мшистыми и топкими», с избами — «притоком убогого чухонца». Творческий дух побеждает болота, овладевает водной стихией невоской дельты. Но «покоренная стихия» восстает и затопляет «град Петров». Среди общего бедствия грозно возвышается Медный всадник — памятник основателю города.

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою,
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

Он стоит и ныне на площади Декабристов — близ «усмиренной Невы». Памятник поставлен в 1782 году. Его создал Фальконет — сын столяра. Всадник вознесен над монолитом из серого гранита, имеющим форму падающей волны. Этот камень (валун) был указан Фальконету крестьянином Семеном Вишняковым в окрестностях Лахты. Местное население прозвало огромный валун «гром-камень» (по преданию в него ударила молния).

Вознесенный над скалою всадник попирает змея, издыхающего под его копытами. Этот змей — олицетворение темных сил. Бурность движения подчеркнута складками развевающегося плаща, отброшенного назад, космами гривы и всей фигурой вздыбленного коня, застывшего над бездной. Рука всадника мощным усилием сдержала его.

Голова Медного всадника — голова героя, увенчанная лавровым венком. Профиль очерчен резко. Глаза, воспаленные от бешеной скачки, расширены, словно перед взором всадника раскрываются еще новые дали.

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Как гармонируют эти строки поэта с образом, созданным в бронзе скульптором! Гениальный истолкователь Пушкина Белинский писал: «Мы понимаем смущенною душою, что не произвол, а разумная воля олицетворены в этом Медном всаднике... И нам чудится, что среди хаоса и тьмы этого разрушения, из его медных уст исходит творящее «да будет!», а простертая гордо повелевает утихнуть разъяренным стихиям... И смиренным сердцем признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного». Но не только стихи хотят разрушить дело того, «чьей волей роковой над морем город основался». Против Петра восстал маленький человек, безвестный житель заолустной Коломны, Евгений, восстал, так как его личная жизнь потерпела крушение:

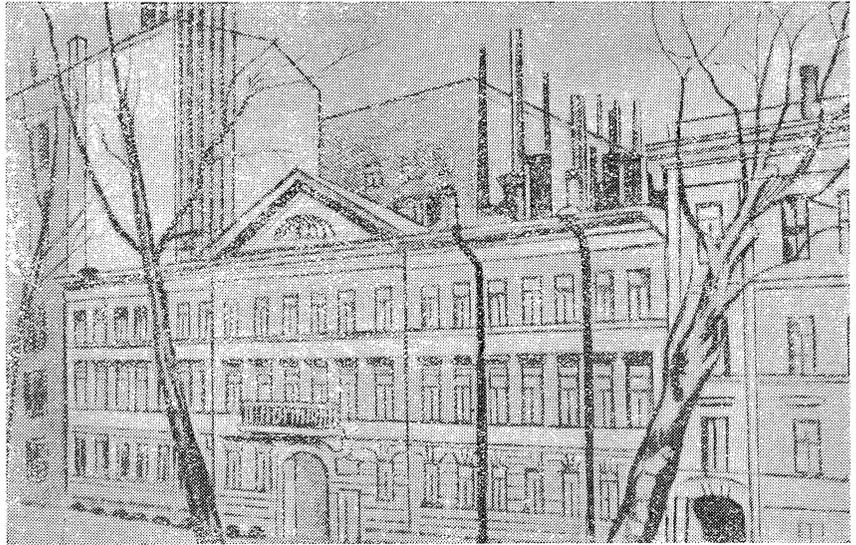
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!» И вдруг стремглав
Бежать пустился...

О Евгении и его судьбе напоминает нам пышно декорированный дом в стиле позднего, уже упадочного, классицизма, расположенный в углу площади Декабристов, позади Медного всадника. Дом этот в те годы принадлежал Лобанову-Ростовскому. Строил его Монферран, который долгие годы был занят постройкой соседнего Исакиевского собора. На подъезде дома — справа и слева — по льву с приподнятой лапой, опускающейся на шар.

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые, —
На звере мраморном верхом
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений.

Он смотрел вдаль, туда, где на
окраине города, недоступная его взору,
стояла хижина, а в ней — его
невеста, его Параша. Но именно отсюда он мог прекрасно видеть
обращенного к нему спиной Медного
всадника. И в сознании «безумца
бедного» родилась мысль: это тот,
кто всему виною.

Спор Медного всадника с разъяренными стихиями и вслед за ними

Дом на Екатериненгофском проспекте, где собирался кружок «Зеленая лампа».

обитателем Коломны Евгением Пушкин решает в пользу строителя «юного града».

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия.

* * *

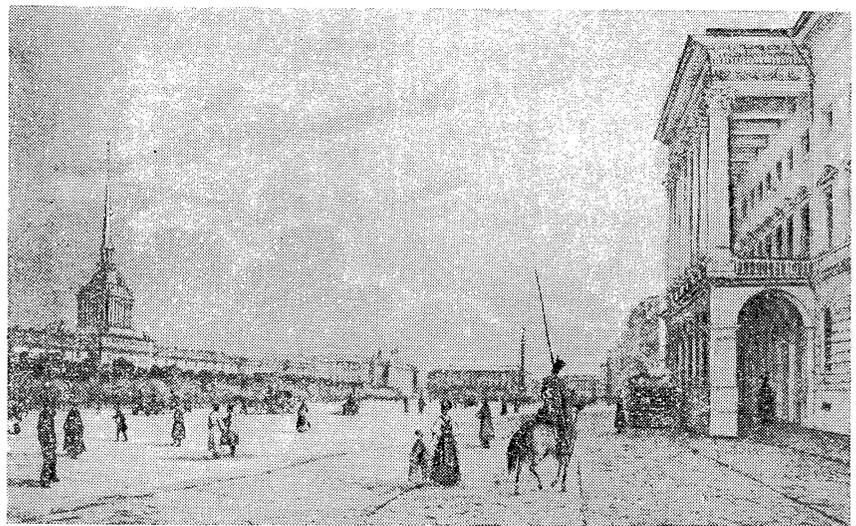
Площадь Декабристов — одно из наиболее запоминающихся пушкинских мест. Здесь было поднято 14 декабря 1825 года знамя восстания. «С пьедестала этой площади раздался первый крик русского освобождения» (Герцен).

Среди декабристов, вышедших на «площадь Петрову», было немало знакомых и даже друзей поэта; здесь были его лицейские товарищи И. И. Пущин и В. К. Кюхельбекер, здесь был К. Ф. Рылеев.

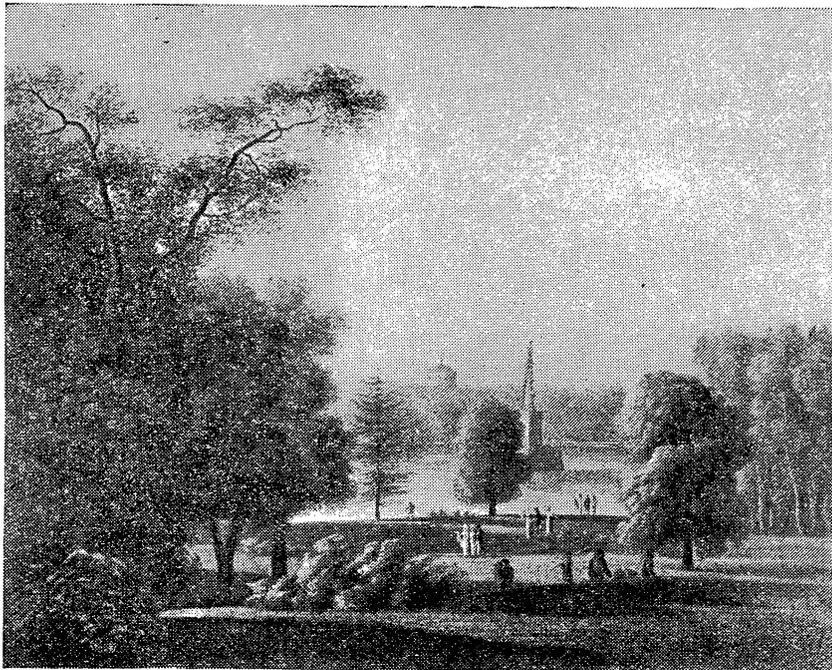
Когда Николай I вызвал Пушкина на допрос из ссылки, села Михайловского, и спросил его, где бы он был, находясь в этот день в Петербурге, Пушкин ответил: «Был бы в рядах мятежников», то-есть здесь, на этой площади.

Пушкин ответил: «Был бы в рядах мятежников», то-есть здесь, на этой площади.

Пушкин — поэт Петербурга, пропевший ему гимн в своей поэме «Медный всадник», равного которому нет в мировой литературе, — тяготился столичной жизнью. Он всячески избегал посещения придворных торжеств. Пушкину было душно в этой среде, и он страстно мечтал вырваться из столицы и поселиться в Михайловском или Болдине. В эти последние годы любимым местом Пушкина в Петербурге становился Летний сад. Еще мальчиком, до переезда в Царское Село, до поступления в лицей, поэт с Пущиным любили забегать в этот старый сад. Здесь зарождалась дружба двух мальчиков, которая крепла с каж-

Адмиралтейство и дом со львами.

Царскосельский парк с Большим озером.

дым годом «перед грозным временем, перед грозными судьбами» (так поэт написал в альбом Пушкину в связи с окончанием лицея, предчувствуя те грозы, которые ожидали их обоих). Перед поступлением в лицей оба мальчика жили на Мойке: Пушкин — в гостинице (ныне № 40, дом совершенно перестроен), Пушкин — в доме № 14 (дом сохранился).

В 1834 году Пушкин писал жене: «Да ведь Летний сад — мой огород. Я, вставши от сна, иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома».

Здесь, в этом старом саду, похожем на загородный парк, Пушкин, слушая шум старых лип, мог мечтать о переезде в затишь Михайловского или Болдина. Здесь, глядя на белые статуи и вазы, украшавшие сумрачные аллеи, он мог вспоминать «царскосельские хранительные сени».

Летний сад был создан в первые годы основания Санкт-Петербурга, в 1706 году. Он расположен на острове. Его окружают Нева, Фонтанка, Мойка, Лебяжья канавка.

Великолепная ограда отделяет Летний сад от набережной Невы. Колонны из нежно-розового мрамора, увенчанные вазами, соединяются кованой решеткой из копий, прямых, как струна. В углу сада, близ того места, где Фонтанка соединяется с Невой, — Петровский дворец с высокой крышей и рельефами над окнами. На каждом рельефе изображен эпизод из «Метаморфоз» Овидия, на каждом — морские волны. В морской столице все должно было напоминать о море. Летний дворец упоминает Пушкиным в «Арапе Петра Великого»: «Во всем городе не было ниче-

го великолепного, кроме Невы, не украшенной еще гранитной рамой, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца так называемого Царыцынского сада».

Итак, Летний сад Пушкин называл «своим домом». Он жил тогда (1833—1837 гг.) поблизости, в доме Ольгиве, «против Летнего сада, близ Цепного моста» (ныне улица Пестеля, № 5).

Последняя квартира Пушкина помещалась на Мойке, № 12, рядом с тем домом, где когда-то жил Пушкин. Этот дом принадлежал княгине А. Н. Волконской, родственнице известного декабриста С. Г. Волконского. Здесь разыгралась семейная драма Пушкина, повлекшая за собой его трагический конец. К этому мрачному дому 27 января (старого стиля) 1837 года подвезли в санях смертельно раненного Пушкина. Его «дядька» Никита Тимофеевич Козлов, по выражению современника, сопровождавший поэта «от колыбели до могилы», бережно внес Александра Сергеевича в квартиру. В эти роковые дни здесь, на набережной канала, в мучительной тревоге толпились люди всех слоев населения столицы. Тут был представлен народ, но не та «светская чернь», которая была ответственна за гибель поэта, которая «жадно толпой», по выражению Лермонтова, окружала трон.

В этом доме на Мойке угасла жизнь Пушкина.

Угас как светоч дивный гений,
Увял торжественный венок.

Народное волнение охватило столицу. В эти дни Петербург, по мнению современников, напоминал Париж

в дни революции. Царь был испуган. Торжественное отпевание в Исакиевском соборе было запрещено. Оно состоялось в маленькой церкви императорских конюшен, которая не могла вместить всех желающих принять участие в печальном обряде. Площадь перед церковью запружена была толпами, собралось много молодежи «Это были действительно народные похороны», — записал в своем дневнике один очевидец. Конюшенная церковь — ближайшая к дому Волконской. Она расположена поблизости от Мойки. Этот храм составляет центральную часть растянутого здания императорских конюшен. Оно перестроено к 1823 году В. Стасовым. Строгое в своих правильных и спокойных формах здание украшено в центре ионическими колоннами, рельефами и плоским куполом. Отсюда в глухую ночь на 3 февраля друг покойного поэта Александр Иванович Тургенев и «дядька» Н. Т. Козлов тайно, в сопровождении жандарма, вывезли прах Пушкина, который после отпевания был спешно перенесен в подвал церкви.

Похоронили Пушкина близ села Михайловского, у стен Святогорского монастыря, среди могил его предков.

В последней квартире Пушкина в советскую эпоху создан музей. Чертеж ее, сделанный в свое время В. А. Жуковским, помог музейным работникам несколько ориентироваться в этой искаженной за долгие годы различными перестройками квартире, но в точности восстановить ее не удалось. Здесь собраны ценные мемориальные вещи и все то, что может напомнить о последних месяцах жизни Пушкина. Ежегодно в годовщину смерти поэта здесь происходят траурные собрания.

На окраине города, на Выборгской стороне, близ Черной речки, на месте дуэли, поставлен скромный памятник. Есть памятник поэту и в городе, в скверике на Пушкинской улице, но этот монумент мало выразителен. Новый памятник Пушкину будет воздвигнут на одной из лучших площадей Ленинграда — на площади Искусств, против Русского музея. Это будет памятник, достойный великого народного поэта.

Приближается 150-летняя годовщина со дня рождения Пушкина. Во всех уголках нашей социалистической родины, на всех языках народов СССР произнесут в этот день славное его имя, прозвучат его бессмертные стихи.

Широко будет отмечаться эта годовщина и в городе Ленина и в бывшем Царском Селе, теперь городе Пушкине, где открывается большая Пушкинская выставка. В дни юбилея пушкинские места Ленинграда и его окрестностей с новой силой напомнят нам о жизни и творчестве Пушкина — гордости нашей литературы, гениального сына русского народа.

Рисунки на стр. 36—40 представляют репродукции с литографий первой половины XIX века.

ГОСТИ из АМЕРИКИ

Н. УСТИНОВИЧ

Рис. В. Цельмера

Рассказ

I

Встреча произошла неожиданно. Миша Андреев, шедший впереди, вдруг остановился и поманил рукой товарищей. Как всегда, чуточку заикаясь, он прошептал:

— Откуда такие т-типы? Что твои к-ковбой...

— Так это ж американцы и есть, — сказал Николай Кулаков, выглядывая из-за выступа скалы. — Интуристы. Мне Костя Шестаков, из горкома, рассказывал: прибыли наши «Столбы» покорить. Тот долговязый, что впереди, — главный. На Гималаи, говорит, поднимался, все Альпы облазил. Теперь красноярским заповедником заинтересовался...

— Что ж, пускай полазят, — согласился Миша. — Жаль только их костюмчиков.

Комсомольцы улынулись. Они представили, как станут иностранцы карабкаться на скалы в своих опереточных ковбойках, и всем стало весело. Нетрудно было вообразить, во что превратятся все эти клетчатые рубашки и брючки в обтяжку!

Ребята вышли из-за утеса и почти носом к носу столкнулись с гостями. От зоркого глаза Миши Андреева не ускользнуло, что иностранец, шагавший впереди, слегка отшатнулся.

— Не бойтесь, — сказал Миша. — Мы тоже туристы. Сопровождавший долговязого круглый человек с бритой головой произнес несколько слов по-английски, и «знатный» путешественник нерешительно приподнял руку к широкой шляпе.

— О-о!.. — протянул он, пытаясь улыбнуться. — Столбис?

— Столбисты, столбисты! — заливали комсомольцы.

Тогда гость, выпрямив во весь свой рост и выпятив вперед грудь, монотонно о чем-то заговорил. Он изредка взмахивал в такт своим словам выхолненным указательным пальцем и, глядя куда-то поверх леса, холодно поблескивал большими стеклами очков.

— Лекцию, никак, читает... — прыснул за спиной товарища Николай Кулаков.

Но в это время круглолицый человек, исполнявший, по всей вероятности, роль переводчика, объяснил:

— Мистер Джон Смэтс перечислил мировые вершины, на которые он поднимался. Среди них — Кордильеры и третья по высоте точка Гималайского хребта.

— Сильно! — искренне удивился Андреев. — Тут, конечно, таких точек нет...

— Но все-таки мистер Смэтс хочет совершить восхождение на самый неприступный ваш утес.

— Это он зря насчет самого неприступного, — простодушно ответил Миша. — У нас есть такие столбы, на которые даже не все наши ребята забираются. На первый случай полегче надо.

Джон Смэтс, которому переводчик передал слова Миши, улыбнулся и ничего не ответил. Он лишь сделал рукой нетерпеливый жест.

— Ладно, пойдем, — согласились комсомольцы. — Только если что случится, пеняй на себя.

II

Туристы шли по каменистой гряде. Узкая тропинка то взбегала на обомшелые валуны, то ныряла в тенистые распадки. Путь то и дело шреграждали полусгнившие стволы деревьев. Сухие сучья цеплялись за одежду, царапали лицо и руки.

Комсомольцы уверенно и быстро продвигались вперед. Здесь им были знакомы каждый камень, каждое дерево. Не зря проводили они тут все свои воскресные дни. Прогулки по заповеднику были для них лучшим отдыхом после работы на заводе.

— Хорошо, правда? — обернулся к гостям раскрасневшийся от быстрой ходьбы Андреев.

— Как сказать... — неопределенно пожал плечами запыхавшийся переводчик. — Могло бы быть лучше...

— Лучше не бывает, — авторитетно заявил влюбленный в свои скалы Сергей Плотников. — Красивее красноярского заповедника «Столбы» не найти!

В это время тропинка, вильнув среди камней, потянулась у отвесного обрыва. В лицо пахнул свежий ветер. Впереди открылась бескрайняя даль. Где-то внизу, у подошвы обрыва, глухо шумели сосны. Туристам на миг показалось, что они стоят на берегу синее-зеленого моря и водны, накатываясь на скалы, разбиваются об их отшлифованные выступы...

— У нас, в Америке, тоже есть такие заповедники, — начал переводчик. — Мы их называем национальными парками. Но там — сервис, все для посетителя! Хотите вы отдохнуть — к вашим услугам комфортабельные домики. Пожелали подняться без лишнего труда на горный пик — можете сесть в мягкий вагон канатной дороги...

— Когда мистер Смэтс совершал восхождение на Кордильеры, он, очевидно, пользовался мягким вагончиком? — с невинным видом осведомился Николай Кулаков.

— У нас на каждом перекрестке парка вы найдете указатель асфальтированных дорог и тропинок, — продолжал переводчик, пропуская мимо ушей ироническое замечание Николая. — На каждом утесе висят надписи: «Отсюда — лучший вид на такую-то долину». «Здесь — столько-то метров над уровнем моря»...

Джон Смэтс отважно карабкался по их следам

— Вот скучища-то где... — протянул Миша Андреев. — Какое же отношение имеет ваш сервис к альпинизму?

— О, сервис? — откликнулся все время молчавший Джон Смэтс. Снисходительно поглядывая на своих спутников, он опять долго и нудно о чем-то говорил.

— Мистер Смэтс удивлен невниманием администрации заповедника к состоятельным путешественникам, — горлопливо переводил человек с бритой головой. — Он желал бы сфотографироваться на фоне этих живописных утесов с некоторыми... э-э... аборигенами, но не видит агента фирмы, готового выполнить приказ богатого посетителя...

Комсомольцы удивленно переглянулись.

— Скажите вашему мистеру, что мы плохо его понимаем, — ответил, наконец, нахмурясь, Николай Кулаков. — К такому сервису мы не привычны.

— Короче говоря, пора дальше двигаться, — прекратил разговор Миша Андреев. — Видите каменные бруссы, что над тайгой торчат? «Перьями» те скалы называются. Если мистеру угодно поупражняться в альпинизме, милости просим.

Миша нырнул под низко нависшие кедровые ветви, за ним гуськом тронулись все ребята. Американец, не ожидавший такого оборота дела, минуту помедлил, потом пожал плечами и тоже зашагал вслед за «столбистами».

III

И опять тропинка завляляла между валунов и каменных россыпей. Густые заросли пихтача стояли здесь такой плотной стеной, что внизу царил вечный полумрак.

Но как ни высоко к солнцу тянулись вековые деревья, еще выше их над тайгой вздымались причудливые сиенитовые «Перья». Два стройных колоссальных столба, будто вытесанные каменотесом-исполином, и в самом деле напоминали издали перья. Они были совершенно отвесны, словно подпирающие небосвод скальные колонны...

Пробираясь по лесу, комсомольцы молчали. Они не интересовались больше впечатлением, произведенным заповедником на гостей. Но на этот раз Джон Смэтс напомнил о себе сам.

— Ол-райт!.. — произнес он уже не столь самоуверенно.

— То-то же! — буркнул Миша. — Взял, кажется, на полтона ниже...

Выйдя к подножью утесов, туристы устроили привал. Под раскидистой елкой сложили на покрытую мхом землю рюкзаки, выбросили лишние вещи из карманов. Только Смэтс не пожелал снять с себя многочисленных кожаных футляров с биноклями, фотоаппаратами и прочими дорожными принадлежностями.

Ребятам не сиделось на месте. Хотелось скорее начать трудный подъем на неприступные столбы и, оставив позади опасные «лазы», полной грудью вдохнуть свежий таежный воздух...

— Тронемся? — предложил нетерпеливо Сергей Плотников.

— Пошли! — согласился Миша Андреев, поправляя на себе длинный красный кушак, заменяющий у «столбистов» веревку.

Первые кручи скалолазы преодолели легко. Надежно став на маленькой площадке, они посмотрели вниз. Джон Смэтс отважно карабкался по их следам; его широкополая шляпа, похожая сверху на диковинный гриб, неуклонно ползла по утесу.

— Ничего, может! — удовлетворенно произнес Миша Андреев.

Вот Смэтс поравнялся с площадкой, точно расскаленным движением прыгнул на самый ее край и, молодежато помахав рукой переводчику, торжествующе крикнул:

— Гуд бай!

Щелкнул затвор фотоаппарата. Кругленький челове-

чек запечатлел на пленке очередную спортивную победу своего патрона.

— Успел-таки сфотографироваться на фоне живописных утесов! — фыркнул Николай Кулаков.

— С аборигенами... — добавил язвительно Миша.

А переводчик, бегая у подножья столба, искал новую, более выгодную для объектива точку.

— Двинулись, братцы! — заторопился Сергей. — Похоже, что гости наши намереваются открыть тут походный фотопавильон.

От площадки путь лежал по почти отвесной скале. Приходилось цепляться за каждый мало-мальски приметный выступ, пользоваться самыми незначительными расселинами и трещинами. Тесно прижимаясь к серой морщинистой стене, скалолазы упорно ползли все дальше и дальше.

Вдруг дорогу преградил каменный выступ. Он был так мал, что на нем еле мог удержаться один человек. Андреев, ползший впереди, смелым рывком преодолел это препятствие и, выпрямившись во весь рост, отделился правой стороной тела от стены.

Это был самый смелый прием «столбистов». Только так — и больше никаким путем — можно было подняться на «Перья».

Упираясь руками и ногами в отвесные стены стоящих почти рядом сиенитовых столбов, скалолаз повисал над головокружительной пропастью. Напрягая все мышцы тела, он вершок за вершком поднимался вверх...

И вот, наконец, опасный путь закончен. «Столбисты» стояли на самой вершине гигантского «пера», и у их ног расстилался необъятный край причудливых скал. Во все стороны мягкими волнами убегала зеленая тайга, на севере в голубой дымке пространства серебрился могучий Енисей, в бездонном небе плыли белоснежные облака. Казалось, что за спиной выросли большие, сильные крылья, и хотелось, взмахнув ими, еще выше взмыть над прекрасной нашей страной.

— А-а!.. — донесся вдруг снизу дикий, животный вопль.

Комсомольцы тревожно переглянулись:

— Американец!

Первым бросился на помощь иностранному туристу Миша Андреев. Еще не успев отдохнуть после трудного подъема, он быстро проделал обратный путь между отвесных стен, от вершины до крошечного выступа.

Стоя ногами на «козырьке», Джон Смэтс обеими руками упирался в противоположную скалу. Как принял он эту позу, трудно было понять. Во всяком случае, знатный турист уже, видимо, прощался с жизнью. Зажмурив глаза, чтобы не видеть зияющей под ним пропасти, он, бледный, как полотно, непрерывно кричал...

Ни минуты не раздумывая, Миша сделал под американцем «мост». Он так уперся руками и ногами в противоположные стены пролета, что услышал, как хрустнули где-то в суставах связки... И, заикаясь от волнения больше, чем обычно, командовал:

— Л-ложись н-на выступ!

Американец прекрасно понял русский язык и повторять команды не пришлось. Опершись одной ногой на плечи Андреева, Смэтс принял, наконец, устойчивое положение и тяжело опустился на «козырек».

Опустить «знатного» туриста с выступа уже не составило больших трудов. Он, правда, боялся теперь сделать хоть одно смелое движение, но тут подоспели Плотников с Кулаковым, и все вместе ребята благополучно доставили незадачливого «столбиста» в объятия его спутника.

Мистер Смэтс, бравший Гималаи, красноярского «пера» не взял...

IV

Вечером комсомольцы расставались с гостями из Америки. Иностранцы хотели еще побродить по заповеднику, ребятам же надо было возвращаться в город.

Щелкнул затвор фотоаппарата.

В домике туристской базы было шумно. Джон Смэтс в десятый раз рассказывал своему спутнику о приключениях на «Перьях». При этом он так оживленно жестикулировал, что даже не знающие английского языка могли понять, как хладнокровно вел себя на выступе выдавший виды альпинист...

Правда, один раз мистер Смэтс скорчил кислую гримасу. Произошло это тогда, когда переводчик сообщил, что он тоже не растерялся и успел сфотографировать момент спасения своего патрона русским комсомольцем. Но не прошло после этого сообщения и десяти минут, как к «знатному» альпинисту снова вернулось хорошее настроение. В тот момент, когда переводчик вышел за чем-то из комнаты, мистер Смэтс успел переменить в его фотоаппарате кассету...

Но вот комсомольцы стали собираться в обратный путь. Не спеша закинули они за плечи рюкзаки, размяв тугие папироски, прикурили их от зажженной кругленьким человечком спички...

Тут Джон Смэтс сказал что-то переводчику, и тот обратился в Андрееву с вопросом:

— Мистер Смэтс просит назвать сумму долларов, которую вы хотели бы от него получить.

— Это за что же? — опешил Миша.

— За спас... э-э... помощь, которую вы ему оказали на скале.

— В-вот как?! — изумился комсомолец.

Джон Смэтс, видимо, истолковал этот вопрос по-своему. Усмехнувшись, он полез в карман и, достав желтый бумажник, отсчитал несколько хрустящих ассигнаций.

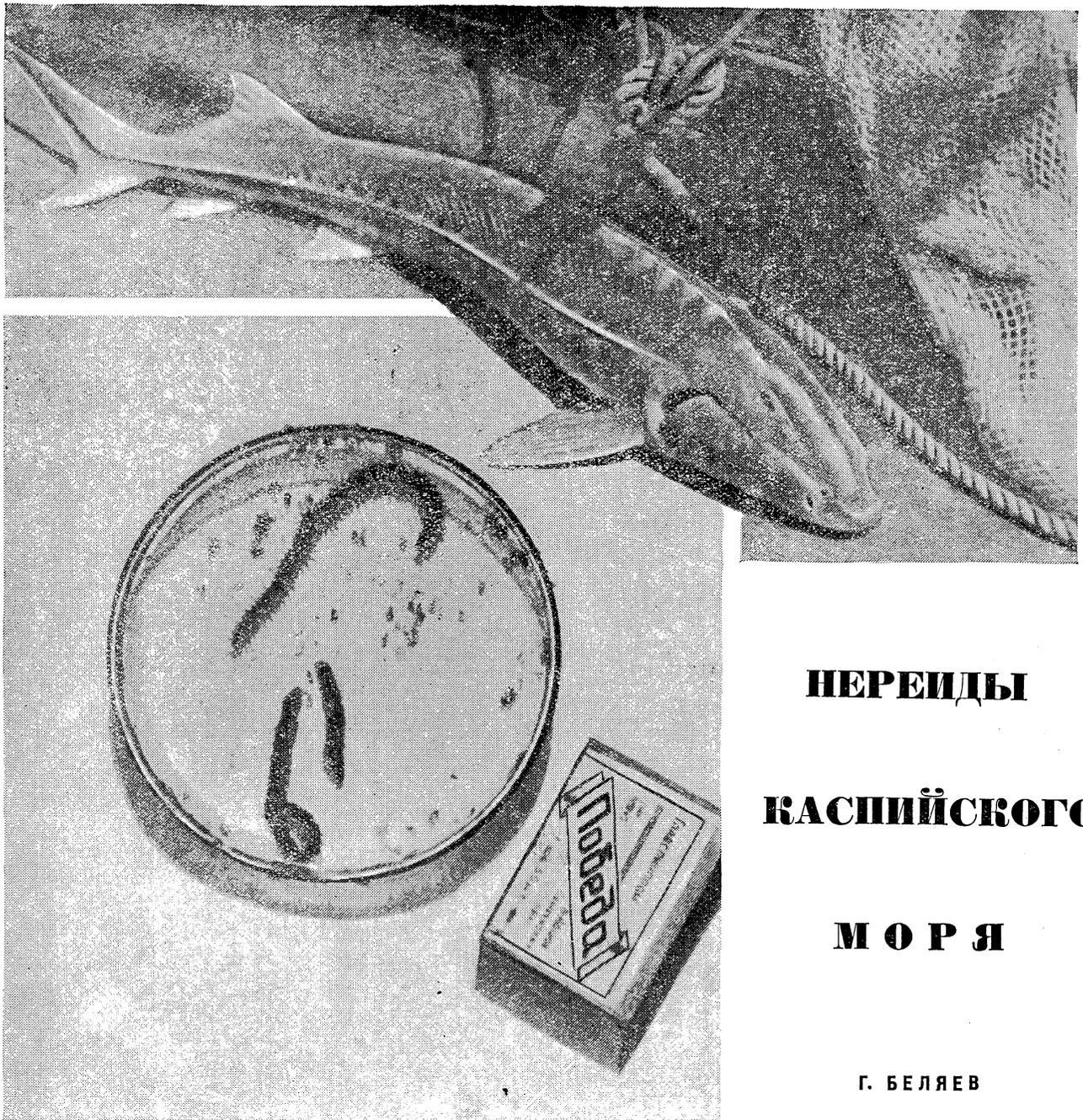
— Мистер Смэтс просит передать, — снова произнес переводчик, — что в эту сумму он включает и оплату за ваши любезные услуги в качестве проводника по заповеднику.

Вспыхнув до корней волос, Миша Андреев срывающимся от негодования голосом проговорил:

— С-скажите м-мистеру, что слесарь К-красноярского паровостроительного завода Михаил Андреев гостеприимством н-не торгует.

Круто повернувшись, Миша вышел из домика. Резко хлопнула дверь. Звякнули стекла. Гулко простучали по крыльцу подкованные сапоги. Под окном послышались размашистые шаги, и все смолкло.

Стоя среди опустевшей комнаты, Джон Смэтс тупо смотрел на пачку долларов и, ничего не понимая, жимал плечами...

ПЕРЕИДЫ КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Г. БЕЛЯЕВ

Много ценных промысловых рыб водится в просторах Каспия. Неповоротливые осетры и стройные севрюги, лещ и вобла роются в грунте морского дна, выискивая себе пищу — различных донных животных: моллюсков, рачков, личинок насекомых. Но многие промысловые рыбы растут в Каспийском море медленнее, чем в очень сходном с ним по условиям существования Азовском море. Дело в том, что донная фауна Каспийского моря гораздо беднее фауны Азовского моря, и поэтому каспийские рыбы не всегда имеют достаточно корма.

Люди нашей страны активно изменяют и переделывают природу. Выводятся новые хозяйственно-ценные сорта растений и породы животных,

осушаются болота, пустынные и бесплодные районы превращаются в цветущие поля и сады, реки вынуждены изменять свое течение, создаются новые обширные водоемы. Неужели же нельзя изменить в нужном нам направлении и природу моря?

Пятнадцать лет тому назад профессор Московского Гос. университета Л. А. Зенкевич и его ученик, теперь уже доктор биологических наук, Я. А. Бирштейн предложили увеличить кормовые запасы для рыб Каспийского моря путем вселения в него новых, до того времени не обитавших в Каспии донных животных из состава азово-черноморской фауны. Раздавались, правда, голоса скептиков, считавших это делом бесперспективным, говоривших, что

неизвестно еще, будут ли каспийские рыбы питаться непривычным для них новым кормом, и не окажется ли поэтому, что затраченные на такое переселение деньги будут пущены на ветер.

Однако нашлось немало людей, активно поддержавших это предложение, и в результате решено было начать предварительные исследования.

Прежде всего нужно было выбрать наиболее подходящих для переселения ценных в кормовом отношении животных и выяснить, смогут ли они нормально жить и размножаться в каспийской воде, отличающейся от воды Азовского и Черного морей большим содержанием растворенных в ней сернокислых солей. Нужно

было также выяснено, могут ли выносливые для переселения животные хорошо переносить колебания солености воды. В наиболее северных частях Каспия вода почти полностью опреснена выпадающими в Каспий реками — Волгой и Уралом, и в различные годы соленость может изменяться в зависимости от величины этого стока. В Среднем же и Южном Каспии соленость воды несколько выше солености Азовского моря. Таким образом, широко расселиться по всему Каспию может только такой организм, который хорошо приспособлен к перенесению колебаний солености окружающей водной среды.

В начале лета 1936 года две группы научных работников Московского университета и Научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии выехали из Москвы в г. Осипенко на Азовском море и в Севастополь. В одной из просторных лабораторий Севастопольской биологической станции были расставлены аквариумы, в которых жили различные черноморские животные, собранные драгой — тяжелой железной рамой с сеткой, соскребающей острыми ножами со дна моря грунт со всеми его обитателями. На столах стояли микроскопы для наблюдения за развитием мельчайших, едва видимых невооруженным глазом личинок морских животных, приборы для определения солености морской воды и для изучения состава крови подопытных животных. Одним словом, все было готово для работы. В аквариумах, с доставленной сюда нормальной, опресненной и концентрированной каспийской водой, содержатся различные животные, служащие кормом для рыб Черного и Азовского морей. Иногда нам приходилось по целым суткам почти не выходить из лаборатории, тщательно сравнивая под микроскопом, как развиваются личинки этих животных в каспийской и в нормальной для них черноморской или азовской воде.

Три лета продолжались кропотливые опыты. В результате претендент на вселение в Каспий был выбран. Это морской червь нерис из семейства нерид, получивший свое название по имени мифического морского бога Нерей. По своей питательности он превосходит моллюсков и рачков, которыми питаются каспийские рыбы. Было установлено, что нерис может жить и размножаться в каспийской воде так же хорошо, как и в естественных условиях, и без вреда для себя переносить широкие колебания солености этой воды. Мы выяснили, что он не заражен никакими паразитами, которые могли бы быть завезены вместе с ним в Каспий и оказать вредными для каспийских рыб и других животных, и разработали способы перевозки большого количества живых червей.

Осенью 1939 года в Керчи шли оживленные приготовления к большой экспедиции. Нужно было в короткое время собрать несколько десятков тысяч живых червей в

Азовском море, благополучно довести их до Каспия и выпустить там в заранее намеченных местах. Для того чтобы найти места массовых скоплений червей в море, вышло специальное экспедиционное судно «Данилевский».

В течение нескольких дней мы проходили вдоль и поперек Азовское море и держали непрерывную радиосвязь с нашим «штабом» в Керчи. Несколько рыболовецких судов, оборудованных большими драгами и другими приспособлениями для сбора червей, стояли наготове и ждали сигнала для выхода в море. Вскоре мы узнали, что около г. Осипенко, в лимане, почти усохшем за лето, в громадном количестве водятся черви, которых можно просто выкапывать лопатами из полужидкой грязи. Вся экспедиция стянулась к г. Осипенко, и в течение недели в лимане, в нескольких километрах от города, можно было видеть непонятное для непосвященного человека зрелище. От восхода до захода солнца команды нескольких стоявших недалеко от берега судов по колено в грязи перекапывали лопатами лиман. Тут же, были научные сотрудники экспедиции. Они должны были отбирать только хороших, неповрежденных червей, пересчитывать их и равномерно рассаживать на выдвигающиеся из холодильников подносы с заранее приготовленным на них стерилизованным грунтом. Время от времени от судна к берегу подходила шлюпка со льдом для холодильников. Хотя уже конец сентября, но южное солнце припекает сильно, а черви гораздо лучше чувствуют себя в холодке, и приходится все время следить за тем, чтобы не перегреть или не заморозить их.

Наконец все облегченно вздохнули. Было собрано 50 тысяч червей и ящики с ними погружены на «Данилевского» и по Азовскому морю доставлены в Ростов на Дону, а от-

сюда, по железной дороге, в Махач-Кала. Здесь предстояла перегрузка червей на суда, которые уже ждали нас в порту. Я. А. Бириштейн и А. Ф. Карпевич с самой крупной партией червей должны были пойти в Северный Каспий. Мне было поручено на большом тральщике «Скат» пересечь Каспий и высадить червей у восточного побережья, вблизи залива Кендерли, немного севернее Кара-Бугаза, Е. Н. Боковой — довести червей по железной дороге до Баку и уже оттуда вывезти их на новое место жительства в Южном Каспии.

Из собранных нами 50 тысяч червей было выпущено в Каспийское море 37 тысяч.

От одной пары червей в течение года может появиться около десяти тысяч личинок. Личинки некоторое время свободно плавают в воде, разносятся течениями и, оседая на дно, заселяют новые пространства. Таким образом, если черви приживутся, результаты должны стать заметными уже через два-три года.

Началась Великая Отечественная война. Организовывать специальные экспедиции, чтобы следить за расселением червей в этот период, не приходилось, и о судьбе переселенцев долгое время нам ничего не было известно.

Страна снова живет полной творческой жизнью. Пришло время выяснить судьбу каспийских переселенцев и их роль в рыбном хозяйстве моря. В первую очередь решено было обследовать Северный Каспий, так как именно в этой мелководной части моря с глубинами, не превышающими 15—20 метров, откармливается основная масса промысловых каспийских рыб.

В начале июня 1948 года, на этот раз в Астрахани, сотрудники Московского университета и астраханских научно-рыбохозяйственных учреждений снова деятельно готовились к большой экспедиции, которая должна

В море вышло специальное судно...

была произвести детальную гидробиологическую съемку всего Северного Каспия, с количественным учетом донной фауны, с обловом рыб и выяснением характера их питания. В море вышло одновременно восемь судов, снабженных необходимым оборудованием.

На этот раз мы уже не встречали со стороны команд судов несколько иронического отношения, которое проскальзывало, когда мы перевозили червей в Каспий. Новый появившийся в Каспийском море червь уже хорошо известен рыбакам и пользуется у них популярностью. Рыбаки знают, что наиболее ценная промысловая рыба Каспия — осетр — держится как раз там, где много червей.

Собранные экспедицией материалы показали, что переселенные в Каспийское море черви заселили уже одну треть всей площади Северного Каспия, и запасы их в Северном Каспии составляют сейчас около 1,5—2 миллионов центнеров. Подсчеты же червей, поедаемых каспийскими рыбами, говорят, что за год на корм рыбам их используется около 3 миллионов центнеров. Осетр и севрюга в ряде районов перешли на питание одними нереидами, а в среднем для всего Северного Каспия нереиды составляют 50 процентов пищи этих рыб. Важную роль играют черви и в питании других промысловых каспийских рыб, таких, как лещ, вола. Только за счет размножившихся в Каспии вселенцев уже сейчас кормится около 900 тысяч центнеров промысловых рыб, главным образом наиболее ценных из них — осетровых. По сведениям, поступающим из других районов Каспийского моря, известно, что на некоторых прибрежных участках Среднего Каспия черви также настолько размножились, что после сильных штормов их в массовых количествах находят выброшенными на берег.

Активное вмешательство человека изменило и улучшило условия жизни ценных промысловых каспийских рыб. Первый опыт реконструкции фауны моря оказался удачным и доказал возможность переделки природы морских водоемов в нужном для социалистического строительства направлении.

ПО СУБТРОПИКАМ ИМЕРЕТИИ

Часть Западной Грузии, расположенная к востоку от реки Цхенис-Цхали, называется Имеретией.

В ближайшем будущем многие районы Имеретии будут славиться не только виноградом и овощами, но и другими лучшими дарами субтропиков.

Субтропические культуры в Имеретии стали развиваться совсем недавно, всего 10—15 лет назад, но имеретинский чай успел уже завоевать признание самых требовательных специалистов.

В самых различных местах Имеретии 15 лет назад было заложено десять опытных участков. На опытных участках были посажены чай, апельсин, маслина, тунговое дерево, субтропическая хурма, фейхоа, эвкалипты, камфорное дерево.

Небольшая горная долина, сжатая горами Губис-Мта и Корис-Мта, называется Цители-Хеви. Это живописнейший уголок Имеретии. Крутые склоны покрыты здесь ценными древесными породами — дубом, буком, каштаном.

В садах обилие инжира, грецкого ореха, граната, винограда. Здесь же зреют лучшие сорта апельсина, мандаринов и грейпфрутов. За 10 лет апельсин лишь два раза в слабой степени повреждались морозами, что говорит о весьма благоприятных условиях для развития здесь цитрусовых.

На север от Цители-Хеви рельеф смягчается. Цоление склоны холмов вокруг селения Персати, знаменитого чудесным десертным вином того же названия, сплошь усажены виноградниками. Дальше к северу — старое красивое селение Рокити. Во дворе старика колхозника Ионы Каргаретели растут огромные маслиновые деревья, посаженные 160 лет назад. Крупные, нежные, маслянистые плоды дают они каждую осень. Холодным прессованием из плодов маслины добывают оливковое (прованское) масло, по качеству самое высокое из всех растительных масел и употребляемое при изготовлении дорогих консервов — сардин, шпрот.

В центре долины Риона, в селении Опшквити, на опытном участке рядом со школой растут величественные австралийские эвкалипты. Им всего 15 лет, но они прекрасно прижились у нас, и некоторые из них достигли 20 метров высоты. Быстрее

эвкалипта растет, пожалуй, лишь бамбук. Многие полезными свойствами обладает эвкалипт. Он защищает от ветра, способен осушать болотистые места, ряд его видов содержит в своих листьях ценные эфирные масла лекарственного и парфюмерного значения. Есть лимонный эвкалипт, дающий лимонное масло. Есть весьма ценные дубильные виды, содержащие в своей коре много танина. В 1948 году в Грузии высажен новый вид эвкалипта — гигантский (до 60 метров высоты), отличающийся высокой морозоустойчивостью и дающий хорошую техническую древесину.

Рядом с эвкалиптами в Опшквити растут камфорные деревья.

В следующем ряду на опытном участке — нарядные кусты фейхоа. Этот вечнозеленый кустарник дает плоды чудесного ананасно-земляничного аромата и приятного кисло-сладкого вкуса. Прекрасно варенье из фейхоа.

Мы едем дальше, пересекая Рионскую долину с юга на север. Вот и предгорья отрогов Кавказского хребта. Кумистави — так называется село, затерявшееся среди известковых скал и холмов.

Наш географический участок — небольшая естественная терраса среди скалистых склонов. Превосходные тунговые деревья растут здесь. Им всего 10 лет, но они достигают 7—8 метров высоты. Орехи тунга дают ядовитое, но чрезвычайно ценное в технике масло, идущее на изготовление лучших лаков и красок.

Рядом с тунгом растут апельсин и мандарины. Первые более устойчивы к суховеям. К тому же они требовательны к теплу и в жаркой Имеретии дают более сладкие, сочные плоды. Высокие урожаи цитрусовых открывают широкие перспективы для культур апельсина и мандарина в предгорной полосе Имеретии.

Имеретия обширна. Самые различные почвы покрывают ее склоны и долины. Велико разнообразие климатов и растительности. И наряду с виноградом, овощами и другими давними культурами здесь нашли свое место и с успехом приживаются чудесные представители субтропической флоры.

А. Гумиев

Б. Л. НЕМЦОВ

Рис. Н. Арцеулова

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ I

Молодые техники Багрецов и Бабкин, проверяя действие сконструированного ими прерывателя, никак не замеченные проникают в кабину летающей автоматической метеостанции. Неожиданно люки закрываются— станция отправляется в свободный полет. Во время своего невольного путешествия комсомольцы узнают, что станция имеет форму диска и управляется с земли по радио. В пути Багрецов, выбравшийся на поверхность диска для исправления анализатора, выполнив работу, срывается и повисает в воздухе на тросе, которым он был подвязан. Затем, отцепившись, падает на землю. Ученые, руководящие полетом, удивлены тем, что анализатор, который они считали выбывшим из строя, вновь начал давать сигналы.

Испытания проходят успешно. Летающий диск должен подняться за пределы тропосферы. Мальчик Юра Карпов из ближайшего колхоза находит Багрецова и помогает ему добраться до села. Бабкин остается в диске один.

18. ЖАР И ХОЛОД

Бабкин понял, что летающий диск поднимается вверх. Технику казалось, что все его тело стало тяжелым, словно чугуном. В первый момент он не мог даже поднять руку, оторвать ногу от пола, такой невероятной показалась ему собственная тяжесть.

Понемногу он стал привыкать к этому ощущению. Наклонившись над зеркальным люком, он увидел, что земля подернулась синим туманом и только два серебряных моря, словно налитые ртутью, просвечивали сквозь синеву.

Тимофей взглянул на часы. Сейчас должна быть передача... Надев наушники, он прислушался. Странные и непонятные голоса пищали в телефоне. Видимо, передавался какой-то очень сложный комплекс сигналов.

Сквозь эти пискливые голоса он слышал треск включаемых и выключаемых реле, гудение моторов...

Тимофей отер пот с лица. Что такое? Почему ему стало жарко?

Он осмотрелся. По стенам кабины текли тонкие струйки: растаял иней. Через несколько минут струйки исчезли и обратились в пар.

Было жарко, душно, как в бане. Бабкину показалось, что это мотор нагрел так кабину, но он сразу отказался от этого предположения, так как кабина со всех сторон нагревалась равномерно.

Может быть, снаружи горит тепловая изоляция? Нет, здесь не может быть горения. Диск поднялся высоко, где, наверное, уже нет кислорода.

Техник рванулся к двери, ведущей в коридор. Оттуда на него пахнуло раскаленным воздухом. Может быть, там горит?

Бабкин вспомнил о пожаре стратостата. Там люди выбросились с парашютами. А он? Что может сделать он?..

Техник захлопнул дверь и припал к горячему стеклу. Земля далеко... До нее, быть может, сорок, пятьдесят километров...

Он чувствовал, будто трещат волосы, лопаются кожа на лице, глаза покрываются твердой скорлупой и не могут уже смотреть.

Но почему, почему стекло такое горячее, что до него нельзя дотронуться? Ведь стекло не должно нагреваться. Там, за этой прозрачной перегородкой, — мороз!

Жара все усиливалась. Казалось, что стенки кабины стали красными, раскаленными, словно за ними бушевало невидимое пламя.

* * *

В правлении колхоза дежурил Горобец. Он составлял отчет о своей командировке. Завтра он навсегда покинет эти гостеприимные места и — почему знать? — может быть, иногда будет скучать по этим горным склонам, каких нет у него на Черниговщине.

— Скорее, товарищ Горобец, вызывайте Киев! — еще в дверях крикнул Юрка. Он прислонился у притолоки, задыхаясь от быстрого бега, беззвучно показывая себе на грудь, стараясь привлечь внимание Миколы.

— Вот скаженный! — усмехнулся тот: — Кричит, как с неба свалился.

— Да не я... Дяденька упал.

— Откуда?

— Да вы же сами сказали, — досадуя на непонятливость Миколы, разозлился Юрка. — С неба!

Подробно объяснять было некогда. Мальчик наскоро рассказал то, что ему передал Багрецов.

Горобец почувствовал, что сейчас все зависит от того, как скоро он сможет все это сообщить в Киев. Надо было сначала связаться по местному телефону с районным центром, затем уже вызывать столицу Украины.

Линия была занята. Напрасно Горобец требовал разговор-«молнию». Такой практики на местной линии не существовало.

1 Окончание. См. журнал «Вокруг света» №№ 1, 2, 3 и 4 за 1949 г.

Но вот, наконец, его соединили с институтом. День сегодня праздничный, впрочем, ничего, дежурный должен быть на месте. Опять не везет! Дежурного вызвали к начальнику. Горобец долго ждал, теребя шнур у трубки.

— Мне нужно товарища Дерябина! — закричал он, услышав голос дежурного.

— Он очень занят и не может подойти к телефону.

— Тогда... радистку Аню.

— То же самое. Прошу вас позволить попозже.

— Не могу, — заволновался Микола: — Мне они нужны очень срочно.

— А кто это говорит?

— Горобец... Тут, понимаете ли...

Нет, ничего дальше не мог сказать Микола. В телефоне что-то затрещало и равнодушный голос телефонистки прервал разговор, так как время истекло.

— Товарищ Горобец, — тронул его за рукав огорченный посланец, — мне тот дяденька сказал, что эти люди обязательно должны чего-то сделать.

— Тоже дежурного посадили, холера ему в бок! Поучився бы здесь, який должен быть дежурный...

И Микола с остервенением стал снова крутить ручку телефона.

* * *

В кабине летающей метеостанции, на горячем металлическом полу, лежал техник лаборатории № 9 Тимофей Бабкин.

Как вытасненная из воды рыба, он широко раскрытым ртом жадно глотал воздух и смотрел на ребристый потолок, где дрожал синий отблеск то ли далекой земли, то ли облаков.

Жара постепенно спадала. Стенки кабины остывали, и Бабкин чувствовал, что и раскаленная плита под ним (таким казался ему пол кабины) тоже стала холоднее. Тимофей встал и, цепляясь за ребра каркаса, пододвинулся к приборам.

Он стал придирчиво осматривать стеклянные трубки, не лопнула ли какая из них? Нет, как будто все в порядке. Только вот заклеенная им трубка слегка пропускает жидкость. Надо исправить. Он еще раз туго обернул ее пропитанной в масле от конденсатора бумагой и стал осматривать аккумуляторы. Удивительно, как это они не испортились от жары?

Но откуда появилась такая дьявольская температура? Надо записать. Он раскрыл Димкину тетрадь и, взглянув на часы, стал записывать. Мало ли что с ним может случиться на этой чортовой высоте. Так никто и не узнает, что за странные явления происходили в летающей лаборатории.

Мучительно хотелось пить, трудно было пошевелить языком, словно горячий песок наполнил весь рот. Он фрюк в горло. Тяжело дышать.

Тимофей закрыл глаза и снова

увидел Димку... Он размахивал руками и что-то беззвучно говорил...

Знакомое с детства жужжание послышалось над самым ухом. Оно каким-то чудом прорвалось сквозь яростное шипение и вой реактивных моторов.

Бабкин машинально взмахнул рукой, и на тетрадь упала пчела — обыкновенная пчела с желтым полосатым брюшком. Неуклюже перебирая лапками, она торопливо поползла по исписанной странице.

Напрасно Горобец требовал разговор «смолиню»...

Видимо, эта неожиданная гостья земли выдержала мороз, спрятавшись где-либо у теплого работающего мотора метеостанции.

Техник с тайной радостью следил за пчелой. Он не был сентиментален, но это живое существо, так же случайно, как и он, Бабкин, оказавшееся в ионосфере, почему-то растрогало его.

Он смотрел на ее трепещущие слюдяные крылышки, на мохнатые лапки и боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть пчелу.

Бабкин невольно подумал, что, собственно говоря, и он сам похож на нее. Он так же беспомощен здесь, на высоте. Он ничего не может сделать, даже если эта дискообразная ракета помчится навстречу холоду космических пространств. Навстречу смерти...

Тим вспомнил, что прерыватель, который он монтировал, испытывался в термокамере при особых условиях, при температуре минус сто пятьдесят градусов! Он еще тогда удивился этому, но только сейчас понял, зачем это было нужно. Правда, кабина, видимо, сделана с тепловой изоляцией, а также окружена газом, но насколько всего этого достаточно, чтобы защитить живое существо от холода в двести семьдесят градусов?

Бабкин вздрогнул и поежился. Действительно, что-то стало холодно. Он взглянул на зеркальный люк и увидел, что стекло снова покрылось инеем.

Осторожно опустив тетрадь с ползавшей по ней пчелой на пол, Тимофей подвинулся к окну и стал слизывать освежающую снежную пыль.

* * *

Дискообразная ракета вертикально поднималась вверх со скоростью пассажирского самолета. Ей не нужно было мчаться, обгоняя звук. Неторопливо и методично она несла свои многочисленные приборы сначала сквозь плотный воздух тропосферы, затем миновала слой озона, спокойно прошла сквозь невидимый ионизированный слой «Д», являющийся надежной преградой для длинных радиоволн, и теперь подбиралась к слою «Е».

Наша атмосфера — словно слоеный пирог; причем только нижние его слои — тоненькая корочка (если придерживаться сравнения с пирогом) — более или менее исследованы, все остальные пока еще темны и загадочны. Поэтому произвести своеобразный «разрез атмосферы» при помощи ракеты с приборами было очень полезно для исследования «темных слоев».

Ракета, в которой сейчас находился техник Бабкин, точно сообщала на землю все особенности неисследованных слоев. Инженер Дерябин предполагал, что эти данные, полученные только за одни сутки испытаний летающего диска, могут составить целый том. Ничего похожего не было в истории исследований воздушного океана.

Может быть, только сейчас Бабкин вполне ясно осознал, что представляет собой испытания, невольным свидетелем которых он стал.

...Как в сказке, где от волшебного слова мгновенно наступает весна, так и сейчас в обледеневшей кабине снова настала даже не весна, а жаркое лето.

Недоверчивый и рассудительный Бабкин меньше всего этого ожидал. Он не верил в сказки. С презрительной усмешкой он смотрел, как на пушистом инее, покрывавшем окно, в самом центре его, показались тонкие светлые прожилки, затем, постепенно расширяясь, они стали ручейками и разбежались в стороны.

Выпуклое стекло очищалось от снега, как пригорок под весенним солнцем.

Стало тепло. Исчез мороз космических пространств, о котором только что думал Тимофей. Он не мог поверить в эти чудеса. Он знал, что ракета не опускается, она летит вверх.

Нагнувшись над мокрым стеклом, Бабкин увидел землю.

В первый момент он даже не понял, что там, внизу... То ли облака, то ли горы? Да, конечно, облака. Но как они далеко!.. Повернув голову вправо, Тимофей, наконец, заметил, что у самой кромки облаков выступает земля. Именно «выступает» потому что она действительно кругла. Может быть, только начиная с этой

высокой, земля кажется шарообразной. Ее край пропадает в лиловой глубине... Да, таким здесь кажется горизонт. И невольно возникает странная мысль: «Может быть, это и есть «край земли»?..» Шагнешь, оступишься — и полетишь в космос.

Бабкину опять стало холодно. Но это было только нервное ощущение. В кабину снова возвращались тропики. Они властно заполнили ее всю, высушили и подогрели воздух. Пчела, словно оживила от зимней спячки и, взлетев с тетради, ударилась о стекло. Внизу, в сотне километров от этого круглого окна, распухли под солнцем медвяные цветы.

Лютый мороз — и тропическая жара! Холод — и опять нестерпимый зной!.. Тяжелый и нелепый сон! Бабкин не понимал, что с ним происходит.

Вдруг в стеклянных трубках, идущих к приборам, на потолке появилось фиолетовое сияние. Яркоселеным светом вспыхнули толстостенные колбы с жидкостями. В колбе у самого потолка задрожал переливающийся всеми цветами радуги огонек.

Бабкин в первый момент растерялся; он подумал, что сейчас может быть взрыв. Но это скверное ощущение быстро прошло, и, собравшись с мыслями, он решил отметить все эти непонятные явления в тетради.

Скрупулезно и точно Бабкин записывал время продолжительности све-

чения и характер реакции. Он был уверен, что все это нужно.

Бабкин взглянул на окно. По стеклу металась пчела.

Неожиданно карандаш выпал у него из рук, в глазах помутилось, он едва не упал с перекладки аккумулятора каркаса, где он сидел.

Нет, это ничего... Жара, наверное, так действует.

Однако новые страшные и непонятные ощущения заставили Бабкина собрать все свои силы, чтобы не потерять сознания.

Ему казалось, что сверху на него летят расплавленный металл. Обжигающие струи огненными змеями поползли по телу.

Страшная догадка мелькнула у Бабкина: «Не космические ли лучи?» Они, как бумагу, пронизали своими смертоносными иглами металлический каркас кабины.

От них никуда не денешься. Ни мороз, ни зной не остановили бы Бабкина: он все испытал, он все перенес, чтобы только не помешать этому небывалому полету. Но что же делать сейчас? Остановить?

Но как? Где находятся реле, выключающие моторы, он не знает.

Выключить питание? Невозможно. Замрут все аппараты, и тогда, наверное, прекратятся все начавшиеся реакции.

Нет, все это не спасет его. Стоит только выключить мотор, и вся ла-

боратория ринется вниз, уже ничем не удерживаемая в разреженной атмосфере. Где-нибудь у земли она ударится о плотный воздух и разобьется.

Надо лететь вверх, навстречу смертельным лучам!

Бабкин бессильно сполз на пол, к люку. На стекле лежала застывшая пчела.

Ракета продолжала свой полет.

* * *

Дежурный по сельсовету Микола Горобец, наконец, снова дозвонился до дежурного по научно-исследовательскому институту.

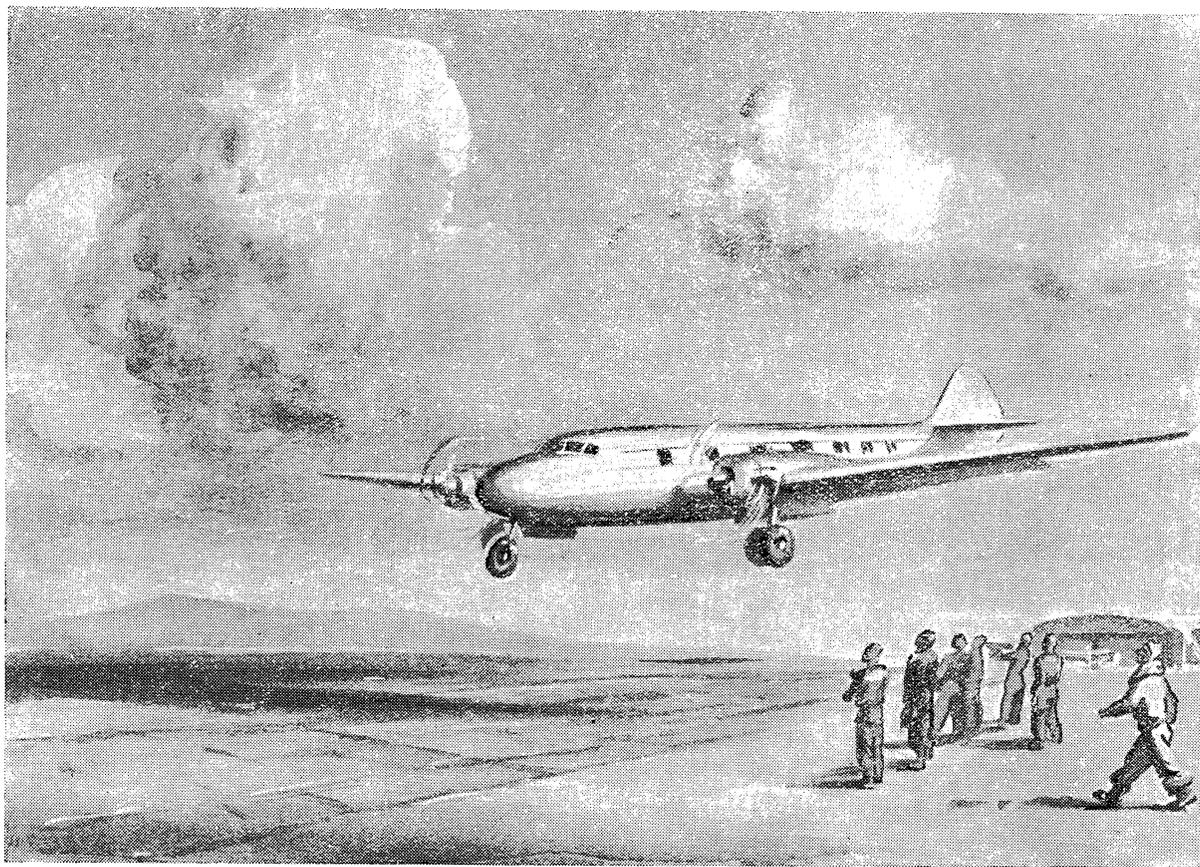
Тот ему сообщил, что он и сейчас не может позвать к телефону ни инженера Дерябина, ни его помощницу.

— Почему? — опешил Горобец. — Опять заняты. Но мне...

— Они выехали в командировку, — спокойно сообщил дежурный.

19. ИСПЫТАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

На маленький аэродром летного училища, расположенного в нескольких десятках километров от колхоза, где дежурил Горобец, садился большой транспортный самолет.

На аэродром летного училища садился большой самолет.

Учлеты выбежали из помещений и с недоумением смотрели на странно-го гостя. Что с ним случилось? Может быть, вынужденная посадка?

Однако, как потом стало известно, начальник школы еще рано утром получил радиogramму, где его предупредили о прибытии на аэродром самолета со специальным заданием.

Вот самолет уже на земле. Винты лениво вычерчивают в воздухе блестящие полосы и останавливаются.

Учлеты спешат к двери кабины. Оттуда вылезает трубчатая лесенка, и по ней спускается строгая на вид девушка. Она сурово окидывает взглядом улыбающихся юншей в летных комбинезонах, и те мгновенно становятся серьезными.

Видимо, эта пассажирка имеет самое непосредственное отношение к специальному заданию.

Несомненно, ребята были правы, Аня играла немаловажную роль в заключительном этапе испытаний.

Из кабины вышли конструктор Поярков, инженер Дерябин и профессор Демидов. За ними постепенно выходили и другие сотрудники института, принимающие участие в испытаниях летающей лаборатории.

Основные исследования были закончены, и теперь, уже на месте посадки лаборатории, оставалось повторить лишь некоторые пункты обширной программы испытаний.

Демидов сразу же отошел в сторону и, стараясь скрыть непонятное для его друзей волнение, углубился в записи последнего часа испытаний.

— Ничего, аэродром подходящий, — радостно проговорил Поярков, осматриваясь по сторонам. — Главное, защищен от ветра. Я думаю, что сегодня к вечеру мы спокойно спустим диск, можно сказать, прямо на мачту радиостанции.

— Надо сначала ее поставить, — заметил Дерябин. — И потом я не думаю, чтобы Алексей Фомич стал

особенно торопиться с этим делом. Он хотел еще проверить температурную кривую на больших высотах, а затем уже при спуске вновь зафиксировать ее. Правда, — инженер понизил голос, — это для него не главное. Вы заметили, как он был взволнован перед отлетом сюда. Редко я таким видел Алексея Фомича... Что касается меня, то я бы тоже еще раз посмотрел своими глазами на вновь записанную на ленте температуру в стратосфере и ионосфере. К погоде это имеет прямое отношение. Впрочем, — усмехнулся он, — может быть, после всех этих испытаний у вас есть какие-нибудь сомнения в надежности конструкции при длительном подъеме?

— Да нет, что вы! — смущенно заметил конструктор. — Теперь я уже ни в чем не сомневаюсь. Кстати, существование теплых поясов в стратосфере сравнительно недавно опровергалось видными специалистами. Они не предполагали, что в стратосфере такое большое количество озона, особенно поглощающего теплые лучи.

— Однако это пока еще только предположение, что от нагревания озона солнечными лучами и образуется тепловой пояс в стратосфере, — возразил Дерябин. — Ничего, батенька, расшифруем все записи и тогда проверим, — улыбнулся он. — Хорошо, что анализатор воздуха снова начал работать на большой высоте. При обработке записей узнаем, сколько озона в тепловом поясе. Все это для предсказания погоды тоже очень важно.

— Вы знаете, Борис Захарович, — задумавшись, проговорил конструктор, — я никогда не предполагал, что в стратосфере еще столько неизвестного. Мы действительно обнаружили выше тридцати пяти километров начало первого теплового пояса. К пятидесяти километрам его температура достигает семидесяти пяти

градусов. Кто бы мог раньше думать, что там, наверху, жарче, чем в Африке! А потом опять холод, и снова около восьмидесяти километров высоты, начинается второй тепловой пояс. О нем мы почти ничего не знаем. Говорят, что там происходят очень сложные физические процессы... Ультрафиолетовые лучи солнца разрушают молекулы воздуха. На этой высоте они сталкиваются с атмосферой... — Поярков, прищурившись, взглянул на инженера и со вздохом добавил: — Сколько тайн и загадок! А что делается еще выше — трудно даже предположить.

— Надо строить новую летающую лабораторию, — с улыбкой заметил Дерябин, — тогда не будет никаких тайн. Я думаю, — он взглянул поверх очков на молодого конструктора, — вы и это сделаете... Какой-нибудь диск, чтобы запустить его вверх километров этак... на тысячу...

— Нет, — не сразу отозвался инженер, — диск нужен для универсальной лаборатории, рассчитанной на длительные наблюдения. А туда, — он взглянул в синее бездонное небо, — мы пошлем просто ракету с приборами и парашютом.

Техники, прибывшие в самолете, быстро стали выгружать тяжелые ящики. Они перетаскивали их поближе к краю аэродрома и там ставили вплотную один к другому.

Заблестела на солнце кольцеобразная антенна, поднятая на высокой мачте.

Аня открыла один из ящиков и вытащила оттуда приемник. Все побежали к ней.

— Итак, мы слушали передачу час тому назад, — сказал Дерябин. — Где это было, Аня? Не помните?

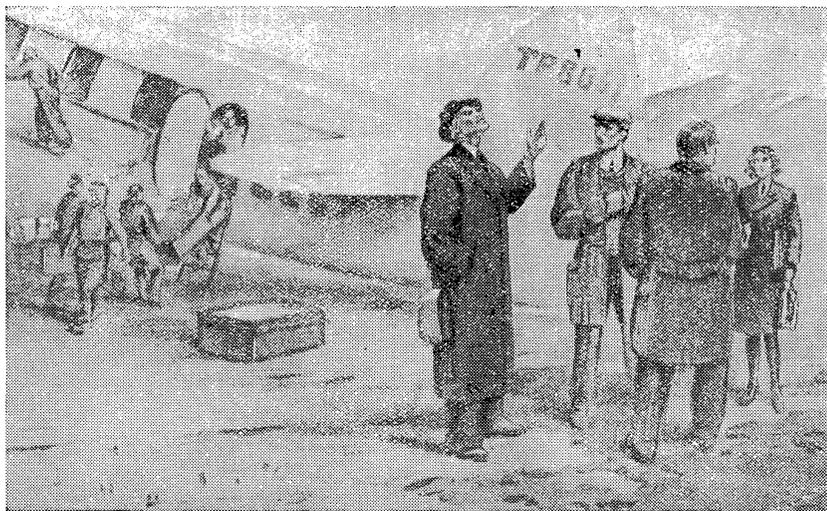
— По-моему, в районе озера Севан.

Профессор Демидов что-то высчитывал у себя в блокноте. Он жмурился, почесывал за ухом карандашом, лихорадочно перебирал листки, делал какие-то отметки. Затем он в волнении закрывал блокнот и шагал, заложив руки за спину, среди суетившихся техников. Профессор то не обращал на них никакого внимания, то вдруг останавливался перед одним из них и долго смотрел в лицо, словно пытаясь прочесть ответ на мучивший его вопрос. Наконец он отошел от радиостанции и зашагал по взлетной дорожке. Борис Захарович с тревогой посмотрел ему вслед.

— Вы товарищ Дерябин? — спросил инженера невысокий паренек, только что вышедший из помещения аэродромной радиостанции. Он протягивал ему листок бумаги.

— Быстро! — с некоторым удивлением проговорил Борис Захарович и взял листок радиogramмы. Он прочел его несколько раз, затем задумался и пожал плечами.

Придется показать эту телеграмму Алексею Фомичу. Но если бы кто-нибудь знал, как это ему неприятно! Из-за каких-то нелепых предположений он, Дерябин, должен огорчать профессора. Вот он идет к нему на-

— Как бы я хотел быть наверху, чтобы своими глазами посмотреть на многие, пока еще неясные для меня явления.

встречу. Как четки и уверенны его шаги!..

Демидов еще ничего не говорил о результатах испытаний, но Борис Захарович знал, что в таких испытаниях сразу ничего нельзя определить: на все нужно время.

Алексей Фомич остановился в двух шагах от Дерябина и молча смотрел на него, словно что-то взвешивая. Наконец, вздохнув, он тихо проговорил:

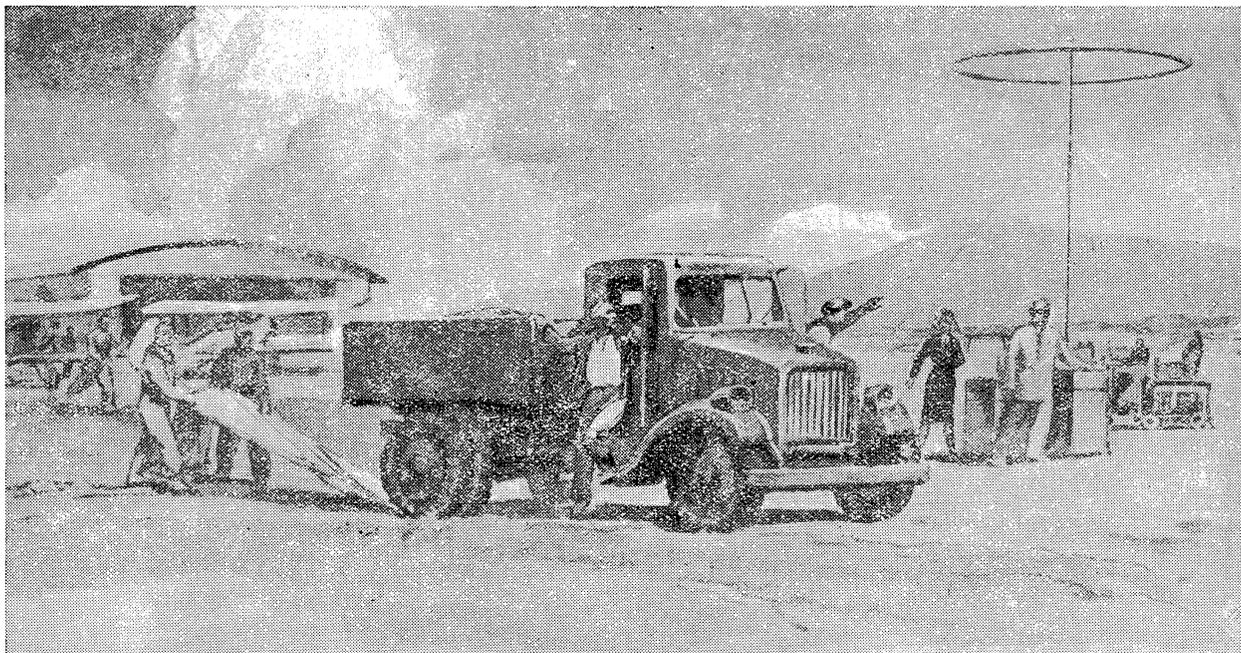
мог не оценить всей важности сообщения Демидова. Инженер знал, что до сих пор была использована атомная энергия лишь малоустойчивых радиоактивных элементов, вроде урана, а сейчас... Да ведь об этом можно было только мечтать!.. «Однако, — подумал Дерябин, — эта энергия получена на высоте в полтора километра. Ее невозможно спустить на землю».

— То, что я вам сейчас сообщил, —

шедший Поярков. — Почему бы нам сегодня не продолжить испытаний? Горючего в баллонах хватит даже при подъеме до трехсот километров. Кстати, вы же сами, Борис Захарович, интересовались температурной кривой.

— Правильно, но вот... — Инженер, видимо, не хотел говорить о причинах, побудивших его не произвести дополнительных испытаний.

— Аня, — позвал он.

Одновременно открылись в кабине обе двери, и оттуда выскочили шофер и Багрецов.

— Или это действительно так, или ... я ничего не понимаю.

Демидов взял инженера под руку и, осторожно шагая по блестящей дороге, глухо и медленно ронял слова:

— То, что я узнал сейчас об интенсивности лучей, опровергает наши самые смелые предположения. На земле ни в одной лаборатории пока еще нельзя получить столь сильного радиоактивного излучения. На высоте в полтора километра, где космические лучи не задерживаются атмосферой, в моих уловителях под действием этих лучей и других дополнительных факторов я обнаружил превращение вещества...

— Значит, насколько я понимаю, при этом освобождалась атомная энергия, — взволнованно перебил его Дерябин. — Так ведь этого не наблюдали пока еще ни в одной лаборатории мира?

— Не знаю, — сухо заметил Демидов. — Но во всяком случае, три часа тому назад это явление зарегистрировано приборами летающей лаборатории. Правда, пока только в одной установке.

Борис Захарович молчал, он не

прервал его мысли профессор, — только начало нашей большой работы. Подробный анализ всех материалов, полученных при сегодняшних испытаниях, позволит нам достаточно полно изучить действие космических лучей. Я думаю, однако, что эту вечную, неиссякаемую энергию мы тоже когда-нибудь используем. — Демидов остановился, недовольно взглянул вверх и добавил: — К сожалению, приборы не смогли передать на землю всего, что нужно. Как бы я хотел быть наверху, чтобы своими глазами посмотреть на многие пока еще неясные для меня явления. Одновременно с дополнительной проверкой температурной кривой мы снова повторим некоторые опыты уже на высоте в двести километров.

Дерябин вынул было телеграмму из кармана, затем снова спрятал ее.

Молча дошли до радиостанции.

— Алексей Фомич, — наконец решился спросить его инженер. — Вам обязательно сейчас нужно повторить испытания или можно отложить это дело до завтра?

Дерябину очень неудобно было об этом спрашивать.

— Почему? — вмешался подо-

Девушка быстро подбежала к инженеру и остановилась, молча ожидая, что он ей скажет.

— Простите, Алексей Фомич, — обратился к Демидову инженер. — Я должен тут кое-что выяснить.

Обернувшись к радистке, он спросил:

— Вы твердо уверены, что ботинки, найденные около полигона, вы видели на одном из техников, прибывших из Москвы?

— Я уже говорила об этом.

Демидов с удивлением прислушивался к разговору.

Борис Захарович со вздохом вынул радиограмму:

— Я, право, не знаю, как поступить, Алексей Фомич. Непредвиденное осложнение. По моему заданию в институте расследовали все, связанное с исчезновением техников. Сейчас вот в этой радиограмме сообщается, что ботинки могли быть сброшены откуда-то сверху, так как поблизости никаких следов не найдено. Кроме того, установлено, что техники не только не прибыли на аэродром, откуда они должны были лететь в Москву, но не появлялись и на вокзале...

— Они там, — прошептала Аня, взглянув вверх.

— Челуха, девушка! — возразил конструктор. — С таким грузом наша лаборатория вряд ли смогла бы подняться до расчетной высоты.

Дерябин взглянул на солнце, склонившееся к западу, на пухлые облака, удобно разлегшиеся на вершине горы, и со вздохом проговорил, обращаясь к Пояркову:

— А может быть, они были в лаборатории? — Он подчеркнул слово «были».

— Ну что вы, Борис Захарович! — возразил конструктор. — Я никак не могу предположить, что случайные пассажиры выпрыгнули из кабины. Парашютов там не было.

— Но куда же тогда делись эти молодцы? — раздраженно спросил инженер.

Аня ничего не сказала. В глубине души она подозревала, что исчезновение молодых техников было связано с испытаниями летающей лаборатории. Но как это доказать? Нельзя же, на самом деле, спустить лабораторию на землю голышом, чтобы убедиться, что там никого нет.

Профессор Демидов выслушал все доводы и решительно проговорил:

— Придется на этом закончить испытания. Я не могу позволить себе продолжать их, если есть подозрения, что в кабине остались люди. Почему вы мне об этом раньше ничего не сказали? — с укоризной обратился он к Дерябину.

— Я и сейчас в это не верю, — ответил тот. — Может быть, все-таки продолжим испытания? — с надеждой спросил он у Демидова.

— Нет, Борис Захарович, — сурово сказал профессор. — Нам очень дорога наука, но если уж у нас появились сомнения, что там, наверху, люди, то... вывод ясен... Люди нам, конечно, дороже.

— Вы правы, Алексей Фомич, — слегка наклонив голову, сказал конструктор.

...По зеленому полю аэродрома мчалась грузовая машина. Она пересекла выложенное в форме «Т» сигнальное полотнище и потащила его за собой.

Напрасно дежурный стартер, размахивая флажком и что-то крича, бежал к ней навстречу. Напрасно учлеты старались ее остановить, догоняя и почти цепляясь за тянущееся вслед за машиной полотно. Машина, словно обезумев, летела к радиостанции.

Вот-вот еще немного, и она снесет все на своем пути...

Аня стояла около приемников и широко расставив руки, словно загроживала собой свои аппараты.

Машина круто развернулась, на мгновение наклонившись левым бортом в сторону радиостанции, и затормозила.

Одновременно в кабине открылись обе дверцы и оттуда выскочили шофер и Багрецов. На лбу юноши резко выделялось белое пятно повязки.

Вадим бросился к Дерябину и, не в силах произнести ни слова, поднял руку к небу. Техника обступили со всех сторон. Справившись с волнением, он, наконец, рассказал человеку, оставшемся в летающей лаборатории.

— Пустить движок! — приказал инженер.

Сразу наступила тишина, затем послышался вздох двигателя, набравшего в себя воздух, две-три вспышки в цилиндрах, и равномерный рокот четко работающего мотора пронесся над полем аэродрома.

Дерябин размеренным шагом подошел к пульту управления радиостанции и замер в ожидании. Через минуту он снова должен будет включить установку для управления летающей лабораторией с земли.

Аня, которой сейчас уже нечего было делать, так как она дежурила только на приемном устройстве, быстро подбежала к Багрецову и заботливым движением поправила у него сползавший со лба бинт.

Дим отвернулся, но Аня все же заметила слезы, блестевшие на его глазах. Аня поняла, что это не было слабостью, что этот мальчик, так много испытавший за прошедшие два дня, стал совсем другим, выпив первый глоток из великой чаши мужества.

20. ВЫШЕ РЕКОРДОВ!

Инженер Дерябин стоял у пульта управления. Внешне он был спокоен, но только внешне! Он чувствовал, что именно сейчас начинаются настоящие испытания, от которых зависит не только судьба талантливой конструкции молодого инженера Пояркова и драгоценных приборов Алексея Фомича, не только судьба изобретений самого Дерябина, которым он отдал всю свою жизнь, работая над телемеханическим управлением разными машинами. От удачной посадки летающего диска зависит жизнь человека, случайно оказавшегося в его кабине.

При таких испытаниях нельзя быть спокойным, но... надо... Малейшая ошибка, неправильно нажатая на пульте кнопка, поворот рычага не в ту сторону — все может привести к катастрофе.

Замелькали цветные лампочки. Это были сигналы приборов, готовых принимать команды.

Вращающееся зеркало радиолокатора указывает почти на зенит. Там находится стратосферная лаборатория. Ее силуэт виден на светящемся экране, расположенном около щита управления.

Черный круг словно повис в жемчужном небе мерцающего экрана.

Дерябин нажал красную кнопку на пульте. Вспыхнула над ней сигнальная лампочка, показывая, что там, наверху, приборами-автоматами принята команда с земли. Темный кружок на экране медленно пополз вниз. По приказу человека, находящегося на земле, движущиеся рыча-

ги уменьшили объем диска, сдавили в нем газ, и летающая лаборатория пошла на снижение.

Радиолокатор не выпускал металлический из поля своего зрения, его силуэт все время был виден на экране.

— Двадцать тысяч метров, — сказал Дерябин через некоторое время, посмотрев на сетку экрана, где можно было определить расстояние до снижающегося диска.

Профессор Демидов и конструктор молча стояли около пульта.

За все время спуска диска никто не произнес ни слова. Лицо инженера, стоящего у пульта, было покрыто потом. Он не мог оторвать рук от кнопок управления, чтобы вынуть из кармана платок.

В ярком синем небе показалась серебристая точка. Она была еще высоко и совсем не над головой, как раньше указывало зеркало локатора. Сейчас невидимый радиолуч встречал снижающийся корабль с востока. Дерябин медленно повернул блестящий штурвал и одновременно нажал еще одну кнопку включения реактивного мотора.

Было видно, как серебристая точка стала постепенно расти. Инженер управлял летающим диском, попеременно включая то одно, то другое сопло его мотора, стараясь самым коротким путем привести корабль на аэродром.

Заметно снижаясь, диск шел по заданному курсу.

...Сравнительно небольшой металлический диск, похожий по форме на коробку барометра, словно отдыхая, лежал на зеленой траве, поблескивая своими гофрированными плоскостями.

Еще не успел растаять лед около нижнего люка. И странной казалась эта стеклянная корка под горячим солнцем, там, где некуда было спрятаться от жары.

Наконец крышку люка открыли. Ее приподняли внутрь, и профессор Демидов вместе с Борисом Захаровичем и врачом молча вошли в кабину. Багрецов хотел было броситься за ними, но Аня осторожно отвела его в сторону.

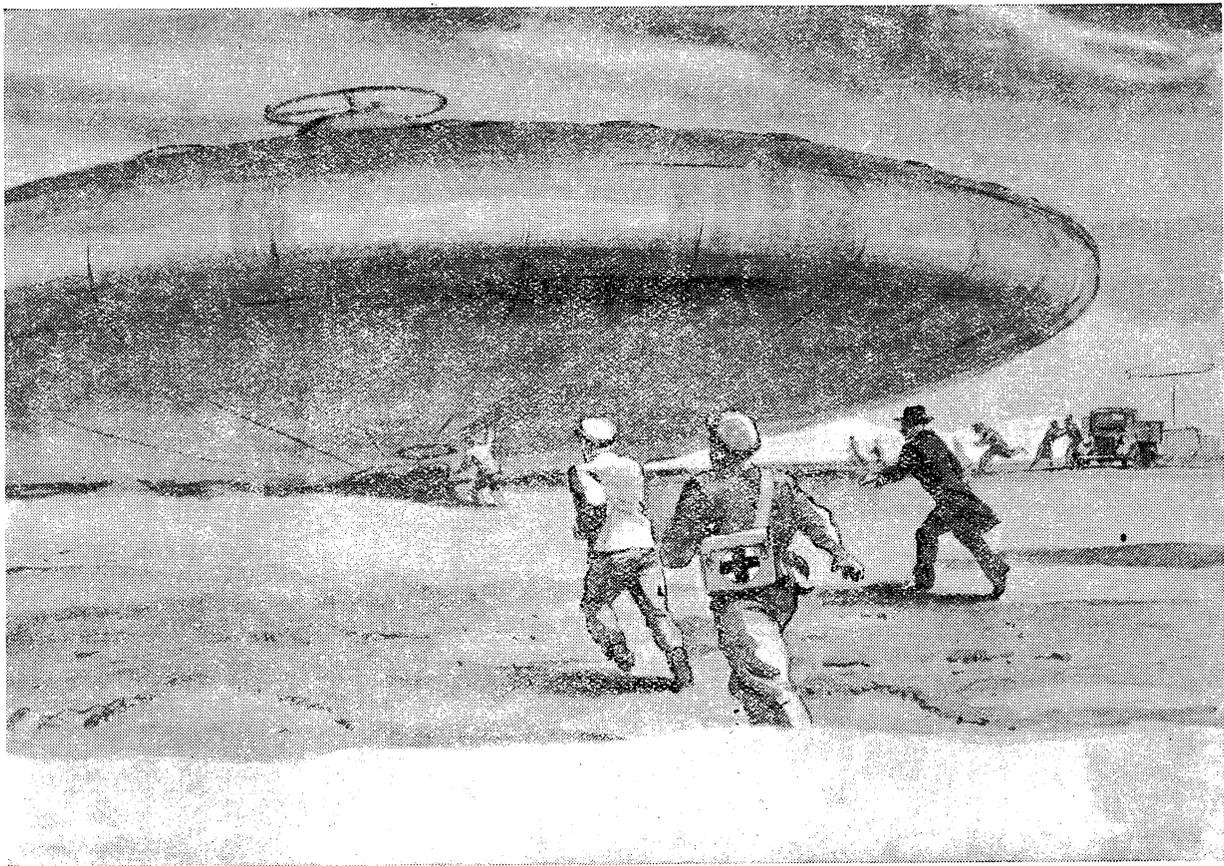
— Ничего, ничего, — успокаивал Вадим себя, шевеля побелевшими губами. — Они знают... Они сделают... Все сделают... — Он не мог оторвать взгляда от темного люка.

Из кабины долго никто не показывался.

Дим прислонился к радиатору грузовика, до крови закусив губу. Аня старалась сохранять спокойствие. Ее не меньше других тревожила судьба человека, только что спустившегося из ионосферы. Она понимала, что и его товарищ находится сейчас в тяжелом состоянии. Бледный от потери крови, он еле держится на ногах и только усилием воли заставляет себя не упасть.

Аня достала вату, бинты и вытерла капелюк крови, показавшуюся из щадны под глазом Вадима.

За движениями Ани ревниво наблюдали острые мальчишечьи глаза.

...диск, словно отдыхая, лежал на зеленой траве.

Мальчуган, прикрытый брезентом в кузове машины, сейчас приподнялся над бортом и оттуда смотрел на незнакомую девушку, которая так бесцеремонно сняла повязки, над которыми он трудился, заменила их новыми и сейчас не отходит от «дяденьки, упавшего с неба». Ведь его нашел он, Юрка. Мальчик не мог удержаться от любопытства, не посмотреть на летающий корабль, о котором ему рассказывал человек, выпрыгнувший отсюда без парашюта. Поэтому этот любознательный мальчуган и залез в кузов машины под брезент и вместе со взрослыми примчался на аэродром.

Не одно только любопытство заставило мальчика забраться в кузов, но и чувство дружбы. Он был пленен дерзкой смелостью этого простого, больше того, — самого обыкновенного человека, который мог, не стесняясь, даже плакать от боли, когда Юрка отрывал его рубашку от раны. Плакать, — и вместе с тем бросаться вниз на деревья ради спасения летающего корабля и товарища. Вот это человек!

Юрка, раскрыв рот, в отчаянии смотрел на Дима. Ему хотелось сделать для друга что-нибудь очень хорошее. Самое хорошее, на что он только способен. И вот, повинувшись этому внутреннему порыву, Юрка выпрыгивает из кузова и протягивает Багрецову самое дорогое, что

только у него есть, — часы. Их ему подарили тоже за смелость, но разве его поступок может сравниться с тем, что сделал человек, найденный им в лесу?

Вадим с благодарностью взглянул на своего юного друга, грязного от дорожной пыли, на светлую полоску на его руке, до этого защищенную от солнца ремешком часов, на весь его такой знакомый и трогательный мальчишеский облик.

Взяв часы, Вадим бережно надел их на ту же протянутую руку мальчугана, на старое место, где светлела незагоревшая полоска, затем, обняв его за плечи, поставил рядом с собой.

Из люка кабины показались чьи-то ноги, может быть, врача. Да, это врач медленно выползал оттуда, видимо, поддерживая что-то на весу.

Бабкина несли все трое, стараясь не ударить его о борт люка. Когда Дим подбежал к своему товарищу, то прежде всего увидел его посиневшее лицо, закрытые глаза и вытянутые, словно по швам, руки.

Не помня себя от отчаяния, Дим схватил его за плечи и стал трясти.

— Тим, а Тим!.. — словно в бреду повторял он.

Бабкин приоткрыл глаза, увидел своего друга, хотел было протянуть ему руку, но рука не слушалась.

Техника осторожно положили на

траву. Уже спешили санитары с носилками. Они умело подхватили больного и хотели было приподнять его, но Тим тихо проговорил:

— Не надо.. Потом..

Он повернул голову, прижался щекой к горячей земле и жадно вдыхал ее запах. Он чувствовал ее близость, тепло, живительным током растекавшееся по всему его телу. Вот так бы лежать долго, долго, чтобы забыть о том, что было там, в высоте!.. Земля.. Родная земля!..

Открыв глаза, он чуть слышно проговорил:

— Аппараты все работали.. Лопнула трубка у самого верхнего.. Пришлось исправить. — Он замолчал, видимо с трудом что-то припоминая, затем добавил: — Все наблюдения.. там, в книжке..

..Когда санитарная машина со случайными «стратонавтами» скрылась, Поярков еще долго смотрел ей вслед.

— Алексей Фомич, — обратился он к Демидову, — я что-то беспокоюсь. Может быть, действие космических лучей проявляется не сразу?

— В этом отношении у нас нет убедительных данных, но, видимо, они не оказали на юношу губительного влияния.

— Почему? — удивился конструктор.

— Он заранее предусмотрел средство защиты.

— Какое?

— Мы с большим трудом нашли этого смелого и находчивого юношу под каркасом аккумуляторов. Многочисленные ряды свинцовых, горизонтально расположенных пластин создали ему надежный экран от возможного смертоносного действия лучей.

— Да, — задумчиво добавил Демидов, — это был первый человек, достигший ионосферы.

— Поставлен новый рекорд высоты, — тихо, словно про себя проговорил Поярков, смотря на темнеющий горизонт.

— Он не может быть засчитан, — помолчав, ответил Демидов: — при этом должны присутствовать спортивные комиссары, в кабине должны находиться запечатанные барографы. И потом это все-таки случайность, никто не предполагал, что с нашим диском могли залететь в ионосферу люди.

Профессор снова помолчал, развернул тетрадь с «мемуарами» Дима, в которой техники делали свои заметки о работе аппаратов, и, перелистав ее, добавил:

— Да, они не поставили рекорда высоты. Но что может быть выше этого величия человеческого мужества и долга, которое проявили в этом полете наши молодые друзья? И я думаю, эта высота нам дороже многих рекордов.

* * *

Через несколько дней Дим и Тим почти совсем оправались от перенесенных ими невзгод. Врачи установили, что у Бабкина в результате во-время принятых мер успешно прошло лечение отмороженных пальцев на ногах. Что касается болезненных явлений, связанных с действием космических лучей, то их врачи не нашли. Кто знает, может быть, потому, что Тимофей во-время спрятался под свинцовый экран.

Наши друзья гостили в летном училище, отдыхали в горах, на даче у гостеприимных летчиков. Начальник института, в котором работали Багрецов и Бабкин, получив обстоятельную телеграмму от Дерябина, приказал техникам не возвращаться к месту работы без разрешения вра-

ча. Кроме того, он напоминал им, что при выполнении любого задания следует быть внимательным, особенно если работаешь в незнакомой и новой обстановке. Случайное путешествие техников в кабине могло закончиться не так благополучно. От себя лично начальник института поздравлял Багрецова и Бабкина с успешным выполнением задания, благодарил за проявленное ими мужество и находчивость, а также советовал как следует отдохнуть.

Записи Багрецова и особенно Тимофея оказали существенную помощь в обработке материалов, принятых из летающей лаборатории по радио. Явления атомного распада, наблюдавшегося Бабкиным в уловителе космических лучей, позволили воспроизвести достаточно полную картину этого невиданного явления...

Когда молодым «стратонавтам» было, наконец, разрешено вернуться домой, Дима и Тима провожали все их новые друзья. Ребята очень смущались, неловко жали руки, записывали адреса и поминутно смотрели на часы, стараясь как можно скорее покончить с этой непривычной для них церемонией. Они никогда не могли предполагать, что их скромные персоны станут предметом такого неожиданного внимания.

— Товарищ Бабкин, — неожиданно официальным тоном обратилась к нему Аня, — мы очень довольны, что и в этом случае все получилось, как надо. Вот возьмите, — она протянула ему сверток.

Тимофей под удивленными взглядами провожающих развернул бумагу. В ней лежала пара лимонно-желтых остроносых туфель. Бабкин не мог их не узнать. Он с тоской взглянул на них, затем перевел взгляд на свои спокойные и удобные тапочки. Они очень приличны, со шнурками и, главное, не жмут.

— Спасибо... Большое спасибо! — пробормотал он и хотел было сунуть злосчастные ботинки в вещевой мешок.

— Я очень рада, — с грустью сказала Аня. Ей очень не хотелось прощаться со своими новыми друзьями, которых она, может быть, больше никогда не увидит. — Я очень рада, — повторила она и отвернулась.

— Ну, быстрее надевай, — сказал

Багрецов, с удовольствием отмечая новое «радостное событие» в жизни Тимофея Бабкина. — Ну, что же ты ждешь? А то, на самом деле, неудобно. В галстук и в тапочках.

— Да я на станции надену, — пытался запротестовать Тим.

— Некогда там будет возиться, — торопил его Вадим. — Скорее.

Бабкин решительно отошел в сторону, сел на траву и, закусив губу, стал напивать проклятые ботинки.

...До станции было недалеко. Наши «стратонавты» шли по пустынной белой дороге. Седая пыль вилась в воздухе, и от этого впереди все казалось, как в тумане.

— Тим, а Тим, — как всегда, обратился к нему Багрецов, — знаешь, о чем я думаю? Мне кажется, что Алексей Фомич скоро будет получать золото... прямо с неба.

Бабкин махнул рукой и ничего не сказал. Все ясно, давно бы пора привыкнуть к Димкиному фантазерству.

— Представь себе, — широко размахивая руками, продолжал Вадим, не замечая скептического жеста товарища, — в большую ракету с каким-нибудь там собирающим космические лучи рефлектором наливается ртуть. Ракета летит вверх, ну, скажем, на тысячу километров. Там под действием этих лучей ртуть превращается в золото и вместе с ракетой спускается на землю. Каково?

И Багрецов победоносно взглянул на Тимофея.

Тот не отвечал. Морщась от боли, он с трудом ковылял в своих модных ботинках. Нужно ему очень небесное золото!.. Наконец Бабкин не выдержал, присел на корточки, стащил с ног проклятые туфли и далеко забросил их в кусты.

Вадим проводил глазами блестящий след, на мгновение оставленный в воздухе ботинками.

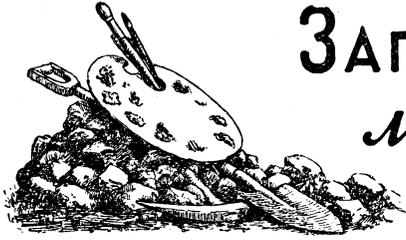
— Все? — насмешливо спросил он.

— Все, — с облегчением сказал Бабкин, доставая из мешка свои тапочки. Теперь он может подумать и о Димкиных мечтаниях.

Друзья шли по дороге. Что ожидает их впереди?.. Какие новые приключения и, может быть, новые подвиги?..

Конец

Загадочный минерал

МАРК ПОПОВСКИЙ

В конце ноября 1830 года подписчики петербургского «Горного журнала» в отделе «Смесь» прочитали небольшую статейку анонимного автора с длинным и весьма обстоятельным названием: «Описание местонахождения ископаемого зеленого цвета, открытого в удельном имении Пермской губернии и названного в честь господина Министра Императорского Двора волконскоитом».

Заметка не привлекла особого внимания. Практического значения открытый минерал, по мнению автора, не имел; и наименование его вряд ли кого могло удивить. Незадолго до того именем генерал-фельдмаршала князя Волконского, учредителя русского генерального штаба, был назван даже целый остров в Тихом океане.

И все же с первых дней своей известности волконскоит заслужил славу «загадочного минерала». Странными были его химические и физические свойства, непонятным оставалось происхождение; поговаривали, что история посвящения волконскоита министру также была не совсем обычной.

За сто лет история «загадочного минерала» еще больше запуталась. Лишь сейчас ряд архивных материалов и документов позволяет в ней разобраться¹.

СЕКРЕТ ГОФМЕЙСТЕРА ПЕРОВСКОГО

Сослуживцы недолго любили графа Перовского. Передавали, что полученные им недавно придворный чин гофмейстера и доходная должность вице-президента департамента уделов достались ему не совсем чистым путем. Но ни друзья, ни противники не могли отказать Перовскому в хитрости и энергии. Он не упускал ни одного случая пополнить казенную кассу, а заодно не забывал и себя.

В начале 1830 года до Перовского дошли слухи, что на удельных землях близ Перми найдена медная руда. Граф тотчас сообразил, какие

выгоды сулит ему такая находка. Мысль о постройке медеплавильного завода на Урале давно уже занимала предприимчивого вице-президента. Немедленно с Урала был вызван старый рудных дел мастер Александр Волков. Ему было предписано в кратчайший срок провести изыскания, установить величину залежей меди, их качество и обо всем доложить.

В июне Волков на перекладных выехал из Екатеринбурга в Пермь. Пермь в те годы была еще совсем молодым городом. Не прошло и полвека с тех пор, как в 1781 году стоящему на высоком берегу Камы Егоршихинскому заводу с поселком «по высочайшему повелению» было дано наименование «Пермь» и дарован герб: по красному полю серебряный медведь с золотым евангелием на спине.

Волков задержался в Перми лишь для того, чтобы узнать, где находятся предполагаемые залежи. Там уже работали посланные заранее рабочие-изыскатели. К вечеру усталые лошади дотащили повозку до села Частые. В избе, куда староста привез мастера, было полутемно. Ожидая прихода чиновника, руководившего бурением, Волков сел к окну. Его внимание привлекла лежавшая на подоконнике тонкая серая тетрадка. В ней под номерами было записано, кто, из какой деревни и когда доставил образцы медных руд. Номеров было несколько десятков. Мастер углубился в чтение записей. Вошел чиновник.

— Покажи-ка, братец, что у тебя за номером семнадцатым, — спросил Волков.

— Глина какая-то, по ошибке, видно, принесли, — отвечал чиновник, кладя на стол угловатый кусок породы зеленого цвета.

Волков с интересом повертел в руках камень. За пятьдесят лет службы на Урале он ничего подобного не встречал. Это был безусловно новый минерал. Легкий и хрупкий, он действительно походил на глину, но разламывался не по всем направлениям, как глина, а в определенных плоскостях. Опытным глазом Волков определил также, что зеленый цвет минералу придает не медь, а окись хрома. «Хорошая краска должна получиться из ка-

мешка», — подумал мастер, растирая в пальцах зеленый порошок.

Волков увез минерал с собой, а через две недели Перовский получил из Перми доклад обер-мастера о поездке. В конце письма после обстоятельного рассказа о медных приисках Волков приписывал:

«Частинского приказу крестьянином Егором Куликовым представлена была за образцы медной руды затвердевшая глина, густо проникнутая раствором хромиева окисла. Горный продукт сей, вероятно, минерал доселе неизвестный, а потому полученные куски, подвергнув химическому испытанию и сделав опыт в техническом онных употреблении о последствиях представлю благоуважению Начальства».

Вряд ли добросовестный и исполнительный рудных дел обер-мастер Волков предполагал, что сделанная им приписка заинтересует вице-президента. Но случилось именно так.

Получив подтверждение о находке меди в удельных землях, Перовский заволновался. Прежде чем строить медеплавильные заводы, ему предстояло получить на это разрешение министра двора князя Волконского. Перовский слишком хорошо изучил придворные нравы, чтобы не зная с пустыми руками не стоит обращаться даже к министру. Следовало хорошенько подумать, что именно поднести вельможе и богачу князю Волконскому, чтобы наверняка получить от него желаемое разрешение. Неизвестно, как вышел бы вице-президент из создавшегося положения, если бы не приписка в письме Волкова. Блестящая мысль осенила Перовского. А что если попробовать завоевать расположение князя, посвятив ему новый минерал?

— Вол-кон-ско-ит! Каково придумано?! — хвастал Перовский своему сослуживцу и приятелю Панаеву. — Пусть-ка теперь старый князь откажет мне в постройке заводов. Нет, не откажет. Только, чур, уговор, — серьезно добавил он, — о нашей беседе пока никому. Секрет!..

В Екатеринбург была послана срочная депеша, требовавшая от Волкова без промедления представить вновь открытый минерал с описанием всех его химических и физических свойств. Слова «без промедления» были подчеркнуты дважды. Перовскому не терпелось блеснуть перед министром.

Нарочно или случайно аптекарь немец Гельм, которому Волков поручил исследовать найденный минерал, задержал его — сказать трудно. Так или иначе анализ вышел из его аптеки лишь спустя полгода. Волков оказался прав: своей травянистой окраской минерал был обязан окиси хрома. Кроме хрома, в состав минерала входил кремнезем, окисл железа, глинозем и магnezия. Не ошибся мастер и в практической возможности использовать минерал как краску. Пока аптекарь Гельм толоч

¹ Очерк «Загадочный минерал» написан по материалам работ, проведенных в течение нескольких лет инженером-геологом Иваном Владимировичем Бельниковым.

и кипятил зеленый минерал, в Петербурге произошли новые события. Панаев проболтался, и вскоре о готовящемся сюрпризе заговорили все чиновники. К тому же и петербургская газета «Северный муравей» напечатала некоторые сведения о новом минерале, полученные ею от своего екатеринбургского корреспондента. Новость могла дойти до министра раньше, чем рассчитывал Перовский. Это нарушало все его расчеты. Перовский был взбешен. Надо было спешить, и он решил «подарить» минерал Волконскому, не ожидая анализа.

Подарок был принят милостиво: Волконский еще ничего не слышал о статье в «Северном муравье».

Так же спешно Перовский отослал образец минерала в департамент горных и соляных дел. В письме к начальнику департамента он просил поместить минерал в Горный музей и опубликовать в печати его новое название. По настоятельной просьбе Перовского, в конце ноября 1830 года в «Горном журнале» и появилась вышеназванная анонимная заметка.

Только полгода спустя, в марте 1831 года, на имя Перовского пришел объемистый пакет, в котором заключалась «Записка опытов, произведенных екатеринбургским аптекарем, господином Гельмом над ископаемым зеленым цветом, открытым в Пермском удельном имении». Но вице-президента анализ минерала больше не занимал. Он уже извлек из находки все, что хотел. Сенаторское звание и аренда в семь тысяч рублей ассигнациями на двадцать пять лет, последовавшие за поднесением волконскоита министру, обогатили Перовского и лишили его всякого интереса к уральским делам.

МИНЕРАЛ ТЕРЯЕТ И С НОВА ОБРЕТАЕТ РОДИНУ

Со времен Михаила Васильевича Ломоносова, великого «ревнителя наук российских», лучшие, наиболее передовые наши ученые вели жестокую борьбу с засильем иностранцев, облепивших русские научные учреждения. Немцы, англичане, французы из Российской императорской Академии наук не только замалчивали замечательные открытия, приютившего их народа, но даже приписывали себе его заслуги. Жертвой такой недобросовестности стал и волконскоит.

Обстоятельства отдали волконскоит в руки немца Альфреда Кеммерера, главного аптекаря департамента горных и соляных дел. Есть все основания полагать, что, кроме научных трудов, Кеммерер промышлял и некоторой таинственной торговлей. Проходившие через его руки редкие минералы, видимо попадали за границу к скупщикам-немцам, а от них за большие деньги их получали музеи всего мира. Переписываясь с

друзьями из «фатерланда», Кеммерер передавал на родину русские научные и технические новости. История сохранила нам одно из его писем. Датированное 10 апреля 1831 года, оно адресовано тайному советнику профессору Леонардо из Геттингена. Между известием о необычайном кристалле изумруда и найденном на Урале самородке платины весом в 19 фунтов Кеммерер сообщает и о волконскоите, забыв сказать о том, кто и где его открыл.

«Ископаемое твердое, травянисто-зеленого цвета, — пишет немец; — излом неровный, раковистый; на ощупь слегка жирный; черта на фарфоровой пластинке того же цвета. После анализа ископаемое оказалось водянистым кремне-глиноземом, который содержит 7 процентов окиси хрома, чем и объясняется его зеленый цвет... Как колоссально государство, так велики и его богатства», — в раздумье заканчивает Кеммерер свое письмо. Трудно было бы сказать, что скрывается за этой многозначительной фразой, если бы смысл переписки петербургского горного аптекаря с тайным советником из Геттингена не выяснился очень скоро.

Не прошло и полгода, как «Ежегодник для минералогов», издаваемый в Геттингене тем же профессором Леонардо, порадовал мир интересным открытием. На 420-й странице «Ежегодника» за 1831 год профессор демонстрирует новый минерал зеленого цвета, «открытый немецким любителем геологии в России горным аптекарем господином Кеммерером». Далее следует описание ископаемого без упоминания истории его открытия.

Все минералогические справочники мира перепечатали сообщение из геттингенского «Ежегодника». Кража осталась незамеченной.

Обнажение на левом берегу реки Красный ключ.

«Минерал Кеммерера» стал объектом многочисленных анализов, проводимых в лабораториях Германии и Франции. В течение последующих 60 лет ученые охотно спорили о том, 12 или 14 процентов хрома содержит странный минерал, есть ли в нем следы марганца или их нет. Ископаемое обрастало чужими именами. В литературе его можно было теперь встретить как «минерал Бартье», «минерал Керстена». Даже русские ученые более не называли минерал его первоначальным именем. За спорами о химическом составе забыты были не только имена людей, открывших волконскоит, но угорьлось и место залежей и его возможное практическое использование.

Напомнить о судьбе волконскоита выпала на долю простых крестьян. В 1889 году в Пермь пришли ходоки от общины села Ефимята Оханского уезда. Разоренные малоземельем и низкими урожаями, мужики просили у губернских властей разрешения использовать зеленую глину для практических целей. Губернские власти обещали помочь, послали даже чиновника осмотреть залежи зеленой глины, но на том дело и кончилось.

Еще на четверть века забыла страна о своем сокровище. Не было даже ясного представления о месте залегания волконскоита. Предполагалось, что он встречается в виде вкраплений и прожилков длиной до полуметра на глубине 4—6 метров. Местные власти были уверены, что волконскоит — минеральная редкость и что его можно найти лишь в небольшом районе длиной в 30 и шириной в 5 верст. Оставалось неясным и образование минерала в песчано-глинистой почве камских берегов.

СЛАВА РУССКОЙ ПАЛИТРЫ

Палитра — это тонкая, овальной формы дощечка, на которой художники растирают и смешивают краски. Ровно двадцать лет назад на палитре советских художников появилась новая краска, ставшая затем известной далеко за пределами нашей родины.

Во время первой мировой войны русские ученые создали комиссию для изысканий ископаемых богатств, нужных армии. Председателем этой комиссии был Ферман — старший геолог Академии наук, а его помощником — старый хранитель Минералогического музея В. И. Крыжановский. Крыжановский выехал на Урал, чтобы обследовать минералы, которые можно было бы использовать как краски: русская армия испытывала настоящий красочный голод. Возле Перми ученый осмотрел 15 месторождений волконскоита. Впервые после обер-мастера Александра Волкова Крыжановским была поставлена практическая цель использовать волконскоит как краситель.

Среди ГЕОГРАФОВ

С 1925 года началось планомерное изучение геологии берегов Камы западнее Перми. Многие доселе неизвестное удалось узнать геологам о волконскоите. Была открыта и загадка его происхождения. Форма волконскоитовых вкраплений, круглых, продолговатых, с отростками, похожих на сучки, давно напоминала ученым куски дерева. Советские геологи и минералоги окончательно установили, что волконскоит — растительного происхождения. Образовался он, видимо, так: в пермский период много десятков тысяч лет назад по древним, ныне не существующим рекам плыли сломанные бурей деревья. В глубоких бухтах, у извилистых берегов стволы прибывало к берегу. Обвалы земли, часто случившиеся у крутых берегов, засыпали стволы, и они начинали медленно сгнивать. Вероятно, не все, а лишь некоторые породы могли образовать волконскоит. Постепенно каждая сгнившая частица древесины замещалась тонкой белой глиной, каолином, которой много в здешних почвах. Затем наступало последнее преобразование — глина уплотнялась, прессовалась и окрашивалась окисью металла хрома, которого также немало в пермских почвах.

Новая теория давала в руки геологов ключ к поискам наиболее богатых залежей минерала. Его, видимо, нужно было искать там, где почва свидетельствовала о существовании в древности глубоких бухт. В таких местах искатели действительно находили большие запасы зеленого минерала. Этот же метод позволил советским ученым значительно расширить территорию, на которой возможны находки волконскоита. В 1928 году профессор Пустовалов на основании нескольких экспедиций мог уже утверждать, что волконскоит относится к числу минералов, весьма широко распространенных на северо-востоке Европейской части СССР. Вскоре мнение Пустовалова подтвердилось. Стали приходить сведения о находке минерала в Удмуртской АССР и Кировской области. Зеленая глина перестала быть минералогической редкостью. Волконскоит начал служить людям.

Первое знакомство московских художников с волконскоитовой краской состоялось в том же 1928 году. Вернувшись из экспедиции, профессор Пустовалов привез в Москву кусок зеленого минерала. Его растерли в тонкий порошок, смешали с маслом и попробовали использовать в живописи. Картина должна была изображать женскую фигуру, стоящую среди густого сада. Зеленые тени и отдельные листья, по мысли автора, затеняли и все же не совсем скрывали ее. Эффект получился неожиданным: фигура женщины вышла на картине совершенно ясной, хотя листья в тени покрывали ее густой, темной тенью. Секрет таился

в самой краске. Она оказалась, как говорят художники, лессирующей, то есть обладала способностью просвечивать. Нанесенная на другие детали картины или прямо на грунт даже очень яркая волконскоитовая краска давала чувствовать под собой другой цвет. Это качество краски высоко оценили советские художники. Тюбики волконскоитовой краски, названной «зеленая земля», покупались нарасхват. Художники предпочитали ее даже «веронской земле», считавшейся до того лучшей в мире русской масляной краской. Имея прозрачный мягкий тон, она при высыхании не давала того серого налета, который появляется в зеленых красках заграничного происхождения.

Образец волконскоита с покрывающим его «ржавцем».

Вскоре было открыто еще одно достоинство «зеленой земли», открытое сотрудниками Института прикладной минералогии. Она оказалась на редкость устойчивой: ни щелочи, ни кислоты, а равно солнце и вода не имели над ней власти.

С 1936 года «зеленую землю» выпускает завод художественных красок, построенный по указанию Серго Орджоникидзе в Ленинграде.

В феврале 1947 года в Москве состоялось совещание художников и химиков. «Мы требуем, — заявили живописцы, — чтобы инженеры лако-красочной промышленности создали яркие, красивые и нетускнеющие краски для самого передового в мире советского изобразительного искусства». Среди сорока двух красок, которые обещали добыть химики и геологи, упоминалась и волконскоитовая краска «зеленая земля».

В ближайшее же время начнется производство красок из волконскоита в широких размерах.

Географ С. И. Баскин обнаружил в одном из архивов «Большой чертеж Камчатальной земли» — копию работы выдающегося русского землепроходца казака Ивана Козыревского. Копия, найденная Баскиным, относится к тридцатым годам XVIII века. Самый же чертеж был выполнен в 1726 году и передан вместе с пространным донесением Берингу, прибывшему в Якутск с первым отрядом своей экспедиции.

Чертеж Козыревского является одним из ранних русских описаний Камчатки, Курильского архипелага и Японии, оставшихся до настоящего времени не опубликованным. Это описание имеет большое значение для выяснения характера русского мореходства в Тихом океане в начале XVIII века. В то же время оно опровергает измышления японских империалистов, утверждавших, что русские силой вытеснили японцев из Курильского архипелага, который будто бы был открыт и освоены ими задолго до появления русских на берегах Тихого океана.

★

Советские географы отметили в текущем году две годовщины — 35-летие со дня кончины главы русской географической школы П. П. Семенова-Тян-Шанского и 35-летие же со дня гибели знаменитого русского исследователя Арктики Г. Я. Седова.

Путешествия Семенова-Тян-Шанского увенчались крупнейшими научными открытиями, опровергшими утверждение немецкого географа Гумбольдта о вулканическом происхождении Тянь-Шаня и установившими действительную картину геологического строения горных областей азиатского материка.

Семеновым-Тян-Шанским впервые была также установлена высота снеговой линии Тянь-Шаня и открыты истоки реки Нарын (верховье р. Сыр-Дары).

Семенов-Тян-Шанский был крупнейшим ученым-энциклопедистом, сыгравшим большую роль в развитии не только физической, но и экономической географии. Им первым введено в практику географическое районирование России. С 1873 года до конца своей жизни он был бессменным президентом Русского географического общества.

★

Советские ученые — географы и историки — закончили работу по исследованию материалов русской полярной экспедиции XVII столетия, найденных на восточном побережье Таймырского полуострова. Материалы эти свидетельствуют о событиях, которые до сих пор оставались неизвестными. Прежде всего они доказывают, что русские мореплаватели больше чем на 250 лет опередили в своих открытиях шведского полярника А. Норденшельда, которому до сих пор приписывалось достижение мыса Челюскин с моря.

Реликвии древнерусских мореходов были обнаружены советским гидрографическим судном «Норд» накануне Великой Отечественной войны.

Судя по хорошо сохранившимся остаткам снаряжения древнерусской полярной экспедиции, она носила торгово-промышленный характер. Мореходные приборы — солнечные часы и компас, находившиеся в составе ее снаряжения, говорят о высоком уровне культуры древнерусских мореплавателей.

По заключению Окладникова, русские мореходы вышли в путь около 1617 года. Направляясь со стороны Карского моря на восток, они прошли морем в обход Таймыра. Застигнутые поздней осенью, мореходы решили, видимо, зазимовать здесь и построили на берегу избушку, остатки которой сейчас найдены. Обнаруженные здесь кости людей говорят о гибели отважных мореходов, вероятно, во время тяжелой полярной зимы. Арктический институт подготавливает к печати специальную монографию об этой древнерусской полярной экспедиции.

Наши зеленые друзья

БЕРЕЗА

Сколько песен, сколько поговорок, прибауток и загадок посвятил русский народ «радостной и ясной», то «печальной и задумчивой» березе!

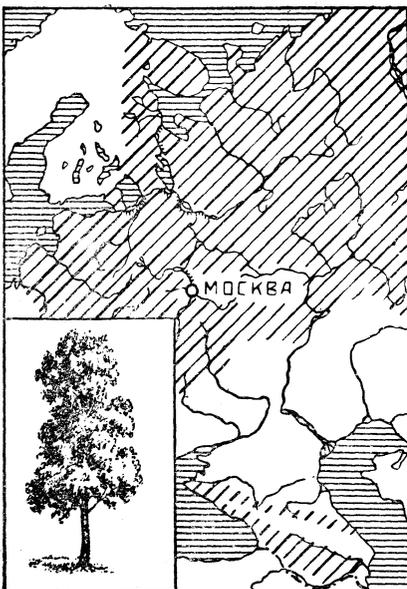
В лесах средней полосы нашей родины встречается это стройное дерево с серебристо-белым стволом и высоко поднятой (до 25 м) вершиной. Даже в тундрах, даже на Крайнем Севере растет береза, хотя здесь она имеет вид кустарника. Но и на Севере и у южных степей — всюду березу можно узнать и по цвету ее коры и по сердцевидным треугольным листочкам.

В апреле—мае береза начинает цвести, а в июле—августе ветер сдувает с нее созревшие семена — маленькие крылатые орешки. Они далеко относятся ветром и быстро заселяют все новые и новые площади. Очень быстро растет неприхотливая береза и в 40 — 60 лет считается вполне зрелым деревом, древесиной которого является самым лучшим древесным топливом и сырьем для столярных изделий.

Трудно найти в наших лесах дерево, которое бы приносило столько пользы, так широко использовалось населением, как береза. Крепкие топоры, приклады, колеса и другие деревянные изделия делают из березы. Молодые ветви ее идут на веники и метлы. Листья служат испытанным народным потогонным средством. Сухой перегонкой из древесины получают уксусную кислоту, а из бересты (верхних слоев коры березы) — деготь и сажу для краски. Береста, кроме того, имеет широчайшее применение для изготовления дорожных сумок, коробов, посуды; на Севере ею кроют жилье и обшивают легкие рыбацьи лодки.

Ранней весной, пока не начали распускаться листья березы, каждое взрослое дерево дает сладкий, чуть кисловатый сок, издавна считающийся целебным напитком.

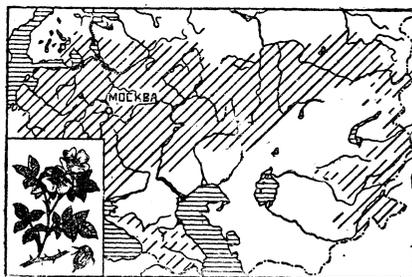
В наши дни березой, вместе с дубом, ясенем и другими древесными породами, по великому плану перестройки природы, засаживаются огромные государственные и колхозные защитные лесные полосы.

Распространение березы.

ШИПОВНИК

В конце весны по опушкам лесов и оврагам, среди зарослей черемухи, рябины, ивы, ольхи, березы зацветают кусты шиповника. Всем нам известен этот кустарник в 2 — 3 метра высотой, с крепкими серповидными шипами, с крупными розовыми цветами, обладающими сильным ароматом. Шиповник — предок розы, от которой он отличается лишь тем, что цветы его простые, а не махровые.

Распространение шиповника.

Но не столько цветы, сколько плоды шиповника приносят нам пользу. В августе—сентябре созревают ягоды шиповника, приобретающие оранжевый и красный цвет. В мясистой оболочке их много жестких волосистых семян. Эти ягоды не особенно вкусны, но очень полезны, и издревле славятся как русское народное противоцинготное средство. Действительно, как показали лабораторные исследования, в ягодах шиповника содержится много витамина «С».

В дни Великой Отечественной войны тысячи партизан предохранили себя от заболевания благодаря тому, что ели ягоды шиповника и пили отвар из них вместо чая.

Шиповник встречается в лесах средней полосы нашей родины, а на территории братских республик в Средней Азии заросли его покрывают огромные пространства. Здесь кустарниковые заросли шиповника, или, как их называют, розарии, состоят из низкорослых (1 — 1½ м) кустиков, плотно переплетенных ветвями друг с другом. Розарии особенно привлекательны весной и в начале лета, когда они покрыты неисчислимым количеством ароматных цветов. Летом опадают цветы, а к августу из-за сильной жары розарии стоят совсем голые, без цветов и без листьев, настолько иссушающе действует на них зной.

На территории СССР произрастает более 20 тысяч видов растений, и только 250 из них, то-есть немногим больше одного процента, используются населением. За последние годы в Советском Союзе обнаружено среди дикой флоры много ценных растений: кок-сагыз, тау-сагыз и другие. Список «прирученных» растений будет и дальше увеличиваться.

Но есть еще немало растений, ценность которых известна давно, но они до сих пор полностью не используются. Шиповник — одно из этих растений. Сделать из шиповника фруктовый кустарник, превратить его сухие плоды в крупные, сочные, сладкие — вот одна из первоочередных задач для мичуринцев. Есть все основания предполагать, что эта задача будет успешно разрешена в ближайшие годы. По сталинскому плану преобразования природы шиповник высаживается в больших количествах в степных районах нашей родины.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Пастух оленеводческого колхоза «Светлая жизнь» (Чукотский национальный округ) обратил внимание на то, что несколько оленей почему-то вдруг шарахнулись в сторону. Пастух поспешил к ним и увидел, что один олененок уходит в сторону от стада. «Что могло встревожить взрослых оленей и привлечь внимание телянка?» — подумал пастух, но тут же заметил, что по замле катится серый шар. Шар изредка останавливался, потом снова продолжал свой путь. А следом за шаром шел любопытный олененок.

Опытный глаз пастуха сразу различил в очертаниях «шара» фигуру матерого волка, заманивавшего молодого оленя подальше от стада, чтобы потом напасть на него. И когда олененок ушел на большое расстояние от стада, шар превратился в настоящего волка, прыгнувшего к прыжку.

Меткий выстрел пастуха уложил хищника на месте.

На территорию, охраняемую часовым ефрейтором Романок (Хабаровской край), из леса вышли три тигра. Один из них перескочил проволочное ограждение и стал быстро приближаться к часовому. Тов. Романок в расстоянии 60 метров выстрелил в тигра. Зверь яростно взревел, сделав еще один прыжок по направлению к часовому, и упал на землю мертвым. Два других тигра быстро скрылись в тайге.

В телятник совхоза, обслуживающего рабочих Грознефти (в районе Грозного), забрался волк.

Телятница Евдокия Бычкова, прибежавшая на поднятую животными тревогу, не растерявшись, ударила волка прикладом ружья по голове. Волк пришел в ярость и бросился на женщину, но она вторым ударом свалила его с ног и добила.

В Людиновском районе (Калужская область) громадный орел-беркут напал на охотника Саукова, возвращающегося с охоты.

Сауков не растерялся и в тот момент, когда орел уже готов был броситься на него, выстрелил.

Размах крыльев убитого орла превышает полтора метра.

ХОРОШО ЛИ ВЫ ЗНАЕТЕ КАРТУ СВОЕЙ РОДИНЫ?

Ответы к серии вопросов, помещенных в № 4

I

1. Остров Новая Земля.
2. Новая Земля состоит из двух островов — Северного и Южного.
3. Омывается Новая Земля Баренцовым и Карским морями.
4. Новую Землю трижды посетил русский полярный исследователь В. А. Русанов (в 1907—1912 гг.).

II

1. Река Волга.
2. Ахтуба.
3. Родной розовых африканских пеликанов является Астраханский заповедник в дельте реки Волги. Здесь они выводят своих птенцов.

III

1. Озеро Байкал.
2. Это глубочайшее озеро мира.
3. Река Ангара — единственная река, вытекающая из озера Байкал.
4. Байкальская лимнологическая станция Академии наук СССР.

IV

1. Полуостров Камчатка.
2. Ключевская сопка.
3. На Камчатском полуострове находится свыше ста вулканов, из них около двух десятков действующих.

Г. С., В. Я.

ЮНЫЕ МОСКВИЧИ

путешественники

Ежегодные путешествия по бескрайним просторам родной земли стали замечательной традицией советской молодежи и юношества. Изучить природу своей страны, узнать ее богатства, ближе познакомиться с ее растущей социалистической промышленностью и совершенствующимся сельским хозяйством стремятся молодые путешественники.

Много нового встретят на своем пути юные туристы и в этом году. Грандиозные стройки страны, стремительно возникающие по планам послевоенной сталинской пятилетки, увидят они своими глазами. Преображенная тружениками колхозных полей земля раскинется перед ними. Засинеют пруды и водоемы там, где их не было прошлым летом. В широких степях зазеленеют первые молодые деревья ползающих насаждений.

Обогащенные новыми знаниями, окрепшие, возмужавшие, закаленные в борьбе с трудностями походной жизни возвратятся юные путешественники домой. Яркие впечатления и рассказы о виденном привезут они, новыми коллекциями пополняя школьные музеи и кабинеты.

Деятельно готовится в этом году к летним путешествиям и походам по родному краю молодежь Москвы.

В туристических секциях, краеведческих и географических кружках уже разработаны новые маршруты. Зимой ребята провели ряд тренировочных походов на лыжах, совершили вылазки с ночевкой за город. Встречи с заслуженными мастерами спорта, учеными — историками, натуралистами, географами — состоялись во многих школах и домах пионеров.

Всю зиму царило оживление в лекционном зале Московского городского дома юных пионеров. Цикл лекций о выдающихся русских путешественниках и мореплавателях прочли старшим школьникам лучшие московские специалисты-географы.

О замечательном путешествии Семена Дежнева, 300 лет назад открывшего пролив между Азией и Америкой, о первых русских кругосветных путешествиях Ю. Ф. Лисянского и И. Ф. Крузенштерна, об открытии материка Антарктиды русскими моряками — капитаном Фадеем Беллинсгаузеном и Михаилом Лазаревым — и о многих других беспримерных подвигах наших славных соотечественников — мореходов и путешественников — обстоятельно и интересно рассказали ученые юным слушателям.

27 марта в театре Московского городского дома юных пионеров собрались юные натуралисты, краеведы, туристы, географы и историки поделиться опытом проведенных походов, сообщить о той подготовительной работе, которую они проделали зимой, обсудить планы летних путешествий. Вечер пролетел незаметно. Много интересного рассказали ребята о своей работе, о путешествиях прошлого лета.

Теплые, дружеские отношения завязались между юными туристами и жителями тех мест, где побывали в походах ребята. О крепкой и длительной дружбе между московскими туристами и членами колхоза «Борец» Дмитровского района Московской области говорил в своем выступлении член общества юных географов комсомолец Леонид Фомичев.

Сердечный прием нашел в колхозе «Борец» юные путешественники. Колхозники охотно показали ребятам свое образцово налаженное хо-

зяйство, подробно рассказали им о своей работе, о борьбе колхоза за высокие урожаи картофеля. Всю зиму продолжалась оживленная переписка между двумя дружными коллективами. В каникулы школьники побывали друг у друга в гостях, вместе праздновали елку в лесу.

Большую радость пережили колхозники и их юные друзья этой весной. За получение высоких урожаев картофеля семи членам колхоза «Борец» Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, Торжественную встречу своим почетным друзьям устроил Московский городской дом юных пионеров.

Юные туристы и путешественники Москвы побывали во многих интересных уголках своей области, собрали разнообразные коллекции. Так, например, в Ленинских Горках ребята тщательно исследовали малоизвестные карстовые пещеры, изучили их происхождение.

Но не только по родной области путешествовала любознательная молодежь столицы. В солнечный Таджикистан совершили поездку прошлым летом московские школьники — члены общества юных географов.

По пути ребята посетили столицу Азербайджана — Баку. Они побывали на нефтепромыслах, видели, как добывают нефть со дна Каспийского моря.

В Таджикистане путешественники посетили два хлопководческих колхоза-миллионера — «Коммунизм» и имени Л. М. Кагановича. Богато и культурно живут таджикские колхозники-хлопководы. Радужно встретили они московских гостей, настоящий пир устроили в честь их приезда. Ребята побывали на хлопковых полях, они видели, как растет хлопок, как устроена оросительная система.

На машинах пересекли юные путешественники три горных хребта — Гиссарский, Зеравшанский и Туркестанский.

Трудный, но исключительно интересный поход совершили они на живописное горное озеро Искандер-Куль, расположенное на северном склоне Гиссарского хребта на высоте 2120 метров над уровнем моря. Среди участников этого похода были свои «специалисты» — геоморфологи, геоботаники. Каждый из них имел определенное задание, которое он должен был выполнить.

Интереснейшие дневниковые записи, содержащие ценные наблюдения, множество самых разнообразных фотоснимков привезли ребята в Москву. Руководили этой экспедицией студент географического факультета МГУ Борис Беклешов и работник Московского городского дома юных пионеров тов. Т. М. Дьяченко.

Большой запас новых знаний, личных впечатлений и полезных наблюдений внесли путешественники в результате экспедиции, хорошую туристскую закалку получили они. Настоящую выдержку, выносливость, чувство товарищеского долга и коллективизма проявили ребята в экспедиции.

Другая группа юных туристов Москвы совершила путешествие по Грузии. Из Кабарды через Сванетию в Колхиду лежал путь группы. Об этом нелегком, но зато увлекательном переходе один из юных участников похода написал очерк, который мы публикуем ниже.

ЧЕРЕЗ СВАНЕТИЮ В КОЛХИДУ

Мерно постукивая колесами, поезд подходил к Нальчику. В открытые окна вагона было видно, как постепенно замедляет стремительный бег запыленный строй тополей, ребристая черепица крыш мазанок, высокие жерди колодезных журавлей. Вот мимо нас медленно проплыл угол станционного здания с большим потемневшим колоколом и застыл как раз напротив окна нашего вагона.

Нальчик был началом нашего маршрута. Отсюда путь лежал по долине Баксана к перевалу Донгуз-Орун, преодолев который мы должны были попасть в Сванетию и, пройдя по долине Ингура, выйти через Сванетский хребет к Кутаиси и от-

туда поездом отправиться в Батуми.

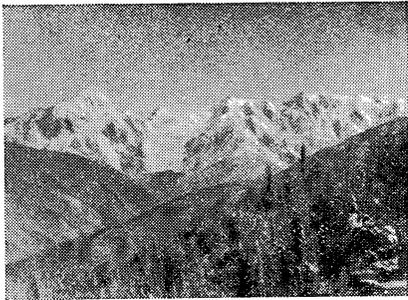
Маршрут был не прост. На пути надо было пересечь два снежных и четыре травянистых перевала, пройти по лесным массивам и горным тропам, где с 1940 года не ступала нога туриста.

Поэтому подготовка группы была проведена с особой тщательностью. Подбирались опытные, выносливые, проверенные во многих походах туристы, имеющие значки «Турист СССР» и звание инструктора. Однако, стремясь подготовить новые кадры туристов, мы включили в группу и новичков.

На пятый день утром мы покинули Нальчик.

Вот и горы! С каждым часом они делаются все выше, все мрачнее становятся отвесные скалы, нависшие над потоком, все бешенее ревет неистовый Баксан.

Петли дороги гигантским штопором уходят в темную тесноту ущелья. Скалы, осыпи, кустарники окружают нас. Машину резко бросает на поворотах, и сидящим у бортов приходится крепко держаться друг за друга. Наша звонкая песня разносится над горами, заглушая шум мотора. Пыль клубами поднимается за грузовиком, серым налетом ложится на придорожные камни, на листья кустарника, на жесткую щетку пожелтевшей травы. А вокруг развевается панорама Баксанского

Главный Кавказский хребет.

ущелья — скалы, водопады, леса, камни и опять скалы.

Но вот машина делает крутой поворот и останавливается у стройного ряда палаток. На флагштоке лениво полощется вымпел спортивного общества «Большевик».

— Вот мы и дома! — весело заявляет шофер.

Сгружаем вещи, размещаемся в палатках, и вскоре на небольшой площадке вспыхивает пламя костра.

Поздно вечером к нашему костру подходит человек в коричневой гимнастерке, опоясанной тонким ремешком. На смуглом лице его в темноте блестят белые зубы. Это наш проводник Ахмет Куватов.

— Завтра в десять с ишаками тут буду, готовьтесь, — и он уходит, сразу же исчезнув в темноте ночи.

А наутро полог палатки широко распахивается и бодрый голос дежурного кострового поднимает всех на ноги.

У палаток, мирно помахивая хвостами, бродят три ишака. Серые добродушные морды, мягкие уши, на спинах выючные седла. Стягиваем веревками выюки, нагружаем животных, надеваем рюкзаки и выступаем в поход. Некоторое время из-за молодой поросли сосняка виднеется полотнище флага, затем исчезает и оно.

Мы в пути. Солнце поднимается все выше и выше, ослепительно сверкают ледники, фирновые поля хребта. Легкие облачка проплывают совсем низко, задевая поросшие лесом склоны гор. Дорога кончается за мостом. По извилистой тропке, прихотливо раскинувшей свои петли среди громадных валунов и стройных сосен, уходим в сторону. Часа через три мы разбиваем лагерь среди сосен и валунов Донгузорунской поляны.

Свободное перед сном время отводим для подготовки завтрашнего штурма: готовим веревки, альпенштоки, подгоняем (уже в который раз!) снаряжение, готовим счки. А время идет. Уже давно тщательно вымыты дежурными котелки, закрыты переплеты походных дневников и больше ничего не остается делать, как забраться в палатку и, завернувшись в одеяло, уснуть. У костра остаются только дежурные. Здесь же на кошме прилег Ахмет, отказавшийся от чочлега в палатке. Где-то далеко

внизу грохочет поток, сосны глухо шумят над головой...

Подъем назначен на четыре часа утра. И когда еще не занялась заря, мы уходим на штурм перевала.

Тропа круто вздымается по склону, идти трудно. Каждые 15 минут делаем остановку, отдыхаем и затем снова беремся за альпенштоки. Так движемся мы долго: лес кончается, одинокие деревья тоскливо маячат среди густой заросли субальпийских лугов, затем исчезают и они. Мы среди густой роскошной альпийской растительности; белые панамы и шляпы туристов еле видны в высокой траве.

Медленно занимается заря. Розовый воздух обволакивает горные цепи, снежные вершины, сахарные конусы Эльбруса. Затем розовый цвет исчезает, и прямые мечи солнечных лучей вырываются из-за зубчатых скал, зажигая яркими огнями вершины снежных гор. А вот и оранжевый диск солнца медленно выплывает из-за гор, сразу же на глазах вспыхивая нестерпимым светом.

Становится жарко. Сбрасываем куртки. Надеваем темные очки и движемся дальше.

Роскошную растительность альпийских лугов сменяют камни и щебень морены, густая поросль темно-зеленого рододендрона. А вскоре под ногами у нас появляется снег. Мы у подножья перевала и начинаем подниматься вверх. Обоз медленно движется по прокладываемой нами тропе.

Дорога не легка. Тяжело навьюченные ишаки не в силах одолеть крутой подъем.

Решение принято быстро. Руками, зубами, а где и ножом освобождаем выюки от веревок. Двое из нас гонят наверх по протоптанной зигзагами тропинке освобожденных от груза ишаков. Остальные, доотказа набив вещами, снятыми с животных, рюкзаки, идут к седловине перевала. Пот разъедает глаза, ремни врезаются в плечи, дыхания нехватает.

Метр за метром штурмуем ледяную стену. Метрах в пятидесяти срывается каменная лавина. С грохотом проносятся мимо нас, и слышно, как где-то внизу камни разбиваются о валуны морены. Осколки долетают и до нас, но мы упорно устремляемся к седловине.

Наконец выходим на перевал. Первое, что бросается в глаза, — это ржавый ствол пулемета и обильная россыпь гильз среди камней, пулеметные ленты, диски автоматов. Все это остатки битвы, гремевшей в этих скалах в дни Великой Отечественной войны.

Через несколько дней, когда мы уже спустились в Сванетию, в одном из селений нам рассказали подробности битвы за перевал.

Немцы вышли сюда осенью 1942 года. Первая и четвертая альпийские дивизии были укомплектованы из горцев-проводников Баварии, Тироля, Гарца. Эти головорезы с черным пером и цветком эдельвейса на шляпах были уверены в победе. Но

на защиту родных гор вместе с горными стрелками Советской Армии встали вольные сыны орлиного племени — сваны. Когда пришла пора наступления, сваны спустились с этих перевалов вниз, чтобы вместе со всей армией, со всем народом разбить врага и завершить свою победу в Берлине.

* * *

Еще два дня пути, и мы штурмуем Таврар. Не переставая, льет дождь. Струйки воды бегут по шерсти шагающего впереди ишака. От дождя набухает одежда. Становятся скользкими подошвы ботинок. То глинистые, то каменные склоны перевала каждую минуту грозят сбросить нас вниз, но упорство побеждает, и вскоре перед нами возникает панорама долины Ингура.

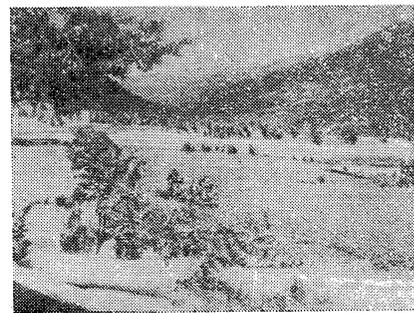
Далеко вниз уходят крутые склоны Таврарского контрфорса. Там, в глубине долины, видна извилистая полоска реки, кубики строений селения, массивная полуразвалившаяся башня над водами Ингура. В сизом тумане проглядывают поросшие лесом склоны и снежные вершины Сванетского хребта. Долго кружимся по извилистой тропке. Иногда без дороги продираемся прямо через густые заросли бука и орешника. На ночлег останавливаемся вблизи одиноко стоящей сванской постройки.

Недалеко от места нашего бивуака проходит шоссе. Эта дорога была построена в годы советской власти на месте выючной ингуруской тропы. «Дорога в социализм» — так называют сваны это шоссе, связавшее самые отдаленные уголки Сванетии с крупнейшими общественными и культурными центрами страны.

Утро встало жаркое. Немилосердно палит солнце. Но мы продолжаем путь. Иногда навстречу нам попадают сванские селения, башни, поля пшеницы или ячменя.

Медленно протягится пара волов, запряженных в сани. Важно ответит на наши приветствия шагающий рядом сван. И снова пустынное полотное дороги.

Но однажды по улице одного из селений мимо нас, выбросив сизое облачко дыма, пронеслась машина: черный обтекаемый корпус, на радиаторе три буквы и цифра «ЗИС-101».

Долина Ингура.

На пути к перевалу Донгуз-Орун.

Уже давно улеглась пыль, а мы все смотрели на зубчатые следы шин, перечеркнутые следы сванских санией. Новое приходит здесь на смену старому. Это мы видели везде.

* * *

Наконец мы входим на улицы Местии — сванской столицы. Широкая площадь, строящееся здание гостиницы, десяток машин около нее. Из репродуктора, установленного на здании Совета, доносится бас диктора. Вокруг, рядом с новыми домами, как памятники старины, еще стоят средневековые сванские башни, когда-то служившие защитой от врага. Вдали за зданием педагогического училища желтеют поля.

Ночь охватила город. Облака спустились низко-низко — на башни, на улицы. Лишь под утро, когда свежий ветер разогнал мутную пелену тумана, молчаливым блеском под лучами огромной луны засверкали вековые снега красавицы Ушбы.

Через день мы покинули Местию. Дорога круто взбиралась на вершину Угырского перевала. Глубоко внизу раскинулись селения. Дома, башни, маленькие фигуры людей видны сверху с поразительной ясностью. Вдали поднимаются стены главного хребта. Это самая массивная часть Кавказа. Самые большие вершины — Ушба, Шхара, Шхельда, Тетнульд.

В середине дня мы перешли Угырский перевал.

Не успели мы его покинуть, как хлынул проливной дождь. Но он не остановил нас. «Нам путь не страшен, дойдем до облаков, с веселой песней нашей шагаются легки», — и захлестнула всю нашу группу эта песня.

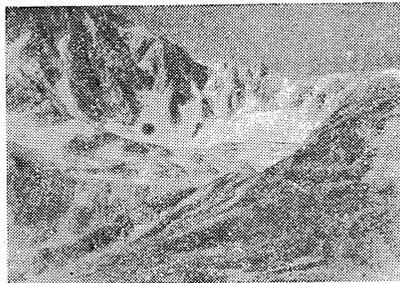
Водные потоки размывали тропу, дождь хлестал нам в лицо, но мы попрежнему упорно двигались вперед.

* * *

Еще один перевал, пришлось нам штурмовать, прежде чем мы спустились в долину Цхенис-Цхали. Теперь мы в Нижней Сванетии. Темнота опускается на живописные склоны ущелья Цхенис-Цхали. Круто уходят вверх заросли леса. Скалы громоздятся над дорогой. В совершенной темноте подходим к селению Лентехи, россыпью электрических огней долго маячившему впереди нас. У ярко освещенного подъезда кинотеатра толпится народ, трещит кинопередвижка. У входа большой плакат — идет «Зоя». Рядом на столбе рупор передатчика. Слышим знакомый голос московского диктора.

* * *

Через несколько дней за бортами машины в стремительном беге помчались поля, селения, скалы, потоки и реки Грузии. Дикие ущелья

Дорога к перевалу Донгуз-Орун.

сменялись многолюдными селениями, виноградниками и фруктовыми садами. Вот и Нижняя Сванетия осталась позади, и дорога вьется по берегу Риона. Плодовые сады, виноградники, селения, опять сады. Поздно вечером за крутым поворотом дороги внезапно разлилось море огня. Мы подъезжали к Кутаиси...

Олег Яблонский

Ученик 10-го класса 31-й школы Фрунзенского р-на г. Москвы

Крымский олень

Оставив гостеприимную лесную сторожку, мы стали спускаться по склону горы. В дремучем лесу стояла тишина. В предрасветном тумане стволы столетних буков казались огромными колоннами.

Пройдя по дну балки, укрытой зарослями кизила, лещины и грабовника, мы стали подниматься на хребет.

Извиваясь змейкой среди деревьев, тропа уводила нас в глубь леса. Стволы некоторых молодых деревьев были обглоданы, и на коре ясно были видны погрызы. Наконец мы вышли к невысокому обрыву. Небольшая площадка под ним была густо покрыта следами.

На противоположном склоне, среди полей, обрамленной невысокими дубами, паслось стадо оленей. Ближе к нам находился олень-бык. Массивные, со многими отростками рога, сидевшие на лбу небольшой головы, придавали животному величавый и гордый вид.

Рядом стояла самка. Она была меньше самца и более тонкого сложения. Выразительные крупные живые глаза придавали лесной обитательнице особую прелесть.

Остальные олени, разбредшись по поляне, щипали траву.

Притаившись за кустарником, мы долго любовались ими. Но вот, медленно передвигаясь по поляне, олени углубились в лес и скрылись в чаще...

Интересные наблюдения над оленями ведут научные сотрудники Крымского государственного заповедника.

В прошлом олени водились во многих лесах горного Крыма. Обитали они и в окрестностях Севастополя, но здесь были давным-давно истреблены, а леса вырублены.

Около ста лет назад много оленей встречалось у Бахчисарая. Здесь они считались собственностью крымских ханов. Последним пристанищем крымских оленей послужили леса Чатыр-Дага и окрестностей Козьмо-Демьяновского монастыря, входившего в территорию бывшей царской охоты. После изгнания из Крыма последнего ставленника интервентов барона Врангеля и установления советской власти дремучие леса в верховьях крымских рек вместе с населявшими их оленями и другими зверями были объявлены Государственным крымским заповедником. С этого момента начинается тщательная охрана небольшого сохранившегося стада оленей (около 50—60 голов).

Накануне Великой Отечественной войны в лесах заповедника насчитывалось около 2 500 оленей. Годы немецко-фашистской оккупации принесли колоссальные разрушения заповеднику. Учет, произведенный после освобождения Крыма, показал, как были сильно выбиты эти животные. От огромного стада сохранилось всего несколько сот оленей.

К настоящему времени количество оленей в Крыму уже возросло.

Кроме заповедных лесов Черной горы, Чуцели, Чатыр-Дага, олени в небольшом количестве встречаются в лесничествах Бахчисарайского, Алуштинского, Симферопольского, Ялтинского районов.

В настоящее время благородный олень сохранился в СССР в немногих местах: он водится на Кавказе, в Закавказье, на Карпатах, в Беловежской пушче, в Воронежском заповеднике, на реке Усманке, в Днепровских plainах и в заповеднике Аскания-Нова на Украине.

Олень, живущий в Крыму, по строению рогов и другим признакам отличается от средневропейского и кавказского, занимая как бы промежуточное положение между ними. Это позволило зоологам именовать его крымским.

А. Соколов

г. Симферополь

ЮБИЛЕЙ «ЕРМАКА»

Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешную работу по проводке во льдах морских судов, особенно по трассе Северного морского пути, и в связи с 50-летием со дня его постройки первый русский ледокол «Ермак» награжден орденом Ленина.

Приоритет в изобретении ледокола принадлежит России. Идея постройки судна, специально приспособленного для борьбы с тяжелыми арктическими льдами, была выдвинута в 1864 году кронштадтским жителем Бритневым. Срезав нос у парохода «Пайлот», Бритнев добился того, что судно это взбегало на льдины и обламывало их. Косые чиновники, ведавшие морскими делами в царской России, не обратили необходимого внимания на изобретение Бритнева. По образцу его судна у нас было построено только еще два таких же ледокола в 250 лошадиных сил. Но им сейчас же заинтересовались за границей. Из Германии в Кронштадт прибыли инженеры и, познакомившись с конструкцией британского судна, начали строить свои ледоколы, довольно, правда, слабые, ломавшие лед корпусом.

«Ермак» — первый в мире мощный линейный ледокол — был, однако, построен целиком по планам выдающегося адмирала С. О. Макарова, разработанным им при содействии знаменитого русского ученого Д. И. Менделеева и группы крупнейших специалистов, знакомых с условиями ледового плавания.

Ранее построенные ледоколы «Ермак» превосходил своей оригинальной конструкцией, размерами, мощностью машин, особой формой корпуса. Такой ледокол был способен преодолевать полярные льды.

В первый же свой рейс в марте 1899 года «Ермак» вошел в Кронштадтскую гавань, подавив тяжелые льды Финского залива.

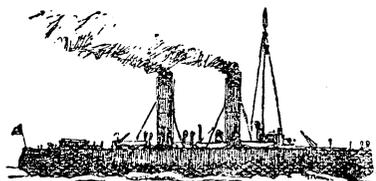
За 50 лет своей работы «Ермак» провел сквозь льды свыше 3 500 судов. Исключительную роль сыграл он в освоении Советской Арктики, особенно в годы первых сталинских пятилеток.

В 1938 году «Ермак» поставил рекорд свободного плавания на север, достигнув 83°06' северной широты.

«Ермак» вписал свое имя в историю Великой Октябрьской социалистической революции. В предоктябрьские дни 1917 года он провел в Неву крейсер «Аврора», обстрелявший Зимний дворец. Участвовал «Ермак» и в знаменитом ледовом походе балтийских моряков в марте — апреле 1918 года. Роль ледокола в этой операции была исключительно велика.

В дни Великой Отечественной войны «Ермак» под жесточайшим огнем врага проводил суда между Ленинградом и Кронштадтом. Им командовал в эти дни старший капитан советского морского флота М. Я. Сорокин.

После войны «Ермак» вновь вступил в ряды советского ледокольного флота, продолжая свою славную работу.

В МИРЕ КНИГ

УРАЛЬСКИЕ СКАЗЫ¹

Недавно советская общественность отмечала семидесятилетие уральского писателя-орденоносца, лауреата Сталинской премии, депутата Верховного Совета СССР Павла Петровича Бажова.

Всеобщей любовью и широкой популярностью пользуются в нашей стране замечательные, оригинальные произведения этого выдающегося советского писателя. С равным увлечением зачитываются яркими, разнообразными поэтическими сказами Бажова взрослые и дети.

Коренной житель Урала, сын уральского рабочего-пудлинговщика Сысертского завода, П. Бажов глубоко знает и горячо любит свой край. До мельчайших подробностей изучил он историю Урала, его фольклор и эпос, которые оказали большое влияние на его поэтическое творчество. Постоянно живя на Урале, в среде горнозаводских рабочих, П. Бажов хорошо знает их жизнь и быт.

О горнозаводском Урале и уральских рабочих — искусных мастерах своего дела — литейщиках, гранильщиках, камнерезах, оружейниках, че-

канщиках, о их самобытном искусстве и творческом труде повествуют высокохудожественные сказы П. Бажова.

Тяжкой была жизнь уральских рабочих до революции. От прихоти хозяина или приказчика, от каприза своенравной барыни часто зависела судьба простого человека и его семьи. Но не покорными и забытыми изображает своих героев П. Бажов. Сильными чертами характера наделяет их писатель. Это прежде всего неутомимые в труде, смелые духом и честные сердцем люди. Благодарством помыслов, свежестью и искренностью чувств, преданностью своему любимому делу отличаются они. Упорным трудом, стремлением к совершенству в мастерстве завоевывают они себе независимость, всеобщее уважение и признание.

Таковы герои сказов «Малахитовая шкатулка», «Каменный цветок», «Горный мастер», «Хрупкая веточка». Этим людям помогает в труде «Хозяйка Медной горы», в чьем поэтическом образе воплощена красота народных идеалов, отражено предчувствие светлого будущего. Перед ними открывает «хозяйка» богатства и сокровенные тайны старых гор.

О талантливости народа, о любви простого русского человека к труду, о творческой инициативе мастеров повествуют сказы «Живинка в деле», «Железковы покрывки», «Иванко-крылатко», «Чугунная бабушка», «Коренная тайность».

«Живинка в деле» — главное в мастерстве. Это то, без чего не может быть искусства. Это творческая мысль, инициатива, новаторство, выдумка. Это постоянный поиск новых путей в труде. Всегда стремиться вперед, делать лучше, чем было сделано прежде, совершенствовать свое мастерство зовет «живинка». «Она, понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастерства бежит и человека за собой тянет», — объясняет своему ученику Тимохе углежог дедушка Нефед, один из героев бажовских сказов.

Творческую мысль, новаторство проявил молодой златоустовский мастер Иванко в состязании с немец-ремесленником на лучшую чеканку сабель.

Отлично знает свое дело немецкий мастер, чистая, четкая у него чекан-

¹ П. Бажов, Живинка в деле, Профиздат, М., 1948, 202 стр., цена 13 руб.

ка, «позолота без пятна». Но мастерство его ремесленное, без выдумки, без души. Самостоятельным путем, не подражая немецкому образцу, пошел русский мастер Иванко, и он создал подлинное произведение искусства.

Знают цену своему мастерству уральские камнерезы. Изумительной красоты малахитовые крышки для альбома сделал по царскому заказу камнерез делушка Евлампий. Заволновались иностранные мастера, увидев замечательную работу русского камнереза. Огромные деньги предлагали они Евлампью, пытаясь выведать секрет его работы.

Но с презрением выгнал русский человек назойливого иностранца, осмелившегося предложить ему деньги. Не продается «наш родной камень, в коем радость земли собрана». «Нам самим этот камешок пригодится. Не то, что покрывки на царский альбом, а такую красоту сделаем, что со всего свету съезжаться будут, чтобы хоть глазком поглядеть. И будет это наша работа!» Так ответил простой русский камнерез заграничному торгашу.

Не умели ценить настоящих мастеров русские барышники-капиталисты. На весь Урал славился златоустовский булат, который варил сталевар Швецов. Удивительной прочностью и гибкостью отличался этот знаменитый металл, из которого делались лучшие сабли. Но мастер умер и унес в могилу тайну своего производства, боясь, что русские заводчики продадут секрет варки булата за границу. Не случилось бы этого, если бы жил Швецов в наше время. «Советский человек теперь полностью раскрылся. Ему нет надобности свое самое дорогое в тайниках держать, Никто не боится, что его труд будет забыт либо не оценен в полную меру. Каждый и несет, кто что умеет и знает. Вот и выходит сила, какой еще не бывало в мире. Такая сила любую тайность найдет», — так заканчивается сказ «Коренная тайность».

С «круговым фонарем», освещающим рудник ровным и ярким светом, сравнивает Бажов настоящего большевика, коммуниста. «Ни одно дело пустяком не считать» — внимательно присматриваться ко всякой работе, всегда учиться у лучших должен человек, стремящийся быть передовым. Это основная идея сказа «Круговой фонарь».

Огромной силой, преображающей, всепобеждающей, воспитывающей, является труд человека. Счастье человека — это результат его труда. Люди труда гордо несут свое человеческое достоинство. Они сознают свое могущество, верят в себя. Эти мысли с большой художественной силой выражает Бажов своими сказами.

Образным, выразительным языком написаны произведения Бажова. Речь их героев сочная, красочная. Народные пословицы и поговорки, напевность простонародной русской речи украшают и обогащают сказы.

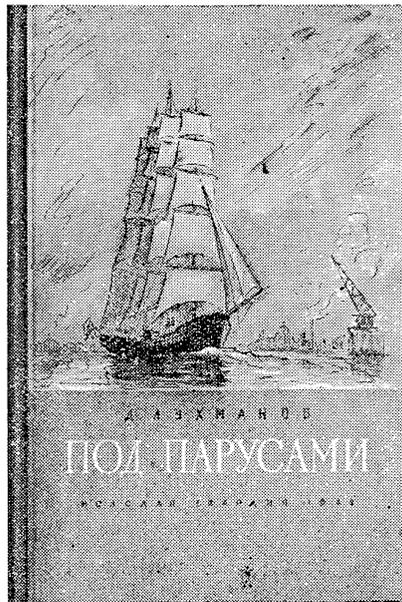
Новую книгу П. Бажова, выпущенную в 1948 году Профиздатом, с благодарностью прочтут советские читатели.

Е. Березкина

ВОСПОМИНАНИЯ КАПИТАНА

Пять лет назад в Москве на восьмидесятом году жизни скончался капитан дальнего плавания Д. А. Лухманов.

Имя Дмитрия Афанасьевича хорошо знакомо советской молодежи главным образом как капитана, водившего в дальний заокеанский

рейс — от Мурманска к берегам Аргентины — учебный парусный барк «Товарищ».

Советская молодежь знает Лухманова и как писателя-беллетриста, в ряде художественных произведений знакомящего читателя с волнующей романтикой моря, с далекими странствованиями, чужими берегами и людьми.

К серии книг Лухманова («Морские рассказы», «Соленый ветер», «200 000 миль под парусами», «Штурман дальнего плавания» и другие) прибавились и недавно выпущенные издательством «Молодая гвардия» его воспоминания, охватывающие период «за полсотню лет от службы «малым» на стогонной азовской шхуне «Святой Николай» до командования стальным четырехмачтовым барком «Товарищ» в пятьдесят тонн в океанском плавании»¹.

Лухманов отдал морю свыше 60 лет своей жизни. Страсть к морю проявилась в нем, когда он был еще совсем мальчиком, кадетом младших классов III московской военной

гимназии. Ее внушило мальчику чтение книг о приключениях на море — той стихии, которой он еще никогда не видел. Лухманов решает стать моряком. Случайная экскурсия в Кронштадт — вид моря, кораблей — укрепляет в нем это желание.

Мальчик чувствует, что он не в силах больше оставаться в стенах ненавистной гимназии с ее жесточайшей муштрой, реакционной атмосферой военной школы царских времен. Лухманов добивается своего — уезжает учиться в Керченское мореходное училище. Семнадцатилетним мальчиком Лухманов кончает «мореходку», кончает блестяще. Но он несовершеннолетний и по царским законам до 21 года не имеет еще права на получение диплома, хотя бы и на первое судоводительство. Впереди еще четыре года тяжелой матросской практики.

Сложилось так, что эту практику Лухманову пришлось начать на кораблях, принадлежавших иностранцам. Первым из них был «Николаос Вальяно» — греческое судно, вывезшее из России в зарубежные страны зерновые продукты. На «Вальяно» и нескольких других иностранных судах Лухманов познал на себе всю тяжесть капиталистической эксплуатации труда, бессердечного, жестокого отношения к людям. Каких только самодуров и негодяев капитанов не привелось увидеть Лухманову, каких только издевательств и унижений, наряду с товарищами по работе, не претерпеть!..

Особенно характерна была в этом отношении работа на итальянском пароходе «Озама» и двух американских парусниках: «Гарри Уайт» и «Самуэль Карльтон».

В Бостоне Лухманову пришлось впервые познакомиться с «преlestями» американской демократии. Здесь по городу бродили массы голодающих матросов. Толпы их с раннего утра до вечера дежурили у дверей портовой конторы, тщетно ожидая найма. Занял место в этих печальных рядах и юный Лухманов. Через несколько дней ему «повезло». Капитан американского парусного барка «Самуэль Карльтон» искал матросов. По недавно изданному закону контракт с матросами мог быть заключен только на год, но капитан требовал подписки... на три года. «К подписанию контракта никого не волеят, Америка — достаточно свободная страна. Нежелающие могут удалиться...» И голодные матросы «с застывшими, злыми лицами подходят один за другим, берут заскорузлыми пальцами перо... и медленно, сосредоточенно подписывают свою фамилию». Ставит свое имя под этим «документом» и Лухманов.

Жесточайшая эксплуатация человеческого труда, работа почти без отдыха, свинское обращение с людьми, голодный режим — характерные особенности «Карльтона».

Отвратительная пища вызывает возмущение матросов. В Сиднее капитана, ударившего одного из них, команда, схватив за руки и за ноги, выбра-

¹ Д. Лухманов, Под парусами. (Воспоминания капитана). «Молодая гвардия», 1948, 204 стр., цена 9 руб.

сывает из кубрика... На бизань-мачте взвизывается флаг: «На корабле бунт». На барк врывається портовая полиция. На все время стоянки судна в порту команда в полном составе помещается в тюрьму. «По готовности судна к отходу и выходу на рейд доставить команду на судно для окончания подписанного ею контракта...» — говорится в приговоре.

В начале 1866 года Лухманов вернулся на родину. Началась его работа в родной стране, на родных судах. Каспийское, Черное, дальневосточные моря прошел он на русских судах, стал опытным, знающим мореходом, а в советские дни — воспитателем стремившейся на морскую работу молодежи. Об этих годах упорного и благородного труда и рассказывает Лухманов в своих воспоминаниях. С большим интересом будут прочитаны они и не только моряками.

В воспоминаниях этих есть проблемы, связанные с интересной биографией Лухманова.

1917 год застал Лухманова в Японии, в Нагасаки, где он служил агентом русского Добровольного флота. Узнав о Великой Октябрьской социалистической революции, он немедленно выехал во Владивосток, а оттуда в Москву. «Я не мог, — говорит он в другой своей книге — оставаться в стороне от борьбы за новую жизнь, которую вел мой народ». В этот период Лухманов вступил в партию большевиков. Во Владивостоке он вел упорную борьбу за сохранение

судов и имущества Добровольного флота и спас 16 кораблей, которыми пытались завладеть белогвардейцы, чтобы передать их Врангелю. Общее собрание судовых команд, рабочих и служащих Добровольного флота избрало Лухманова управляющим обществом. Правительство СССР присвоило Лухманову звание Героя Труда и наградило его орденом Трудового Красного Знамени.

Г. Н.

В издании Академии наук СССР вышли научно-популярные труды академика В. А. Обручева «По горам и пустыням Средней Азии» и «Мои путешествия по Сибири».

Перездаются научно-фантастические романы В. А. Обручева «Плутония» и «Земля Санникова», несколько переработанные автором. Издательством геологической литературы переиздается и третий роман В. А. Обручева «Золотоискатели в пустыне».

Сейчас В. А. Обручев работает над научно-приключенческим романом «Записки кладискателя», а также над книгой «Воспоминания», в которой рассказывает о своей многолетней научной деятельности.

Государственное издательство технико-географической литературы выпустило книгу «Люди русской науки», в которой собраны очерки о выдающихся русских деятелях естествознания и науки. Очеркам предпослана вступительная статья академика С. И. Вавилова. В книге, в числе других, помещен ряд биографий русских землепроходцев и путешественников — Афанасия Никитина, Семена Дежнева, Миклухо-Маклая, Семенова-Тян-Шанского, Пржевальского и других, утвердивших русский приоритет в области географических открытий.

В издании Академии наук СССР выпущена в свет крупная монография профессора Иркутского Государственного института имени А. А. Жданова доктора геолого-минералогических наук Е. В. Павловского, посвященная геологии и полезным ископаемым Байкальской горной страны. В монографии изложены новые взгляды на геологическую природу той обширной области, которая известна в литературе под названием «Древнего течения Азии».

Издательством «Молодая гвардия» выпущена книга Н. Бороздинова «Юный географ», посвященная внеклассной географической работе в школах и во внешкольных учреждениях.

Государственное издательство географической литературы выпустило «Ежегодник советского альпинизма». В ежегоднике собраны статьи более чем 50 заслуженных мастеров спорта, альпинистов, ученых, туристов. Особый интерес представляют малоизвестные статьи С. М. Кирова о его восхождении на Эльбрус, Казбек и другие вершины. Обзор лучших восхождений последних лет нагисан старейшим альпинистом Москвы, членом-корреспондентом Академии наук СССР профессором Б. Делоне.

ВОКРУГ СВЕТА

СОДЕРЖАНИЕ

№ 5 МАЙ 1949

ВОКРУГ СВЕТА

Молодые строители коммунизма	2
Д. Романенко — Дубосеково. Рис. Г. Балашова	5
Л. Степанова, лауреат Сталинских премий — По городам и селам демократической Венгрии	12
А. Шахов — Пустыня и лес	19
М. Сергеева — Молодежные стройки Румынии	24
Ю. Давыдов — В морях и странствиях. Рис. П. Я. Павловского	26
Н. П. Анциферов — Пушкинские места Ленинграда	35
Н. Устинович — Гости из Америки. Рис. В. Цельмера	41
Г. Беляев. Неренды Каспийского моря	44
Вл. Немцов — Рекорд высоты. Рис. К. Арцелула	47

М. Поповский — Загадочный минерал	55
Юные москвичи-путешественники	59

В мире книг

Е. Березкина. Уральские сказы — Г. Н., Воспоминания капитана. — Книжечная полка географа.

Хроника. — Письма читателей — Заметки

По родной стране (23). — Накануне пушкинских дней (34). — Русские в Антарктике (46). — Среди географов (57). — Наши зеленые друзья (58). — В несколько строк (58). — Крымский олень (61). — Юбилей «Ермака» (62).

На обложке в рамке: Спасская башня. Цветное фото И. Шагина.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Адрес редакции. Москва, Сущевская, 21. Тел. Д 3-20-90, доб. 25

Редактор И. В. Иноземцев.

Члены редакционной коллегии: Д. Д. Арманд, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев, Е. Н. Пральнинов, Н. А. Солнцев.

Техн. редактор А. Губер

А04784 Подписано к печати 7/V 1949 г. Бумага 60x92¹/₈. 8 печ. листов по 53 тыс. знаков. Тираж 60 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 524

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, Сущевская, 21.

Двести пятьдесят лет назад, в 1699 году, знаменитый сибирский самородок-исследователь Семен Ремезов со своими сыновьями — Семеном, Иваном, Петром и Леонтием — начал составление особой «Служебной чертежной книги».

Книга эта представляла собой собрание самых разнообразных работ Семени Ремезова. Строитель, живописец, знаменитый мастер, составитель карт, историк — все это сочетал Семен Ремезов в своем лице. В «Служебной чертежной книге» можно найти чертежи каменного Тобольска, проекты общественных зданий, железных, серебряных и пороховых заводов, планы тобольских слобод.

Семен Ремезов выполнил более пятидесяти портретов деятелей Сибири, в том числе изображение Ермака Тимофеевича.

В «Служебной чертежной книге» можно найти четыре чертежа Камчатки, чертежи «Хингского повелительства» и «Кингайского царства», карту Сибири А. А. Винюса, копию знаменитого чертежа Сибири П. И. Годунова, планы города Кулгура и Тобольска с его окрестностями, а также «чертежи земель» почти всех городов Сибири.

В книге помещено летописное известие о покорении Сибири. Семен Ремезов записал также сведения о якутском пятидесятнике Владимире Кубасове, совершившем в 1701 году поход в только что открытую Камчатку.

В год начала составления «Служебной чертежной книги» Семен Ремезов приступил к работам по строительству каменного Тобольска. У этого дела он пробыв семь лет.

Замечательная книга семьи Ремезовых была открыта всего несколько лет назад советским историком и биографом Семени Ремезова профессором А. И. Андреевым.

ЯРОФЕЙ ХАБАРОВ

Триста лет назад, в 1649 году, двинулся на Амур замечательный землепроходец Ярофей Хабаров.

Уроженец одного из сел близ Великого Устюга, Ярофей Павлович Хабаров, по некоторым сведениям, уже при енисейском воеводе Я. Хрипунове (1623 — 1624) «проведывал» реку Лену.

В 1628 году Хабаров находился в Мангазее, на Таймыре и Пясине, а в 1633 году пришел на Лену, где «караулы караулил» и участвовал в далеких походах. Затем Хабаров устроил первые в Сибири соляные варницы на Усть-Куте, начал соболинный и рыбный промыслы, завел земледельчество на Киренге. Он вошел в такую

силу, что рассчитывал собирать более тысячи пудов зерна в год. Но Хабаров навлек на себя гнев якутского воеводы Головинца, был разорен и посажен под стражу.

В 1649 году Хабаров «поднял» 70 ратных людей и пошел на Амур. Сплыв по Амуру после зимовки на Тугире, Хабаров занял три даурских города. В «Лавкаевом городе» с башнями, рвами и подземными ходами Хабаров разместил первый русский гарнизон. Собрав сведения о стране и составив чертеж пройденного пути, Ярофей Хабаров вернулся в Якутский острог.

Вскоре он прославился новыми подвигами на берегах Амура.

ОТ АЛТАЯ ДО МЕКОНГА

В 1899 году, пятьдесят лет назад, П. К. Козлов, верный спутник Н. М. Пржевальского, осуществил мечту своего бессмертного учителя.

П. К. Козлов отправился в далекий поход к берегам Верхнего Меконга. Его сопровождали В. Ф. Ладигин, А. И. Казаков, фельдфебель Г. И. Иванов, переводчики Я. Афуни и Ц. Бадмажанов, казначий урядник С. Жаркой и др.

Отряд вышел из Русского Алтая, миновал Китайский и Гобийский Алтай и, разделившись, пересек пустыню Гоби по двум направлениям. Русский флаг был поднят у северного порога Тибета, в Цайламе, где была построена метеорологическая станция, порученная работам наблюдателя Муравьева.

П. К. Козлов, исследовав Северный и Центральный Ти-

бет, достиг Восточного Тибета (страна Кам).

В 1900 году русский флаг взвился над колыбелью Верхнего Меконга — главной реки Индо-Китайского полуострова. В стране, овеваемой индийскими муссонами, русские храбрцы исследовали еще неизвестный животный мир, открыли новые горные хребты, проследили течение рек. На обратном пути на берегу реки Голубой П. К. Козлов принял послов далай-ламы, выехавших для встречи с русскими из Лхассы.

Поход П. К. Козлова сопровождался большими опасностями. Горсть русских казаков и гренадер выдерживала бои с бродячими разбойниками, причем эти бои происходили на высотах в 15 тысяч футов.

Четыреста пятьдесят лет назад, в 1499 году, русские послы Митрофан Карачаров и Дмитрий Ларев (Ралев) отправились «за море, до италийских стран». Они посетили Рим, Неаполь и Венецию, добиваясь, чтобы всюду им были оказаны «честь и жалованье». Послы везли в Западную Европу драгоценные югорские меха и моржовую кость в количестве, которое поражало чиновников венецианской таможни и вызывало зависть у богатейших купцов.

Соблюдая достоинство своей страны, послы отказались от участия в торжественной процессии в Венеции, узнав, что им хотели отвести вторые места, вслед за послами Людовика XII. Венецианская синьория была вынуждена пойти на уступки и предоставить русским почетные места.

Вероломный и надменный папа Александр VI (Борджиа) заискивал перед послами, стараясь вовлечь Московскую Русь в борьбу против турок.

Упоминание о московском посольстве отмечено в «Венецианской хронике» летописца Сануто, а верительная грамота русских послов хранится в архиве Венеции.

В год пребывания Д. Ларева и М. Карачарова в Венеции там находился Леонардо да Винчи. В его манускриптах 1500 — 1514 годов появились эскизы о Доне, Азовском море, Каспии и других областях «Скифии». М. Карачаров и Д. Ларев вернулись в Москву через Перекоп и Путивль лишь в 1504 году.

Составил Сергей Марков
Рисовал В. Чернецов

